

ЛЯНА ЗЕЛИНСКАЯ

Рябиновая НЕВЕСТА

Мир Коринтии: Край янтаря и вереска

Ляна Зелинская

Рябиновая невеста

«Литнет»

Зелинская Л.

Рябиновая невеста / Л. Зелинская — «Литнет», — (Мир
Коринтии: Край янтаря и вереска)

Война закончилась, и Север проиграл. По условиям мира старшая дочь ярла Олруда белокурая красавица Фэда должна стать женой короля –захватчика и принести ему в приданое богатые северные земли. Но в ночь перед смотринами Фэда сбежала к возлюбленному. И чтобы не навлечь на Север ещё больший гнев, её отец решается подменить законную дочь её единокровной сестрой Олинн – полукровкой, рождённой вне брака, благо король-южанин никогда не видел свою невесту. А Олинн всего лишь экономка в замке и далеко не такая красавица, как Фэда. Обман когда-нибудь раскроется, и за него она заплатит головой. Но ярлу всё равно, а жизнь дочери - малая цена за свободу Севера, поэтому и выбора у неё нет. Или... всё-таки есть?

© Зелинская Л.

© Литнет

Содержание

Часть 1. Олинн	5
Пролог	5
Глава 1.	12
Глава 2.	21
Глава 3.	30
Глава 4.	34
Глава 5.	42
Глава 6.	46
Глава 7.	50
Глава 8.	55
Глава 9.	60
Глава 10.	64
Часть 2. Король Глава 11.	68
Глава 12.	73
Глава 13.	77
Глава 14.	82
Глава 15.	88
Глава 16.	95
Глава 17.	100
Глава 18.	105
Глава 19.	111
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Рябиновая невеста [305296]

Автор: Ляна Зелинская

Часть 1. Олинн

Пролог

Ворон не обманул. Предупредил... наверное.

Ворон, он ведь очень умный, куда умнее некоторых людей.

Он сидел на ветке осины, не слишком высоко, не слишком низко, точно так, чтобы видеть всё, что нужно, и чтобы палкой никто не дотянулся. Хотя Олинн птиц никогда не трогала, наоборот, подкармливала, и ворон знал это, потому, наверное, и предупредил. Каркнул коротко, надтреснуто и тревожно, заставляя насторожиться и придержать повод.

А может, всё потому, что ворон этот был непростым?

Узкая тропинка петляла меж замшелых валунов и редколесья осин, и эту дорогу, ведущую вдоль кромки болот от избушки старой Тильды, Олинн знала наизусть. Потому и насторожилась.

Ворон зря не потревожит...

Может, зверь какой?

Она потянулась к рукояти кинжала. Но лошади шли смирно, неторопливо и никого не чуяли. Да и какой тут зверь может быть сейчас? Конец лета – благодатное время в Эль–Хейме. Медведи нагуливают жир в ягодниках, волки ушли далеко на север, к морю, вслед за оленями, а люди... Люди не ходят по тропе вдоль Великих болот Эль. И уж тем более держатся подальше от избушки старой Тильды.

И правильно делают.

Вёльва* она. Провидица. Знахарка. Безумная. Кому как...

К Тильде из замка ездят только Олинн, да ещё её отец – ярл Римонд Олруд. А кто ещё решится пробираться по этой тропе в страшное ведьминское логово? Да и нитсшест* – выбеленный временем и дождями, насаженный на палку череп вепря с длинными клыками, который стоит перед её избушкой, мало кому покажется знаком гостеприимства. Говорят, что она одним взмахом своего кривого ножа вспарывает брюхо оленю...

Хотя люди любят приукрашивать всё неведомое.

Но в трудный час, когда никто не поможет, Тильда помогает всем. Вот и сейчас Олинн ехала от неё, нагруженная мешочками с травами, склянками с мазями и настойками. Лето на исходе, самое время пополнять замковые кладовые снадобьями. А скоро вернётся из военного похода отец, а с ним, как обычно, придут в Олруд больные и раненые. Вот и отправилась Олинн из замка поутру.

Её не пугали ни череп на палке, ни эти болота, потому как и сама Олинн – полукровка. Её мать была из вёлей – болотных жителей, и эти бесконечные топи для неё – дом родной. Иной раз даже мачеха в сердцах бросала, что-то вроде: «Не крутись под ногами, болотное отродье!» Мачеха, в сущности, женщина неплохая, и понять её неприязнь можно, ведь кто захочет терпеть в своём доме плод любви собственного мужа и какой-то ведьмы из болотного края? Не выгнала ещё в детстве, и то хорошо. Полукровок не особо-то жалуют. Но зато на этой тропе Олинн по большому счёту бояться некого. Всё, о чём болтают деревенские за кружкой крепкого эля, все эти духи болот: блуждающие огни, чёрные вепри или Яг Морт – ей не страшны.

Не трогают они вьёлей. А уж Тильда и вовсе для неё, если не вторая мать, то всё равно, что тётя. С любимыми невзгодами Олинн с самого детства приходила к ней.

Но ворон перелетел на ветку чуть пониже, снова каркнул и посмотрел в заросли жимолости сначала одним блестящим чёрным глазом, потом другим, а затем взглянул на Олинн как-то осуждающе и каркнул снова, уже настойчивее. Будто сказал: «Что же ты, бестолковая такая, не видишь! А ты посмотри! Посмотри, говорю тебе!» А потом тяжело перепрыгнул на другую ветку, ещё ниже, продолжая внимательно разглядывать что-то в кустах.

Олинн остановила лошадь, заправила за ухо выбившуюся каштаново-рыжую прядь и махнула Торвальду, следовавшему за ней на кауром жеребце. Торвальд, её сопровождающий, когда-то был хирдманом* у старого ярла Олруда, славным воином и охранял самого хозяина замка. Но после ранения лишился глаза и порвал связки на правой руке, вот его и отправили чем полегче заниматься – сопровождать Олинн, младшую экономку замка. Да и стар он уже, хотя до сих пор ещё крепок, как скала, вот только правая рука не владеет мечом в полной мере, а левой много ли навоюешь? А так, помочь с поклажей, лошадь запрячь, отогнать зверя, да и вообще, сильные руки всегда нужны в хозяйственных делах. И с Торвальдом хлопот никаких. Сказано нести – несёт, а сказано стоять – будет стоять и ждать, пока Олинн занята. Ведь хозяйственных дел у Олинн Суонн всегда немало.

И уж мачеха спуска точно не даст, и за нерасторопность от неё обязательно влетит, и отец не заступится. Никогда не заступался. Да и суровый он. Пожалуй, даже слишком. На глаза ему тоже лишний раз лучше не попадаться. А последний год он вообще всё больше в военных походах и в Олруде бывает редко. Вот и крутись, хоть белкой, хоть болотным ужом, а всё успевай – отработывай кусок хлеба и крышу над головой.

А с Торвальдом просто: он рад и ласковому слову, и Олинн для него как внучка, всё считает её ребёнком, хотя на самом деле ей уже почти девятнадцать. Вот только ростом она не вышла, огромному северянину чуть выше плеча будет, и поэтому он ласково зовёт её «пичужкой».

Торвальд спрыгнул на землю, вытащил кинжал и принялся крутить своей большой кудлатой головой, оглядываясь вокруг. Волосы у него светлые, но от седины стали пепельно-серыми. Виски он уже давно не бреет, как остальные хирдманы, просто перехватывает волосы кожаным ремешком, чтобы не мешали. Один глаз закрывает повязка, а в пышные белоснежные усы вплетены многочисленные серебряные колечки. И каждое что-то значит: имя, род, победы в бою...

С такой охраной ей никакой зверь не страшен! Ни зверь, ни человек...

Олинн посмотрела на ворона и прислушалась. Где-то на склоне по верхушкам сосен пробежал ветерок, сойки перекликнулись в дальней роще и затихли. Тянуло сыростью и мхом от ручья, а с солнечного пригорка – спелой княженикой и нагретой лиственничной хвоей. И кроме журчания воды да пересвиста соек, и вовсе ничего...

– Эй, пичужка? – тихо позвал Торвальд, не понимая, что привлекло внимание его хозяйки. – Чего переполошилась-то?

– Т-с-с-с! – Олинн приложила палец к губам, продолжая слушать окружающие звуки.

Тихо-то как...

Но ворон смотрел на Олинн и ждал.

– Ну? Чего уставился? – пробормотала она, глядя на любопытствующую птицу. – Иду я. Иду. Мог бы и подсказать, что там!

Она махнула рукой Торвальду, указывая сначала на ворона, потом на кусты, спрыгнула с лошади и, положив руку на рукоять кинжала, двинулась осторожно к зарослям, бесшумно ступая на опад мягкими полусапожками из тонкой оленьей кожи. Торвальд тоже спешился,

вытащил из-за пояса топор и, аккуратно отодвинув палкой молодые побеги жимолости, что за лето успели нарасти у тропинки, шагнул вперёд.

Мало ли... Может, там уж выполз погреться на камень? Болотные ужи, они, хоть и несчастные гости здесь, но иной раз попадают.

Но в зарослях оказался вовсе не уж.

В зарослях, прямо на земле, на толстой подстилке из старой лиственничной хвои, лежал человек.

– Ох! Лунолика! – прошептала Олинн, цепляясь пальцами за ветви. – Кто это, как думаешь?

– О, Нидхёгт*! – воскликнул Торвальд, сплюнув, и ткнул мужчину в колено носком сапога. – Чего тут думать! Ясное же дело, что это святоша клятый! Эй, чего разлёгся тут?!

– Он хоть живой? – с тревогой спросила Олинн.

При их появлении мужчина даже не пошевелился.

– Да какая разница! Хоть бы и подох! – буркнул Торвальд, отпуская ветви.

Олинн осторожно подошла, остановилась и замерла, разглядывая мужчину, лежащего навзничь, раскинув руки в стороны.

Первое, что бросилось в глаза – огромные ступни, обутые в разбитые старые башмаки. Мужчине они были явно малы, и от ходьбы пятки стоптали задник на добрых два пальца, так, что истертая кожа дряхлой обуви разошлась по швам, обнажив серые зубы дратвы. Из башмаков торчали голые щиколотки, измазанные подсохшей грязью, а чуть выше начинался махристый край линялых и таких же грязных штанов. Верхнюю часть тела прикрывала выцветшая коричневая ряса, такая ветхая, что сквозь прорехи местами проглядывало тело. А плечи мужчины прикрывал кожушок-безрукавка, явно с чужого плеча. Рясу перехватывал толстый пеньковый пояс с привязанным к нему мешочком для сбора милостыни. И видно было, что подавали ему редко.

– Монах? – удивлённо пробормотала Олинн, подходя чуть ближе. – Чудеса твои, Лунолика! Как он сюда попал?

– Я же говорю, клятый святоша! Занесла же нелёгкая! – Торвальд снова ткнул мужчину носком сапога, теперь в уже в бок. – Видать, недавно помер.

Монах? Здесь? На болотах Эль? Вот уж диво дивное, ничего не скажешь! И как только божьего слугу занесло на эту ведьминскую тропку?

От бесцеремонного пинка Торвальда мужчина даже не шелохнулся. Он лежал ногами к тропинке, а его голова и плечи скрывались в зарослях багульника. И если и можно было поначалу подумать, что мужчина прилёг тут отдохнуть на солнышке, перебрав эля, то, присмотревшись поближе, Олинн увидела, что его ряса на груди вся побурела от засохшей крови.

Перехватив палку у Торвальда, Олинн аккуратно отодвинула ветви над головой монаха. И сразу стало понятно, почему он лежит тут в беспамятстве. Спутанные чёрные волосы и борода мужчины тоже пропитались кровью, по его щеке от виска вниз шла глубокая рваная рана, будто мечом прошлись или топором, а может, и того хуже, чем-то с зубьями. А может, даже когтями...

И, кажется, монах уже перестал дышать.

– Надо ему помочь... – пробормотала Олинн, отбрасывая палку и наклоняясь к мужчине.

– Чем помочь-то? Разве что столкнуть в болото. И то будет милость, чтобы вороньё его не расклевало.

– В болото? Торвальд! Как ты можешь! Он, может, жив ещё! – воскликнула Олинн, разглядывая раненого.

– Ну, так и быстрее подохнет, – ответил Торвальд невозмутимо, но когда Олинн присела рядом с мужчиной, собираясь проверить, жив ли он, то воскликнул, перехватывая топор поудобнее: – Эй, эй! Пичужка! Не трогай его!

– Да что он сделает-то? Он же не дышит почти!

Монах не может быть опасным. Всё-таки божий человек. Божьи люди никого в Олруде не трогали.

Хотя теперь, когда она рассмотрела его вблизи, он показался ей поистине огромным. Торвальд-то не маленький, выше него во всей крепости лишь кузнец Ликор, да только этот монах будет побольше даже замкового кузнеца. А уж рядом с ней он, наверное, покажется и вовсе великаном!

Олинн придвинулась ближе, опустила на колено и осторожно приложила ладонь к шее мужчины.

– Он жив! – воскликнула почему-то полушёпотом, услышав под кожей слабое биение сердца.

Глянула вверх и увидела на камне, чуть выше по склону, следы крови.

Может, мужчина оступился и упал вниз с каменной гряды? Вот голову и расшиб. Да только что он здесь вообще забыл? И как попал на эту тропку?

С тех пор, как сюда, на Великие болота Эль, через Перешеек пришла война, южан тут не жалуют. А уж божьих людей и вовсе.

Олинн вскочила.

И что с ним теперь делать?

Если решать умом, то Торвальд прав – бросить его здесь. Божьи люди – враги, и в болоте ему самое место.

Но если решать сердцем... Оставят его здесь – он, ясное дело, умрёт. Но ведь теперь, когда они его нашли, получается, что Олинн стала его аэсмэ* – ответственной за судьбу. Бросит его умирать, а потом в Небесных чертогах ей это припомнится. Ведь бросить умирающего – всё равно, что самой убить. А убить не в бою – значит обречь на вечные скитания в холоде Тёмных долин, и не ей решать, заслужил ли он это.

– Жив, да толку-то? – пожал плечами Торвальд, снова трогая монаха носком сапога. – Видать, всё равно недолго ему осталось.

– Надо отвезти его в замок.

– В замок? – недоверчиво переспросил Торвальд. – Ну, это нужна телега, а она сюда не пройдёт. Да и помрёт он по дороге, только возня почём зря и выйдет.

– Или нет, в замок не надо! Лучше в избушку к Тильде! Мы недалеко ещё отъехали. Она его и вылечит, – Олинн вскочила и отряхнула руки.

– Это ещё зачем? Пусть бы тут и подох, – буркнул Торвальд. – Зачем нам его тащить да спасать?

– А затем. Видишь его? Это – Хравн*, – Олинн указала на ворона, который всё ещё сидел на ветке. – Это он привел нас к нему. Он указал на это место.

Торвальд посмотрел на птицу, и ворон каркнул напоследок, словно напутствуя, взмахнул крыльями и, тяжело взлетев с ветки, исчез за деревьями.

– О, Нидхёгг! – Торвальд в сердцах сплюнул. – Повезло же, а?! Ещё бы я святошу не спасал!

Но Хравн – священный ворон. И раз уж он привёл их сюда, видать, на то воля Луноликой Моор–Бар*. А с божественной волей не поспоришь.

Олинн оглянулась. И как им отвезти раненого в избушку? Такого огромного им даже вдвоём с Торвальдом на лошадь не затащить! А Тильда им в этом деле не помощник, старая она. И к тому же, проводив их, ушла на болота, на дальний край, на Голубой порог. Конец лета – самое время собирать кровавый мох, который только там и растёт, и вернётся она не раньше, чем дня через три. А так бы позвать её сюда! Вёльва бы помогла. Но поскольку до её

избушки было рукой подать, Олинн, не раздумывая, направилась к лошади. Хочешь не хочешь, а придётся монаха спасти.

В том, чтобы помогать другим, Олинн вся была в мать. Так однажды отец сказал, что она сильно на неё похожа. И хотя Олинн её совсем не знала, но догадаться было несложно, потому что не было в ней ничего от сурового белокурого великана – ярла Римонда. Да и мачеха часто в сердцах восклицала, когда была зла: «Что смотришь на меня? Видеть тебя не могу! Глаза у тебя, что болото! Тьфу! Ведьмовские! Сгинула бы ты!»

Глаза у Олинн, и правда, сразу не поймёшь, не то серые с прозеленью, не то зелёные с желтизной и карим крапом, а иной раз кажется, что в них, как в ониксовом камне, всего понемногу, особенно когда посмотришь на них в солнечный день. И волосы ей достались тёмные: каштановые с рыжиной. Ну что поделать, красавицей в Олруде она никогда не считалась. Не златокудрая и голубоглазая, как её единокровная сестра Фэда. А на севере темноволосых не любят.

Зато от матери вместе с цветом волос и глаз ей достались и чары* – способность ощущать скрытые от всех природные токи. Чувствовать, как растёт из-под земли росток, как лист наливается осенней тяжестью, чтобы оторваться от ветки, как зреют ягоды, или птенец стучит в скорлупе, пытаясь выбраться наружу. Она не вёльва, конечно, хотя это, наверное, и к лучшему. Но иногда она видела вокруг что-то необъяснимое: болезнь в человеке, надвигающуюся грозу, страх лошади, готовый сорваться в галоп, или камень, что вот-вот обрушится с горы вниз. Но эти ощущения всегда были обрывочными и неясными, похожими на тревогу или смутное предчувствие. И лишь иногда они всплывали яркими снами или вспышками, как видения. И не чары это, скорее, отголоски чар. Всё, что по-настоящему умела Олинн – сопереживать, проникаться сочувствием и тревожиться за всё на свете. Увы, чаще всего это свойство лишь мешало, заставляя воспринимать всё вокруг острее, чем другие. Поэтому, даже понимая, что монах – это совсем не тот гость, которого ждут по эту сторону Великих болот, Олинн не могла его бросить умирать. Хотя и следовало бы...

Тильда уже ушла. Похоже, успела скрыться за горой, потому что на крики Торвальда она не ответила, но избушка её была не заперта. От кого ей запирается? Олинн покопалась в кладовой, нашла веревки и большую попону, на которой вёльва сушила травы, а ещё велела Торвальду впрячь лошадь в волокушу для сена. Замковые конюшие бросили её тут ещё в прошлом году, когда таскали сено по кромке болот. А в этом году она им без надобности, болота сильно высохли, и дорогу проложили в другом месте, там, где и телеги пройдут.

Это лето выдалось на редкость жарким, сухим, не в пример прошлому. И только теперь, к самому его концу, ветер с юга, что принёс в этот год небывалую для Севера жару, начал понемногу стихать. Зато Великая Эль, напившись солнца и тепла, заиграла необыкновенно яркими красками. Болота налились изумрудной ряской, расцвелись кувшинками, синим аконитом, кровохлёбкой, белокрыльником и розовым дербенником. А северный лотос раскинул огромные листья, и его кроваво-красные цветы рассыпались по болоту, как звёзды.

И даже журавли в этот год не спешили улетать. Сотни чёрно-белых птиц бродили в поисках лягушек и рыбы на мелководье, а Тильда лишь качала головой и шептала что-то про южную заразу, про то, что из-за жары доберётся она до Олруда.

И правда. Добралась.

Появление монаха как раз и говорило о том, что вот она – первая пташка. Потому что вслед за юродивыми нищими и милосердными проповедниками всегда приходят инквизиторы. А дальше...

А дальше, как обычно – огнём и мечом.

Веру в истинного бога они вбивали осиновыми кольями, розгами и плахой. А таких, как Тильда и Олинн, отправляли на костёр. Истинный бог любил огненные жертвы. И по ту сторону болот такие костры уже вовсю пылали.

Олинн вздохнула, подумав о том, как долго ещё удастся войскам её отца отстаивать Перешеек – узкую полосу земли, по которой идёт дорога на север, стиснутая озёрами и могучими топиями Великой Эль. Именно сюда, на север, в Илла–Марейну так рвётся король Гидеон, неся веру в истинного бога и выжигая ересь. А может, всё дело в короткой дороге к морю и... серебре, которым богаты северные сопки?

Взгромоздить монаха на волокушу удалось, только перекатив его несколько раз, и Олинн даже испугалась, потому что от такого действия из раны на его голове начала сочиться свежая кровь. Как бы хуже не сделать! Монах слабо застонал, но глаз так и не открыл. А когда Олинн с Торвальдом, наконец, затащили его в избушку, то и сами едва не рухнули рядом.

– Тяжёлый-то какой! А говорят, монахи святым духом питаются! – пробормотала Олинн, устало опускаясь на лавку.

Торвальд сделал для раненого лежанку поближе к очагу. Ночи уже совсем не тёплые, а при таких ранах вскоре начнётся лихорадка. Олинн развела огонь и согрела воды, достала сушённый мох и дёготь, черничный лист и живицу с мёдом, благо знала, что где хранится у Тильды. Промыла и очистила рану на голове и ужаснулась, сколько крови потерял монах. Выжить бы после такого! Наложила швы, уж как умела, и, сделав мазь, обильно нанесла на рану, а сверху примотала сухой мох. Целебный мох всё вытянет.

Она, конечно, не знахарка или травница, но врачевать рубленые раны умеет. Нарывы и лихорадку, и то, что попроще, а уж для сложных болезней в Олруде есть замковый лекарь. А для очень сложных – Тильда.

Олинн попыталась напоить монаха, но он всё так же лежал в беспамятстве, лишь прошептал что-то одними губами, но слов было не разобрать.

– Что же мне делать с тобой? – спросила Олинн, помешивая отвар из трав.

Торвальд помог с лежанкой и ушёл за нитсшест, не любил он находиться вблизи избушки Тильды.

А Олинн, подсыпая травы в котелок, размышляла, что делать дальше. Остаться тут она никак не может. Из похода со дня на день ждут отца, и в замке всё вверх дном. Дел много, а мачеха будет дёргать её весь день даже просто так, из вредности. Не терпит она, когда Олинн ничем не занята. Всё ей кажется, что падчерица лишний хлеб ест. Когда отец в замке, ещё ничего, но вот стоит ему уехать...

Но и так просто бросить тут монаха она тоже не может. А если он умрёт? Хорош будет подарок Тильде! Оставить с Торвальдом? Да он огреет беднягу топором по черепу, и вся недолга, и в болото скинет, а скажет, что тот сам ушёл. Нет, из Торвальда так себе лекарь.

Олинн вздохнула. Налила отвар в глиняную кружку и поставила рядом с раненым. Очнётся – будет ему, что попить, а ей пора. Она решила, что завтра с утра пораньше, прямо с рассветом, приедет и проверит, что тут и как. Придумает, что соврать в замке. Мало ли дел у неё в разъездах? А если до этого времени вернётся Тильда... Она потом задобрит как-нибудь старую вёльву. Но вряд ли та вернётся до серебрялуния.

– Кто же ты такой? И как сюда попал? – спросила Олинн, разглядывая лицо раненого мужчины.

Он не старый ещё, средних лет или... Так и не поймёшь. Но совсем не красавец. Спутанные волосы до плеч, чёрные, густые. Бороду и усы, видно, что когда-то стригли, и можно было даже контур угадать, но теперь всё спуталось. В волосах и бороде – еловые иголки, кусочки коры и засохшие цветы вереска. Расчесать бы... Широкоскулое лицо, густые тёмные брови, большой лоб... Глубокий старый шрам проходит по надбровной дуге, разрывая саму бровь наискось. Может, от меча? Но шрам очень старый...

И совсем он не похож на светловолосых, голубоглазых северян. Посмотришь на такое лицо и это могучее тело и подумаешь, что оно больше подошло бы берсерку*, чем монаху. Или и вовсе колдуну. Потому что про всякого черноволосого в Илла–Марейне думают, что в роду у него непременно есть колдуны.

– Что заставило тебя бросить всё, ходить по деревням и просить милостыню? – спросила Олинн, разглядывая на его шее металлический обруч – торквес*.

Отец говорил, что король Гидеон велел снимать с пленных северян всё серебро и лично бросал в горнило на переплавку. И не только серебро, да и медь тоже. А уж монаху и вовсе не пристало носить языческое украшение...

Хотя торквес был не из серебра. Да и попробуй отбери у такого великана!

Она слышала, что по ту сторону Великой Эль король Гидеон посылает людей строить особые крепости – монастыри, куда против воли сгоняет отдельно мужчин и женщин, заставляя служить истинному богу. Силой. Огнём и мечом...

Может, и с этим монахом обошлись так же? А может, он бежал сюда, чтобы спастись?

Почему-то эта мысль показалась ей самой разумной. Она пододвинула ближе к изголовью кружку с питьём, укрыла монаха оленьими шкурами и ушла, твёрдо решив, что завтра вернётся и узнает, кто же он такой.

***Вёльва** – в скандинавской мифологии провидица.

***Нитсшест** – у германских племен шест для проклятия врагов. Нитсшест представляет собой длинный деревянный шест с головой недавно зарезанной лошади на конце, иногда с накинутаю шкурой лошади на шест. Голова животного была обращена в сторону цели. Само проклятие могло быть вырезано рунами на шесте.

***Хирдман** – **Хирд** – боевая дружина в Скандинавии эпохи викингов. Как правило, дружинники-хирдманны полностью повиновались вождю, представляя собой подобие семьи.

***Нидхёгг** – в скандинавской мифологии дракон, который кроме прочего, пожирает предлюбодеев, клятвопреступников и подлых убийц.

***Аэзмэ** – выдуманный термин в рамках этого мира. Связь, возникающая между спасителем и спасённым. Вид духовной ответственности.

***Хравн** – в рамках данного мира проводник высшей божественной воли. Знак. От древнескандинавского имени *Hrafn* (*Rafn*), происходящего от *hrafn* – "ворон".

***Берсерк** – воины из древнегерманской и древнескандинавской мифологии. Считается, что они отличались неустовостью в сражениях.

***Лунолика Моор–Бар** – выдуманный персонаж мифологии в рамках данного мира. Богиня Луны. Покровительница чар и женского начала.

***Чары** – выдуманный термин в рамках данного мира. Эзотерические способности разного рода, которыми обладают некоторые женицины.

***Торквес** – кельтская разновидность шейной гривны: культовое ожерелье из бронзы, золота, драгоценных металлов, которое носили вокруг шеи, талии, поперек груди, как браслеты.

Глава 1.

Следующим утром, едва забрезжил рассвет, Олинн уже выехала из замка. Мачеха – эйлин Гутхильда, встаёт позже, уже когда хлеб испекут, да и сегодня она собиралась в гости, так что отсутствия Олинн, наверное, не заметит. Замковые девушки с утра пораньше ушли по ягоды и грибы, благо погода хорошая. А Олинн сказала старшей эконолке, что поедет в дальнюю ситту* проверить, как идёт заготовка рыбы, и может быть, даже там заночует. Проверять хозяйские запасы и угождать входило в её обязанности с тех самых пор, как замковый стивард* Тармол упал с коня и сломал ногу. Та срослась криво, и ездить на лошади для него стало сущей пыткой. А Олинн как-то подменила его на выезде. Помогла. И с пересчётом в верхних кладовых справилась так лихо, что Тармол пошептался с ярлом и замолвил за неё словечко. Чего такому таланту пропадать? Девчонка хоть ростом от горшка два вершка, а шустрая и смекалистая.

Так она и перекочевала из комнаты под крышей в башне на хозяйственную половину, поближе к старшей эконолке Ульре. Та уже была подслеповата, маялась больными суставами и ходила медленно, словно гусыня, держась рукой за поясицу. И потому расторопная Олинн стала для неё настоящим подарком. Тармол научил её читать и писать, вести хозяйственные книги и учёт всего добра ярла Олруда: сколько сена заготовили, сколько шкур от звероловов, новые бочонки от бондаря, пенька, мёд, сколько ренты, сколько податей, долги, купчие, проверка кладовых. А сам вёл только учёт добычи, привезённой из походов ярлом. И Ульре тоже посылала её повсюду со своими поручениями: проследить за опарой, пересчитать дичь, посмотреть, начисто ли ощипали уток...

Потом ей выдали гнедого жеребца и Торвальда в помощь. Так что уезжать и приезжать в замок она могла совершенно свободно. Даже сейчас, когда война дошла до самого Перешейка, Олинн могла и днями не появляться, главное, чтобы хозяйственная жизнь в замке текла своим чередом: вечером ставилась опара, и на заре пёкся хлеб, сено заготавливалось, лосятина вялилась, и утиный пух был ощипан чисто-начисто. Мачеха за пухом следила особо. Очень уж любила спать на мягких перинах. И пух, чтобы чистый был да воздушный, без пенька и кровинки. Не приведи Лунолика, воткнётся в хозяйский бок нечаянно попавшее перо из такой перины – всем достанется порки.

Хотя... мачеха ко всему придиралась, когда бывала не в духе. А последнее время она лютовала почти ежедневно. А всё потому, что война подбиралась к Олруду всё ближе и ближе, принося в замок тревожные вести...

Но Олинн всё успевала, уж такая она была – шустрая и сметливая. И даже единокровные сёстры – дочери эйлин Гутхильды, несмотря на неприязнь матери, любили её, совсем как родную. Им бы чураться полкуровка-бастарда, но старшая дочь ярла Фэда, наоборот, все свои тайны поверяла только Олинн. Вот и сегодня с раннего утра, ни свет ни заря, прибежала в её покои поболтать о новостях с Перешейка. И новости эти были плохие: к войскам короля Гидеона всё прибывали и прибывали новые люди, и надежда у северян оставалась только на скорые дожди и туманы.

Олинн глянула на небо – ясное, ни облачка. Будто Лунолика и забыла о том, что пора ей идти на север. Кажется, такой жары, как в этот год, в Илла–Марейне не было вообще никогда.

Олинн посмотрела на стены крепости, даже плющ местами высох, побурел, и вода в Эшмоле упала так сильно, что русло заросло камышом да рогозом почти на треть.

На окне в комнате Фэды, которая выходила на реку, Олинн увидела привязанную к ставням широкую белую ленту.

Лента – это знак для её возлюбленного.

Фэда давно уже без ума от сына ярла Бодвара, что с того берега реки. И он отвечает ей взаимностью. Хельд Бодвар каждый день посылает к мосту мальчишку проверить, повязала ли

Фэда ленту. И, если лента есть, значит, будет она ждать его в полдень у развалин старой башни. Сколько они уже так встречаются, месяц? Знала бы эйлин Гутхильда, давно бы посадила дочку под замок. Но Олинн научила сестру, как уходить из крепости незамеченной.

Замок Бодвар стоит на скале, на другой стороне реки. Земли по эту сторону Эшмола находятся во владении ярла Олруда, а по ту сторону – ярла Бодвара. Хельд Бодвар – средний сын ярла, золотоволосый и широкоплечий, как и все его сыновья. Он красив, силен, и характер у него мягкий и весёлый. Отец не отправил его на войну, сказал, что должен кто-то присматривать за хозяйством. И в свои девятнадцать – это самый завидный жених во всей Илла–Марейне. Не удивительно, что Фэда влюбилась в него по уши.

Олинн знала все их тайны и даже немного завидовала сестре. Совсем немного. Самую малость.

Женихов с этой войной в Олруде совсем не стало. А мачеха в первую очередь думает о женихах для своих дочек. И когда в замке бывают высокородные гости, Олинн отправляют на кухню, чтобы под ногами не путалась и внимания от хозяйских дочерей не отвлекала. Но Брунгильда совсем кроха, Люция ещё мала для замужества, Селия лицом не вышла, хоть мать и наряжает её в шелка и янтарь, а вот красавицу Фэду этой осенью точно просватают. И если не за Бодвара, так за кого-то ещё более могущественного. Если, конечно, боги будут милостивы. Если туманы с великой Эль придут рано и укроют Перешеек до весны, не давая войскам короля Гидеона перейти на эту сторону.

Да и чего беспокоится Гутхильда? Фэда – вся в мать, о её красоте скальды* в округе все как один слагают песни: золотоволосая, белокожая, и глаза как чистая небесная синь. Она и поёт, и вышивает гладью, и ходит, точно лебедь плывёт по озеру.

Не то, что Олинн.

Но что переживать, Олинн верила, что боги награждают разными умениями не за просто так. И вот она по-своему тоже счастлива. У неё есть крыша над головой, кусок хлеба, одежда, обувь и сухая постель. Её не утопили в болоте, как бесполезный лишний рот, и не продали в рабство. И хоть она крутится в ежедневной суматохе замковой жизни, как белка в колесе, но зато она здесь нужна всем и каждому. А главное – она свободна. Не висит над ней тяжелым мечом необходимость нравиться и оправдывать надежды родителей. Хотя она и не знала, как это – нравиться? Матери она не помнила. А отцу никогда не была нужна.

Но вот когда ярл Олруд вернётся, оставив на границе заставы и дозоры, с ним вернутся и старшие сыны всех ярлов, что уехали с ним на войну. И прежде, чем отправиться дальше на север, в свои замки и владения, все они соберутся в Олруде. И будут пиры, и танцы, и праздники. И может, ей тоже повезёт, ведь до весны ещё далеко.

А весной война продолжится, но до того времени всякое может случиться.

Олинн подумала о том, кто вернётся вместе с отцом. И неплохо бы, если бы сын ярла Малора тоже приехал в замок. Она вспомнила пшеничные кудри и голубые глаза Рина Малора, вздохнула и чуть поддала лошади. Рину Малору вряд ли нужна бастард-полукровка, за которую не дадут в приданое даже одной меры серебра. Которой и имя-то своё отец дать не удосужился. С того дня, как он привёз её в замок, так она и осталась Олинн Суонн, что значит Озёрная. Или ничья.

Она тряхнула головой, перебрасывая волосы назад и отгоняя мрачные мысли. Надо торопиться. Пока она тут будет думать о женихах и своей горькой судьбе, монах там может и дух испустить. А она, вроде как, теперь за его судьбу отвечает.

Хотя, может, так оно было бы лучше? Может, Торвальд прав, и стоило бы отправить божьего человека напрямую в болото? Ведь все несчастья в Илла–Марейне начались именно с появления божьих людей...

Служители истинного бога появились здесь не так уж давно. Пришли с юга. И поначалу никто их не трогал, пусть себе проповедуют. Тут граница. Великая Эль – сердце Марейны, и тут

много всякого понамешано: люди с Солёных островов, что пришли с запада, бросив свои лодки и оставив службу морскому богу, иннари* с севера со своими оленьими стадами и шаманами, ольхи* – воинственные северяне на горбоносых драккарах* и коротышки-болотные жители – вьёли*. И такие, как Олинн – полукровки. Жили бок о бок и верили каждый в своих богов. И пока проповедники ходили от деревушки к деревушке, от замка к замку и бормотали, рисуя свои знаки, да просили милостыню, никому они не мешали. Но кто же знал, что вслед за проповедниками в стоптанных башмаках и с котомками для медяков, с юга придут рыцари веры в кольчугах и с мечами?! И будут жечь, корчевать капища и рубить священные деревья, насаждая истинную веру в их огненного бога и строя храмы из сосновых брёвен. В первый год противостояния, когда рыцари веры впервые появились по эту сторону болот, ярл Олруд как раз вернулся из похода на север. Быстро собрал фирд* и всех рыцарей со святошами отправил к богам: кого перебили, кого загнали в болота, да они утонули, а недобитые остатки святого войска позорно бежали на юг, далеко за Перешеек. Но король Гидеон отступать не собирался, и вскоре появились новые рыцари, и на границе вспыхнула настоящая война. А вот теперь слуги истинного бога добрались и сюда, в Илла–Марейну, на самый север.

И будь на месте Олинн кто-то другой, он, наверное, бросил бы этого божьего слугу умирать на той тропинке, и, может, это было бы правильно. Но ворон дал знак именно ей...

Она вздохнула, поправила притороченную к седлу сумку и окинула взглядом каменную грядку, подёрнутую понизу густым лиственничным лесом. Замок Олруд стоит на возвышении, среди скал. От него в сторону моря убегает дорога, петляя между невысоких лесистых сопков. Идёт она на северо-запад, к заливу. К самой удобной гавани на многие кварды вдоль неспокойного марейнского побережья. А на восток и юг тянутся бесконечные Великие болота Эль. Так-то жителям Олруда нечего бояться здесь, крепость хорошо защищена со всех сторон. Но смутное предчувствие надвигающейся беды медленно нарастало где-то в сознании.

Олинн чуть попридержала лошадь на вершине гряды и посмотрела в сторону Перешейка. Может, Великая Эль даст ей подсказку? Ждать ли беды?

Денёк погожий, и дымка отступила, так, что видно стало далеко-далеко. И, не утопая в тумане, болота сейчас казались бескрайним изумрудным покрывалом из бархата, расшитым багровыми стежками вересковых полей, да отцветающей плакун-травой. А кое-где уже начали проглядывать и лилово-синие стрелки первых осенних ирисов.

В Илла–Марейне конец лета самое благодатное время. Тихое, ясное. Холодное течение уходит от её берегов, а на смену ему идёт тёплое, от которого зимы здесь всегда влажные и туманные. Зато в это межсезонье небо над Олрудом – бесконечная синь, и воздух чист, как слеза. Солнце ласково пригревает мшистые валуны, и хочется упасть в вересковые заросли и лежать, раскинув руки. Вдыхать ароматы спелых ягод, хвои и густой запах прелой листвы, из-под которой прибывают бесчисленные шляпки грибов.

Олинн вдохнула воздух полной грудью и почему-то подумала вдруг – скоро это всё закончится...

И точно в подтверждение этих мыслей, лошадь забеспокоилась, подрагивая шкурой – налетели пауты полакомиться свежей кровью, и Олинн замахала руками, отгоняя и назойливых кровопийц, и дурные предчувствия.

Некогда ей валяться среди вересковых зарослей!

Она ещё раз глянула в сторону Перешейка и пустила лошадь вниз по тропинке, пролежавшей между огромных валунов в зелёных пятнах мха и разлапистых папоротников. Нужно топиться.

Из замка она прихватила с собой копчёной оленины, куропатку, хлеба и сыр – хватит им с Торвальдом на два дня. А монах... Вряд ли он что-то сможет есть. Уж точно не сейчас. Но если он всё-таки очнётся, то из куропатки она сварит похлёбку.

Торвальд, уезжая из замка, всё бормотал, что стоило бы сказать о найденном на болотах человеке старшему хирдману, но Олинн знала, чем всё закончится. Пошлют кого-нибудь пере-резать ему глотку, да бросят в болото. И поэтому она убедила Торвальда, что от живого монаха всем будет больше пользы – он расскажет, как пробрался через Перешеек и попал сюда.

Монаха Олинн нашла там же, где они с Торвальдом его вчера и оставили. Видно было, что ночью он бредил, и пока метался в лихорадке, перевернул и кружку с отваром, и всю лежанку скомкал. На его лице крупными бисеринами блестел пот, а губы потрескались от горячки. Он шевелил ими, пытаясь произнести что-то. Олинн наклонилась и прислушалась:

Илли? Илия? Иллирия?

Но что это могло означать, она не знала.

– Н-да, плохо это всё, – Олинн осторожно опустилась рядом, дотронулась до запястья раненого – кожа просто пылала – и пробормотала сокрушённо: – Так, голубчик, ты скоро точно испустишь дух. И что же мне с тобой делать?

Может, и правда, отвезти его в замок, лекарю показать? Только вряд ли раненый выдержит такую дорогу. А замковый лекарь слишком важен и стар, чтобы тащиться сюда ради какого-то чужака.

Ночью, видимо, когда раненый метался в бреду, повязка с мазью и мхом сползла с его лица, но, как ни странно, рана сильнее не воспалилась и даже выглядела вполне прилично. Конечно, зашила Олинн её так себе, Тильда бы сделала не в пример лучше, но вряд ли для монаха ценна внешняя красота. А вот почему жар такой сильный?

Она присмотрелась внимательнее. Вчера второпях не заметила и решила, что все раны у монаха только на голове. Но сейчас, когда в своих лихорадочных метаниях он содрал с плеч кожушок, Олинн увидела сквозь одну из прорех, что на груди у него тоже виднеются воспалинные багровые полосы.

– Торвальд?! Иди-ка сюда! – кликнула она старого вояку. – Помоги мне.

– Да будет тебе возиться с ним, пичужка! Вернётся твоя ведьма и подлатает его, коль уж такая нужда. А раз не помер до сих пор, то и не помрёт, видно, такая уж воля богов, – пробурчал Торвальд, оглаживая пышные усы.

– На всё у тебя воля богов, – усмехнулась Олинн, – да что-то ты свою судьбу особо никому не доверяешь, с чего бы, а? Давай уже! Помоги! Надо его раздеть, а не о богах рассуждать. Им виднее, раз они бросили его у нас на пути. Не зря же мы его тащили сюда?!

– Ох и шебутная же ты, пичужка, – буркнул Торвальд, – всё-то тебе не сидится...

– Давай, давай, будет тебе причитать! – усмехнулась Олинн.

Торвальд приподнял монаха, и она стащила кожушок. Хотела снять и рясу, но, когда попыталась распутать завязки на груди, поняла, что ценности в этой одежде нет никакой. После стирки она, скорее всего, расплзётся, если вообще её удастся отстирать. Не жалея, она вспорола ткань кинжалом. И обомлела.

– Ох, Лунолика! – прошептала Олинн, прижимая ладонь к губам.

Грудь у монаха оказалась могучей, так и не скажешь, что это божий человек. И теперь уж она точно уверилась, что тело это принадлежит берсерку, а не тому, кто просит смиренно милостыню. Ну, или раньше принадлежало. Мышцы бугрились под кожей, обрисовывая красивый рельеф, и волос на груди у него почти не было. Монах дышал бурно и хрипло, так что казалось, под рёбрами раздувается настоящий кузнечный мех. Но испугал Олинн вовсе не вид мускулистого мужского тела и этот хрип, а раны. Вся грудь монаха была исполосована так, словно его стегали толстым чешуйчатым кнутом. Широкие иссиня-красные полосы и кровоподтёки покрывали всё тело, уходя на плечи и, видимо, дальше на спину. А поверх них шло несколько глубоких рваных ран, как будто неведомый зверь прошёлся по нему когтями.

– Кто бы мог такое сделать? – полушёпотом спросила Олинн, беря в руки чистую тряпицу и подвигая плошку с отваром дубовой коры. – Может, он с кем дрался? Но с кем? И чем так можно исполосовать человека?

– Э–э–э нет, раны-то явно не боевые. А я слыхивал, что они любят себя истязать, эти святоши, – озадаченно пробормотал Торвальд, рассматривая следы на теле монаха, – то цепями себя скуют, то кнутом исхлещут, то в кандалах ходят – умерщвляют плоть, как мне один из них говаривал. Дескать, всё это зачтётся им потом в небесных чертогах. И огнём себя прижигать тоже любят, вроде как жертва плоти истинному богу.

– Да как человек может с собой такое сделать добровольно? – удивлённо спросила Олинн. – Да и чем?

– Ну, человек-то глуп, кто знает, чему их там учат в этих монастырях. Может, отваром из мухоморов поят, а то и из чёрных поганок, чтобы голову затуманило. А от поганок-то человек, что хошь, начнёт вытворять. Хошь, вон, и исхлестать себя может, будто в парильне.

– Тут где-то у Тильды укус должен быть, надо его обтереть, сбить горячку. Найди мне бутыл, – распорядилась Олинн. – А я пока раны промочу. Эх, надо было ещё вчера это сделать! Что же я не догадалось-то!

Торвальд отвернулся и принялся греметь склянками, бормоча себе под нос, что всё это глупое занятие. Нашёл какую-то бутыл, понюхал, выругался и, сунув Олинн в руки, ушёл наружу, подальше от ведьминских настоек. А Олинн наклонилась над раненым, рассматривая ссадины и рубцы, и толстую цепь, на которой висело грубо сделанное солнце с ключом посередине – хольмгрег*. Знак принадлежности к монастырской общине. Солнце – символ истинного бога, а ключ означал самую низшую ступень – послушников. Именно они бродили по деревням, проповедуя и прося милостыню. Их главной задачей было научиться смирению, а ключ – это знак, гласящий о том, что человек открыл себя истинному богу. Олинн видела уже такие ключи у других монахов. У одного из них он был таким огромным, что оттягивал шею, но монах лишь повторял, что это для спасения его души, и что терпение – это благо.

А этот ключ был поменьше, и он, и солнце были сделаны из какого-то тёмного металла. И то ли кузнец, который их ковал, был неумёхой, то ли так это и задумывалось, но солнце было сильно расплющено, так сразу и не поймёшь, что это такое, то ли круг, то ли лепёшка. На коже монаха, там, где оно к ней прикасалось, остался большой безобразный ожог. Можно было подумать, что хольмгрег сначала раскалили, а потом прижали к груди на некоторое время, как тавру, которой иннари клеймят оленей. И это выглядело просто каким-то изуверством.

– Что у вас за бог такой, которому это нужно? – пробормотала она, смачивая тряпицу в отваре.

Олинн аккуратно приподняла железное солнце, чтобы обработать ожог, и от неожиданности даже отдернула руку. Под грубо сделанным хольмгрегом оказалось подвешенным ещё одно весьма странное украшение. Странное для избитого до полусмерти монаха в ветхой рясе.

Прикрепленная сзади хольмгрега крючком, за железным солнцем пряталась изящная восьмилучевая звезда из светлого серебра. И в полутёмной избушке Тильды Олинн на миг показалось, что, освободившись из плена, звезда вспыхнула и засияла, будто подмигивая.

В Олруде есть целая сокровищница, где ярл держит привезённые из походов богатства. И конечно, у мачехи и у Фэды полно ларцов с украшениями: кулоны, серьги, браслеты, сделанные из марейнского серебра. Жемчуга и россыпи янтаря, и оправленные в золото хризолиты, чего там только нет! Эйлин Гутхильда любит принарядиться, да и Фэда тоже. Но никогда раньше Олинн не видела таких изящных украшений. Столь тонкой работы в Олруде точно не встретишь.

Из середины звезды, словно большой кошачий глаз, на Олинн смотрел кусок зелёного янтаря.

Какая редкая вещица! И откуда она у монаха? Украл? Отдали в пожертвование? Вряд ли... Кто в здравом уме расстанется с такой красотой?!

Олинн потянулась и аккуратно сняла с монаха цепь вместе с солнцем и украшением, чтобы поближе его рассмотреть. Теперь понятно, почему так расплющено солнце, что почти превратилось в круг: оно прятало под собой эту серебряную звезду и полностью её закрывало. Подняв его за цепочку, Олинн потянула солнце вверх, чтобы оно не мешало рассмотреть изящную вещицу, и подошла к окну. Звезда закрутилась то в одну сторону, то в другую, словно радуясь освобождению. Она сияла так ярко и странно, что глаз не оторвать, и была похожа на огромную серебряную снежинку. И даже янтарь в её сердцевине засветился зелёным, каким бывает воздух в летнем лесу, пронизанный солнечными лучами.

И странное, необъяснимое желание нахлынуло на Олинн. Захотелось поймать эту снежинку в руку, и она так и сделала – подставила ладонь и опустила на неё звезду.

Острая боль иглой вонзилась прямо в сердце. Боль, похожая на ожог, только ожог такой острый, прошедший насквозь через всё тело: через ладонь, запястье и по плечу вверх, а уже оттуда к самому сердцу. Звезда вспыхнула, ослепляя, взвилась в воздух тысячей серебристых искр и засветилась так ярко, что Олинн непроизвольно зажмурилась и выронила цепочку с солнцем. А когда открыла глаза – звезды уже не было. Она рассыпалась и исчезла, и только на ладони, там, где она только что лежала, остались её серебристые очертания в виде рисунка.

От испуга Олинн непроизвольно сжала ладонь в кулак и прошептала, прижимая другую к губам:

– Ох, Лунолика! Это ещё что такое?!

Сердце забилося в испуге, как у зайца.

Где же звезда? Куда она делась?! Что с ней случилось? О, великие боги! Да мало ли, что это была за колдовская штука!

Олинн разжала кулак и, подбежав к окну, принялась рассматривать ладонь. Но там уже не осталось никаких следов, даже рисунка. Она бросилась к плошке с водой и быстро вымыла руки куском дегтярного мыла. Снова посмотрела на ладонь – никаких следов. Осмотрела пол – ни серебряной пыли, ни янтаря, ни кусочков украшения, как будто всё это ей просто привиделось. Только цепь с хольмгрегом валялись на полу там, куда она их уронила.

А что будет, когда монах очнётся и узнает, что произошло? Он же и убить её может! За такое украшение кто хочешь убить может! А он, вон, какой страшный! А что скажет Торвальд?

И, словно в подтверждение её мыслей, монах снова забормотал и заметался на лежанке, пытаясь ухватить пальцами в воздухе что-то невидимое. И снова Олинн слышались в его бормотании странные слова:

Или... Лири...

Она замерла посреди комнаты, глядя то на монаха, то на свою ладонь. А вдруг он очнётся? Будто мало ей страха!

Но монах лишь бормотал, крутил головой, то влево, то вправо, и, видимо, был где-то далеко в своём бреду.

– У-ф-ф! Ладно! Ладно, – Олинн сцепила пальцы, успокаивая себя. – Ничего не было. Ни-че-го не бы-ло. У-ф-ф! Не было никакого украшения!

Она глубоко вдохнула, выдохнула, постояла немного, успокаивая бешено бьющееся сердце, опять осмотрела ладонь и, не найдя следов, снова осторожно подошла к монаху. Заглянула в лицо – глаза у него закрыты, он точно ничего не видел. А если вдруг спросит, когда очнётся, то она скажет, что не было никакого хольмгрега. Мало ли, куда он мог деться: зацепиться за мох или кусты, пока они с Торвальдом тащили его в избушку. А то и раньше потеврялся. Да он и сам, в конце концов, мог в бреду его оторвать. К тому же, это украшение явно

ему не принадлежит, а у самого хольмгрега ценности никакой. И вообще, чего она так разволновалась? Если он вообще выживет, то пусть спасибо скажет Луноликой!

Хорошо, хоть Торвальд этого не видел. Старый вояка такого бы точно не одобрил. Он вообще всегда держался подальше от всякого колдовства, потому и в избушку Тильды старался не заходить – боялся вёльву. А вот и жаль, что здесь нет сейчас Тильды! Она-то точно подсказала бы, что это такое. Но когда она вернётся, Олинн тихонечко у неё выяснит, что это было за украшение, и куда оно могло деться.

Олинн подхватила хольмгрег и от страха сунула в глиняный горшок, стоявший на полке. И даже метёлкой быстро подмела пол, на всякий случай. Она ещё раз глубоко вдохнула, тряхнула головой, отгоняя сомнения, и, закрутив волосы узлом на затылке, чтобы не мешали, принялась обрабатывать раны монаха. Вот только руки всё ещё дрожали, и она то и дело поглядывала на свою ладонь. Но ничего необычного больше не происходило. Серебряная звезда исчезла, не оставив никаких следов.

И то ли мазь помогла, то ли успокаивающие прикосновения её пальцев – монах перестал метаться и бормотать и даже задышал ровнее и тише. Наложив на раны повязки с сушёным мхом и укрыв раненого шерстяным пледом, Олинн устало прислонилась к стене, усевшись прямо на лежанке.

– Кто же ты такой? – спросила она тихо, разглядывая раненого. – Как сюда попал? И чего ты такой лохматый? Как будто ваш бог запрещает вам волосы расчёсывать да заплетать! Или хотя бы остричь на худой конец? Станный он – ваш бог.

Бороду бы ему обрезать и эти космы тоже, ужас просто, что у него на голове! А какие большие у него руки... Кажется, если сложить обе её ладони, то его одна всё равно будет больше. И что за шрамы у него на запястьях? Станные шрамы, точно от кандалов.

Олинн посмотрела на его щиколотки. И там тоже были такие же шрамы, но уже застарелые.

Может, он был в рабстве? И бежал? Может, грёб где-нибудь на драккаре в проливах у Солёных островов? А может, и Торвальд прав. Бывает, что эти безумцы и к дереву себя приковывают, и не едят неделями. Станные они. И бог у них странный.

Зато какие у него ресницы, длинные и тёмные...

На севере такой, как он, никогда не будет считаться красавцем. Слишком чёрные волосы, и кожа тёмная, загорелая. Но что-то есть притягательное в нём, почему-то хочется его рассматривать.

– Интересно, как тебя зовут? – произнесла Олинн вслух. – И как мне тебя называть?

Она любила разговаривать сама с собой во время работы или в поездках. С лошадью, с деревьями и травами. С птицами. Если спрашивать у Великой Эль, то она всегда отвечает. Не словами, но знаками, подсказками, приметами. Лист с дерева упадёт, застрекочет белка, тучка набежит на солнце, или, как с этим монахом – ворон подскажет...

Вот и сейчас она надеялась, что чары помогут. Откликнутся на её вопросы. Но в избушке Тильды стояла густая тишина, и Олинн, вздохнув, встала и отправилась к очагу. Пора заняться едой.

Она решила сегодня остаться здесь и заночевать. Во-первых, из-за этой серебряной звезды. Мало ли, что это было, лучше тут переждать, чем ехать в замок. А во-вторых, из-за монаха. Вторые сутки в болезни обычно самые тяжёлые, и если к третьему дню больной не умрёт, то и дальше выкарабкается. А потом придёт Тильда, и она оставит выздоравливающего ей.

Интересно, как монах отнесётся к тому, что его выходила вёльва?

Олинн прыснула со смеху, помешивая похлёбку в котелке, и, посмотрев через плечо, произнесла, обращаясь к своему больному:

– Ну ты уж прости, что спасает тебя не твой бог, а ведьминские травы и мази. Но может, они прочистят тебе ум, и, вернувшись к своим братьям, ты расскажешь им, что не надо сжигать наши священные места и убивать наших знахарей. И королю своему скажешь, чтобы не шёл за Великие болота, а то сгинет.

Торвальд заглянул в избушку – принёс ещё дров для очага и спросил, кивнув на монаха:

– Жив ещё?

– А ты ждёшь не дождёшься, что он умрёт? – усмехнулась Олинн. – Из моих рук ещё никто не уходил в Тёмный Чертог, думаю, и для него час ещё не настал.

– Зря ты не слушаешь меня, пичужка! Ох и зря! – Торвальд задумчиво погладил усы и сделал шаг назад, так, чтобы стоять за порогом ведьминской избушки. – Не нравится мне этот монах. Не похож он как-то... на божьего человека.

– Чем же не похож?

– Торквес у него на шее, видишь?

Олинн тоже обратила внимание. Грубо сделанный обруч, из тёмного металла, из того же, что и солнце. Витая основа, словно два сплетённых между собой болотных ужа, заканчивалась сцепленными медвежьими лапами. Торквесс этот снять можно было только в кузнице, и он больше напоминал ошейник, чем украшение.

– Может, это тоже наказание такое? – спросила Олинн, снимая похлёбку с огня. – Ну, знаешь, вроде как за старую жизнь? Помнишь того монаха, который огромный ключ на шее носил? Ну, вот и это что-то вроде. Я вот ещё подумала, может, он в рабстве был? Видишь, следы от кандалов? Наверное, он бежал, а в божьего человека переоделся при случае.

– Может, и так... А может, его подослали сюда... разведать что тут, да как. Да узнать обходные пути вокруг болот. Ладно, пичужка, как очнётся твой монах, так отвезём его в замок – пусть расскажет, как сюда попал.

Вечером Олинн зажгла свечи в осколках глиняных плошек и, осторожно присев рядом с монахом, потрогала его лоб. Он всё ещё был горячим, и губы мужчины потрескались от жара. Пил он мало, за всё время она смогла едва ли треть кружки в него влить. Она принесла деревянную ложку и, набрав немного отвара, поднесла к его губам, произнеся, почему-то шёпотом:

– Пей. Ну же, выпей немного. Или высохнешь, как берёзовый лист по осени. Давай же, ну! Что же ты какой упрямый!

Губы чуть приоткрылись, и ей удалось влить, наверное, половину ложки.

– Ну вот. Теперь ещё одну, – Олинн снова зачерпнула отвар.

– *Илли... Ли... Ли... Илли...*

Монах зашептал тревожно и заметался на подушке, мотая головой из стороны в сторону, а потом вдруг схватил Олинн за запястье, да так крепко, что чашка с отваром вылетела у неё из рук и покатила по каменному полу.

– Да что же ты делаешь! – воскликнула Олинн, отчаянно пытаясь выдернуть руку из цепкого захвата.

– *Лли... Ли... Илли...*

Монах приподнял голову, словно пытался что-то ей сказать, но тут же упал на травяную подушку и разжал руку. А Олинн в испуге отскочила к другой стене.

– Ох, Лунолика! – пробормотала она, потирая запястье. Синяки теперь останутся. – Вот вам и спасибо за гостеприимство, эйда Олинн! Грубиян! Не рука, а медвежья лапа! Вот так и буду тебя звать! Бьорном!*

Ну, а что? Медвежье имя ему подходит как нельзя кстати.

**Citta – термин, придуманный в рамках данного мира. Место заготовки чего-либо, временная база, хутор.*

***Стивард** – (др.-сканд. *stivardr*) – древнескандинавское слово, буквально означающее «хранитель дома». Применялось к человеку, ответственному за частный или общий дом, управителю. В XI веке это понятие попало в древнеанглийский язык, превратившись, в конечном счете, в звание стюарда – управляющего крупным хозяйством.

***Скальд** – древнескандинавский певец-поэт.

***Драккар** – (норв. *Drakkar*, от древнескандинавского *Dreki* – «дракон») – так сегодня принято называть деревянный корабль викингов, длинный и узкий, с высоко поднятыми носом и кормой.

***Иннари, олхи, вьёли** – придуманные народности в рамках данного мира.

***Хольмгрег** – религиозный символ в виде солнца – знака истинного бога, на котором посередине располагается знак, означающий место владельца в иерархии служения. Ключ – это послушник, самый низ иерархии. Данный символ авторская выдумка, как и само слово.

***Фирд** – национальное ополчение в англосаксонской Британии, представляющее собой армию, созываемую королём из свободных землевладельцев для защиты территории страны от внешней агрессии. В романе использован, как обозначение ополчения собираемого несколькими ярлами. Объединение нескольких ярлов и их дружин для борьбы с внешним врагом.

* **Бьорн** – (швед. *Vjörn*, норв. *Vjörn*) – скандинавское мужское имя (буквально означает «медведь»).

Глава 2.

Ночью Олинн глаз почти не сомкнула. Монах метался в лихорадке, что-то бормотал и, наверное, разбил бы и голову о каменный пол, не будь её рядом. И в чём причина такой сильной лихорадки, Олинн понять не могла. Раны его выглядели хорошо, и всё шло лучше, чем она ожидала. Может, он так сильно ударился головой, поэтому?

Но, как ни странно, стоило ей присесть рядом на лежанку и заговорить, как он успокаивался, будто и в самом деле слышал её голос. А когда она вытирала пот с его лица, то снова схватил Олинн за руку, но уже не так сильно, как в прошлый раз, хотя всё равно цепко, и долго её не отпускал.

Она сидела и смотрела на то, как его пальцы сомкнулись на её запястье, и думала, что такими ладонями можно запросто обхватить и её голову, такие они широкие. Не ладони – лапищи! Но как только она снова начинала с ним говорить, он сразу успокаивался, затихал, только руку её так и не выпустил.

Вот и пришлось сидеть ей, как птичке на ветке, на самом краю лежанки, прислонившись плечом к бревенчатой стене избушки, и разговаривать с ним долго, тихо и медленно, нарочно растягивая слова. Рассказывать о чём-нибудь, лишь бы звук её голоса не стихал: о болотах, о ягодах и вересковых пустошах, о волшебнице Эль, что бродит среди туманов, о блуждающих огнях и призрачных гончих...

О замке Олруд, о своих сёстрах, старшем брате и мачехе... О том, как она занимается хозяйством...

Луна катилась по небу золотым шаром, в соснах на скале ухал филин, где-то обиженно протягивала лиса, и кто-то шуршал в листве у порога, наверное, ёж осматривался под крыльцом избушки, ища будущее место зимовки. В болотных зарослях на все лады голосили разномастные марейские лягушки, а Олинн всё говорила и говорила, сама не понимая, зачем это делает. Почему просто не оставит этого монаха и не уйдёт. Баюкать этого медведя, как дитя, это уж слишком!

Но всё сидела и сидела, и даже не заметила, как сама задремала, уронив голову рядом на травяную подушку.

А едва смежила веки, как провалилась в странный и страшный сон.

Она идёт по болоту, и под ногами проминаются мягкие мишьятые кочки. На зелёном бархате алая россыпь клюквы... Но, присмотревшись, она понимает, что это не клюква – это с её пальцев капает кровь. Мох начинает жухнуть, чахнет трава, вода уходит из-под ног, а земля высыхает и начинает трескаться. И так душно, так жарко, что, кажется, воздух тоже весь высох.

Откуда-то издали доносится странный гул. И Олинн не сразу понимает, что это гул пожара. Земля горит, и едкий дым заволакивает горизонт...

Она вздрогнула и проснулась, и даже сразу не поняла, где находится. Так явственно ноздри чувствовали дым, а лицо – огонь.

– Куда ночь, туда и сон! – пробормотала она, отгоняя кошмарное видение и ещё не осознавая, что оно могло значить.

За окнами уже серело раннее утро. От неудобной позы затекли плечо и шея, и руки она почти не чувствовала. Перевела взгляд и увидела, что её запястье по-прежнему удерживают сильные пальцы монаха. Кажется, он так и проспал всю ночь, держа её, словно на привязи.

Она осторожно высвободила руку и отползла, закатывая рукав и разглядывая кожу на запястье в тусклом утреннем свете.

Да уж! Синяк выступил знатный.

Но зато дыхание монаха выровнялось и перестало быть хриплым. Он дышал сейчас тихо, почти не слышно. Олинн потянулась и дотронулась пальцами до его лба. Сильный жар ушёл.

– Ну вот, голубчик, и хорошо. Дальше ты уж сам. А мне пора, – прошептала она, вставая.

Но, прежде чем уйти, осторожно отвернула плед и заглянула под одну из повязок на его груди. Мази и мох сделали своё дело. Раны уже не выглядели настолько безобразно, и Олинн даже удивилась – никогда не видела, чтобы заживление шло так быстро.

– Вот, здесь отвар, если очнёшься вдруг – выпьешь, – прошептала она и поставила большую глиняную кружку в изголовье у лежанки.

Ещё раз посмотрела на монаха и подумала, что надо бы попросить Торвальда привезти ему какую-нибудь из своих рубаш. Хоть старую. А то...

В Олруде много больших и сильных мужчин, но тело монаха выглядит так, будто вытесано из куска скалы. И нет никаких сомнений в том, что под этой кожей прячется огромная сила. От этих мыслей ей стало как-то не по себе. Но не то, чтобы страшно, а скорее, неловко от того, что она с таким жадным любопытством разглядывает могучие плечи раненого мужчины.

Ему точно нужно привезти какую-нибудь одежду!

Олинн снова укрыла монаха пледом и сказала, уходя:

– Я в замок поехала, но вечером вернусь. Надеюсь, ты придёшь в себя, Бьорн, и мы распрощаемся.

Торвальд на её предложение привезти монаху что-нибудь из своей одежды только фыркнул. Посмотрел на Олинн, прищутив единственный глаз, дёрнул кончик бороды, заплетённой в косичку, и спросил:

– Бьорну? Ты что, уже и имя ему дала, пичужка? С чего вдруг? Он тебе не ручной зверёнок. Не привязывайся к нему. Ярл Олруд, может, вообще велит его вздёрнуть на воротной балке – в назидание королю...

– Отец не повесит божьего человека, – уверенно ответила Олинн.

– Ты будто не знаешь Белого Волка! Ещё как повесит! И я бы его повесил. Так что бросила бы ты это дело, а уж коли охота с кем возиться, так я скажу – замуж тебе давно пора. Стоило бы ярлу и позаботиться об этом. Выбери себе мужчину по нраву, а я перед ярлом похлопочу. А то хочешь, сам подыщу тебе доброго мужа, крепкого и надёжного...

– Ох, Торвальд, бросил бы ты заниматься сводничеством, – в тон ему ответила Олинн и, усмехнувшись, добавила: – Свахам усы не идут.

– Зря ты, пичужка, – Торвальд погладил усы и, подмигнув, добавил: – Уж я в мужчинах разбираюсь. И вволю бы мёда попил на твоей свадьбе.

– И не надейся! – лишь рассмеялась Олинн в ответ, направляя лошадь по тропинке. – Мне сводники с усами не нужны! А понадобится найти мужа, так и сама справлюсь!

Весь день она бегала по замку, как белка в колесе, и круговорот хозяйственных дел не оставляла времени на раздумья. И даже приснившийся ночью кошмарный сон как-то позабылся. Пришли подводы с севера, с кораблей, что причаливают в Серебряной бухте. Привезли лён, ячмень и ещё много всего, и всё это нужно было пересчитать и проверить. Проследить, чтобы заперли в кладовых, а потом ещё записать в книгу. Расставить снадобья, прочитать письмо от отца с наказом, что отправить к Перешейку, и собрать туда новые подводы. Но нет-нет, и закрадывалась шальная мысль: как же там Бьорн? Не стало ли ему хуже? И она не знала, почему так тревожится об этом монахе. Стоило о нём подумать, и она сразу же смотрела на ладонь, туда, где растаяла серебряная звезда, но никаких следов от неё не осталось.

Когда закончился обед и большая зала опустела, Олинн только-только добралась до стола. И едва успела наспех перекусить, как в дверях появилась Фэда – её единокровная сестра. Она впорхнула, как птичка, подбежала легко и опустилась рядом на лавку. Расправила складки

голубого платья с белым шитьём на груди и, оглянувшись на двери кухни, откуда доносился звон котелков, заговорщицки зашептала:

– Ах, Линна! Я так счастлива! Просто не могу молчать! Я должна обязательно всё тебе рассказать!

– Что случилось? – Олинн отодвинула пустую миску и посмотрела на сестру.

Та сияла, как только что отлитая серебряная бляха, а значит, если и случилось что-то, то, видимо, хорошее, слава Луноликой!

– Ярл Бодвар дал добро Хельду на наш брак! – торжественно прошептала Фэда. – Сказал, что как только Перешеек покроет вода и туман, он приедет к нашему отцу с брачным подношением! Ох, Линна! Я сегодня молилась полночи, чтобы отец побыстрее вернулся!

– А твоя матушка? Что сказала эйлин Гутхильда? – спросила Олинн, подумав, что мачеха явно не знает об этом, иначе ей бы ещё утром выдали тысячу заданий по подготовке замка к будущему пиру.

– Ох, что ты! Матушка, как только узнает, так сразу же запрет меня на пять замков! И скажет, как бы чего не вышло, да от дурного глаза! Ты же знаешь, какая она суеверная! Я только тебе рассказываю, не хочу, чтобы кто-то проговорился ей. А ты меня не выдашь! Дай я тебя обниму!

Сестра обняла её в радостном порыве, и Олинн в ответ улыбнулась. От того, как сияет Фэда, ей и самой стало даже как-то теплее. Фэда, она всегда такая искренняя, так и не скажешь, что она – старшая дочь суровой Гутхильды. Уж чего-чего, а лукавства, как ни странно, в ней не было ни капли. Хотя красоту матери она унаследовала сполна. Сегодня она вся просто сияла. Золотистые волосы, перевитые серебряными бусинами, были уложены на голове как корона. В ушах – янтарные серьги, и такая же россыпь янтаря на шее. И когда смотришь на неё, кажется, что Фэда спустилась из светлых божественных чертогов, только крыльев не хватает за спиной. Не даром же её считают самой красивой девушкой от Перешейка до Серебряной бухты.

– Ладно, ладно, – улыбнулась Олинн и отстранилась, разжимая объятия, – испачкаешь своё платье, я только что из кладовых пришла, видишь, вся в муке. А свадьба? Когда ты хочешь свадьбу?

Олинн встала, отстегнула от пояса кольцо со связкой ключей и стянула огромный передник, который не успела снять, садясь за стол.

– Я думаю, на Рябиновый день, – мечтательно ответила Фэда.

Рябиновый день – лучше не придумаешь. День всех свадеб и осеннего равноденствия. И до него времени совсем немного осталось. Рябиновый день – удачное время!

Олинн и Фэда пошептались ещё немного. Вернее, Олинн слушала, а Фэда всё рассказывала о том, как же она счастлива. И Олинн стало даже немного грустно. Упорхнёт из замка Фэда, кто станет петь и играть на тальхарпе*? От кого можно будет услышать рассказы о страшном Яг Морте, или о том, как приходит на Север Бог-Олень в день осеннего равноденствия? Фэда умеет рассказывать эти истории лучше любого скальда, каждый раз приукрашивая их какими-то новыми подробностями.

– Надо и тебе жениха найти, – внезапно произнесла Фэда, как будто устыдившись своего счастья и накрывая руку Олинн своей. – А то я всё болтаю и болтаю про себя, а как же ты? Может, у ярла Бодвара тебе кого присмотреть? Жили бы все в одном месте!

– Да ладно тебе, я не пропаду, – улыбнулась Олинн, – придёт время, найду себе кого–нибудь. А сейчас мне ехать пора.

– Когда оно придёт, твоё время? Тебе уже девятнадцать! Ещё год, и всё! – воскликнула Фэда. – Ты вчера не ночевала в замке, а сегодня будешь? Я хотела ещё с тобой поговорить.

– Нет, – Олинн на мгновение задумалась, – сегодня я тоже, скорее всего, не вернусь, – надо съездить в дальнюю ситту. Проверить, сколько рыбы навялили и накопили. Пока сухо,

надо всех поторопить, а то Эйлин Гутхильда будет потом меня ругать. Да и отец писал... Так что я заночую у Тильды в избушке, скорее всего... И она мне обещала ещё кое-какие снадобья...

Олинн чувствовала, как даже краснеет от этих слов. Ложь ведь. И почему ей так стыдно вдруг за то, что она утаивает от Фэды истинную причину? Раньше между ними не было тайн.

– Как ты можешь ночевать у этой вёльвы?! Вот не понимаю! – выдохнула Фэда и даже всплеснула руками. – Я боюсь эту болотную старуху... А как ты не боишься? От одной её избушки дрожь пробирает! А уж рога эти красные на дверью, б–р–р–р! Как вспомню их, так мороз по коже!

– А чего мне бояться? – усмехнулась Олинн. – Я же полукровка. А она мне как тётя.

– Ой, ладно! Какая тётя! Ты--то совсем не такая! Мало ли, какое колдовство она творит!

Олинн только пожала плечами. Как объяснить Фэде, что для таких, как Олинн, то, что люди называют колдовством, часть их жизни и натуры? Жаль только, ей от этой части досталась самая малость. Да и от той больше вреда, чем пользы. Не умеет она, как Тильда, гадать на крови животных, не видит в этом ничего. А от волшебного эля из грибов, которыми Тильда однажды её напоила, её только рвало три дня, и никаких видений, как у вёльвы, у неё не было. Ни в пламени жертвенного костра, ни в болотной воде, нет для неё тайных знаков. Лишь слабые отголоски леса, вот и всё, что она слышит и видит.

– Не говори ерунды, она всего лишь знахарка! От лихорадки-то ты не боишься пить её снадобья? Ну так вот, и не думай об остальном, – снова пожала плечами Олинн.

– Знаешь, она по весне отцу предсказывала всякое, – задумчиво произнесла Фэда. – Плохое...

– А ты откуда знаешь? – удивилась Олинн.

– Э–э–э... Да просто... Слышала... как отец с матерью разговаривали, – ответила Фэда как-то нехотя.

– И что она предсказала?

– Да забудь! – отмахнулась Фэда. – Всё хорошо будет!

И Фэда снова зашебетала о свадьбе, о платье и о том, как все съедутся на пир. А Олинн почти не слушала её. Вспомнился ночной кошмар. И слова сестры о том, что вёльва предсказывала плохое, вплелись ещё одним узором в разрастающееся в душе чёрное кружево тревоги.

Когда Олинн наконец--то освободилась от хозяйственных дел, день начинал клониться к вечеру. Но едва хотела уйти, как на пороге её поймала Гутхильда и долго и нудно давала указания на завтрашний день. А когда ей всё-таки удалось вырваться из цепких рук мачехи, солнце уже коснулось границы сопки на другом берегу Эшмола. Олинн разыскала Торвальда и велела седлать лошадей. Придётся торопиться! И понять не могла, почему так спешит в избушку Тильды.

Она прихватила с собой еды и в замке всем сказала, что завтра будет только к вечеру, а может, и послезавтра к утру. И всю дорогу странное тревожное предчувствие не давало покоя. Не то, чтобы это было предчувствие чего-то плохого, а скорее, необъяснимое беспокойство. Вот только о чём?

Все эти знаки вокруг... Ворон. Серебряная звезда. Дурной сон. Слова Фэды...

Всё только усугубляло тревогу в её душе. И она очень надеялась, что сегодня Тильда вернётся, и ей удастся с ней поговорить. Но напрасно: вёльвы всё ещё не было, а монах спал.

Олинн осторожно вошла в избушку, положила сумки у очага, зажгла свечи и присела рядом, рассматривая его. Видно было, что он ворочался во сне, отбросил плед, кое-где сбились повязки, но выглядел сегодня, определённо, лучше. Олинн дотронулась до его лба тыльной стороной ладони – жар почти спал. Убрала повязки и удивилась, как быстро зарастают раны монаха.

– Ну вот и хорошо, – прошептала она и принялась готовить ужин.

Вынесла плошку с едой Торвальду, который расположился на пригорке – он, по–прежнему, не хотел заходить в избушку вёльвы. А когда шла назад, глянула на избушку и вдруг остановилась перед дверью, как вкопанная, вспомнив слова Фэды.

«А уж рога эти красные на дверью, б–р–р–р! Как вспомню их, так мороз по коже!»

Насколько знала Олинн, её сестра была у вёльвы последний раз ещё в детстве, когда та лечила её от испуга. В тот год отец притащил в замок медвежонка на потеху да посадил его в яму на цепь. А Фэда как-то умудрилась пробраться к нему мимо нянек, не удержалась на краю и упала в яму. От испуга она две недели не говорила, и ярл сам лично повёз её к вёльве. Что делала Тильда, Олинн не знала, но говорили, что после этого Фэда заревела в голос и ревела так полдня, но потом снова заговорила. Вот только вёльву она с тех пор боялась даже больше, чем медведей.

А ветвистые оленьи рога над входом в избушку Тильда только этой весной повесила. И выкрасила их отваром из кровавого мха. Говорила, так надо – беду отведёт.

Откуда бы Фэде знать об этих рогах, а тем более, видеть их, если сюда никто, кроме Олинн и Торвальда, не ходит?

А Олинн всегда думала, что у Фэды нет от неё тайн.

Так и пролетели эти несколько дней, будто один. Олинн возвращалась в замок, бегая, как заполошная, и выполняя распоряжения мачехи, а вечером или после полудня, едва Эйлин Гутхильда переставала за ней следить, снова сбегала на болота. В избушку к Тильде.

Наверное, Фэда бы заметила её частое отсутствие. Но сестра была занята мыслями о своём златокудром женихе и приданом, и на озабоченное лицо Олинн внимания не обращала.

Торвальд сначала бурчал и посмеивался, а потом сделался молчалив и угрюм, и всё поглядывал на Олинн да поглаживал бороду или усы. Одним словом – не одобрял. Каждый раз осторожно входил в избушку, проверяя каждый угол, будто собака, потом какое-то время смотрел на лежащего в беспамятстве монаха и, убедившись, что тот не опасен, снова гладил усы и уходил на лежанку за нитсшест. А уж оттуда наблюдал за подворьем. Куда ходит Олинн да что делает. И чтобы не ощущать спиной его молчаливое неодобрение, в этот день, проснувшись с утра пораньше, Олинн отправила его съездить в ситту, проверить, как идут заготовки. Сама себе давно обещала туда наведаться, вот пусть старый вояка и съездит, немного развеется, и ей будет легче – не слышать его недовольное бормотание.

Торвальд уехал, а Олинн направилась с ведром к ручью. Вода в нём всегда холодная и цветом похожа на отвар из листьев кипрея. Это всё из-за торфяников, в которых берут своё начало бесчисленные притоки Эшмола. Олинн опустила ладони в воду, глядя, как перекачивается она по камням с тихим журчанием, а потом зачерпнула её полные горсти, умылась и расчесала волосы. Посмотрела на алую рассветную полосу и подумала, что Тильде пора бы уже и вернуться. Сколько она здесь? Три или четыре дня? Куда же запропастилась старая вёльва? И что-то нехорошее снова шевельнулось внутри. Первый жёлтый лист, упавший в воду, проплыл мимо, будто отвечая на её вопрос. Рано что-то для осени... Плохой знак...

Этой ночью монах спал совсем тихо, и Олинн не помнила, как быстро задремала сама, свернувшись калачиком у его лежанки. А когда проснулась, всё тело ломило от неудобной позы, и рука затекла, потому что Бьорн и этой ночью держал её за запястье, так, словно боялся, что она уйдёт.

Зачем ей всё это?

Олинн и сама не знала. Столько дней она боролась с тем, чтобы душа монаха не ушла в Тёмный чертог. Но зачем?

Странно это.

Она зачерпнула ведром воды, вернулась в избушку, разожгла огонь в очаге. Нужно сделать отвар...

Подошла, чтобы забрать кружку, стоявшую у лежанки. И ощутила что-то... Будто облако набежало на солнце... Или словно сквозняком потянуло.

И прежде, чем Олинн успела понять, что это было, цепкие пальцы монаха впились в её запястье и потянули на себя, так что она не удержалась и упала на лежанку. Даже вскрикнуть не успела, потому что вторая ладонь крепко зажала ей рот, притягивая к себе.

От страха она оцепенела и не в силах была сопротивляться, настолько это нападение оказалось неожиданным. Но монах подержал её так всего лишь несколько мгновений, точно прислушивался, а потом медленно разжал пальцы. Олинн оттолкнулась ногами, почти отпрыгнув от лежанки, бросилась прочь к противоположной стене избушки. Закричала бы, да горло перехватило от страха.

– Ты спятил что ли?! – воскликнула она хриплым полушёпотом, нащупывая одной рукой кочергу.

Но монах, видимо, потратил на этот бросок все свои силы, потому что тяжело откинувшись на подушку, на мгновение закрыл глаза, и на лбу у него отчётливо выступили бисерины пота. Олинн хотела позвать Торвальда, но потом вспомнила, что сама же отправила его в ситту. И вернётся он, скорее всего, завтра.

И вот, как раз в этот момент, Бьорн и пришёл в себя! Ну что за подлость!

А монах медленно открыл глаза, чуть приподнялся на локтях и теперь уже внимательно посмотрел на Олинн. Не просто посмотрел, он словно пригвоздил её этим взглядом к бревенчатой стене избушки.

Потому что никогда раньше Олинн не видела таких глаз.

Здесь, в Олруде, все мужчины сплошь голубоглазые и светловолосые. Северяне все такие. Люди с Солёных островов, те рыжие и веснушчатые, иннари, наоборот, темноволосые, с раскосыми чёрными глазами. У вёлей глаза серые, как поздние туманы Великой Эль. А полукровки, такие, как Олинн, они разные. Но вот таких зелёных глаз она не видела здесь ни у кого. И это была какая-то совсем светлая зелень, прозрачная, как дымка весеннего леса. Завораживающая...

А на фоне чёрных бровей и косматых волос, на фоне загорелой кожи монаха этот взгляд казался таким глубоким, почти бездонным... странным, пугающим, и... притягательным одновременно.

До этого, пока Бьорн лежал в беспмятстве, пока был слаб, в нём словно не было души, только тело, о котором она заботилась. Но вот он пришёл в себя, посмотрел на неё, и её собственная душа ушла в пятки, потому что такого взгляда стоило бояться. За ним скрывалось что-то дикое, необузданное и страшное, что-то такое, отчего сердце Олинн забилося, как у зайца, которого вот-вот настигнет волк.

А если он её убьёт?! Ох, прав был Торвальд! А она глупая пичужка! И она тут совсем одна!

– Где я? – спросил монах хрипло, обшаривая внимательным взглядом тёмные углы комнаты.

Голос у него был низкий, глухой и тоже пугающий, под стать его космам и бороде.

– В-в-в... в Илла-Марейне, близ Олруда, – пробормотала Олинн, цепляясь пальцами за бревенчатую стену и отступая назад к очагу.

– А это что? – он указал двумя пальцами куда-то в сторону шкафа с настойками и травами Тильды, что пучками висели на стене.

– Это... избушка нашей вёльвы, – ответила Олинн, сглотнув.

А в голове мысли метались беспорядочно, где-то между: «сейчас же бежать отсюда без оглядки», «ударить монаха кочергой и бежать без оглядки» и «подмешать в отвар монаху сон-

травы и... бежать без оглядки». В любом случае, бежать без оглядки было самым подходящим вариантом, но ноги у неё словно пристыли к полу.

Всё-таки она трусиха. Хотя волков не боится, болот не боится, а какого-то монаха испугалась до дрожи в пальцах. Но тут же вспомнилась та серебряная звезда, которая без следа исчезла на её ладони, и Олинн поняла, что сейчас он спросит её об этом, и... В общем, вряд ли ей удастся складно соврать под его пронизывающим взглядом.

А ну как он подумает, что это она её украла?! Да она бы в жизни ничего чужого не взяла! Но... как она всё ему объяснит?

И мысль, что он подумает, будто она воровка, оказалась особенно неприятной.

Но воинственный блеск в глазах Бьорна быстро угас. Он покрутил головой, пытаясь осмотреть избушку, поморщился, явно чувствуя боль, и, дотронувшись пальцами до шрама на щеке, спросил как-то неуверенно:

– А как меня зовут?

– Я... я... не знаю...

– А как я здесь оказался?

– Мы нашли тебя раненым у тропинки и принесли сюда, – ответила Олинн, наблюдая за тем, как монах неуверенно трогает повязки на груди.

– Я ранен?

– Ну, кажется... это очевидно, – она неопределённо взмахнула рукой.

– А что я делал на той тропинке?

– Я не знаю. Мы думаем, ты как-то пробрался через топи... Пришёл с той стороны болот... От монастыря как-то смог попасть сюда, – принялась сбивчиво объяснять Олинн. – А тут, видимо, упал со скалы... наверное. И разбил голову. Хотя тебя всего будто в жерновах перемололи. При тебе было только чуток милостыни, и всё, и твоя ряса была такой изношенной...

– Я что, монах? – удивился мужчина совершенно искренне.

Ох, Лунолика! Приплыли к берегу, называется!

– Ты что же, совсем ничего не помнишь? – спросила Олинн удивлённо.

– Э–э–э... нет.

Монах растопырил пальцы, посмотрел на них, словно видел впервые, а потом запустил пятерню в волосы, как будто проверяя, на месте ли они, дотронулся до бороды и снова посмотрел на пальцы.

– Мне нужно туда, – указал он на приоткрытую дверь, – на воздух. Помогите мне.

– Я бы помогла, но ты пообещай, что не будешь бросаться на меня, – ответила Олинн, перехватывая кочергу другой рукой. – И тебе не стоит ещё вставать. Ты вон какой... Еле живой...

– Я крепкий. Обещаю. Не трону, – сказал, как отрезал, и стал подниматься, опираясь рукой на стену. – А кочергу выбрось.

Олинн колебалась несколько мгновений, но монах повелительно махнул рукой искомандовал:

– Ну, что стоишь? Я же сказал, не съем тебя!

И она подчинилась. Правда, кочергу не отбросила, мало ли...

Хотела подать ему руку, но монах и сам справился. Вцепился пальцами в брёвна и поднялся, держась за стену. От слабости его шатало, и Олинн показалось, что сейчас он упадёт. Но упрямство в нём пересилило слабость.

Когда он выпрямился, Олинн только и подумала, какой же он огромный! Бьорн возвышался над ней, как гора, и сейчас она в полной мере смогла рассмотреть его могучее тело. Да она ему ростом по шею, даже до уха не достанет! Плед и оленьи шкуры упали на пол, и

он остался стоять в одних только старых линялых штанах, и в таком виде внушал какой-то животный страх.

– Стань поближе, обопрись на тебя, – он положил ей руку на плечо, и показалось, что его ладонь просто придавит её к полу.

И, как был босиком, так и пошёл, медленно, держась одной рукой за стену, другой – за плечо Олинн. В дверях ему пришлось согнуться едва ли не вдвое, чтобы пройти под низенькой притолокой, и он охнул, хватаясь рукой за бок, за ту самую рану, которую Олинн так долго и упорно зашивала.

И если он сейчас упадёт, то в одиночку назад она его ни за что не дотащит!

Снаружи они остановились. Монах какое-то время стоял, словно принохиваясь или прислушиваясь. Шурился от яркого солнца и крутил головой, осматриваясь.

– Ручей? – спросил он, ткнув пальцем в сторону груды камней, за которой, плавно пере-скакивая по камням, текла маленькая речушка.

– Да, – ответила Олинн, с тоской глянув на тропку, по которой уехал Торвальд.

От напряжения у неё похолодели пальцы, и где-то в груди острой ледышкой застыл комок страха.

– Идём, – монах чуть подался вперёд и, пошатываясь, направился к камням.

До ручья они доковыляли, трижды останавливаясь и отдыхая. Монах морщился, хватался за стволы деревьев, сжимал пальцами плечо Олинн, но шёл упрямо, будто без этого ручья ему жизни никакой нет. Он тыльной стороной стирал пот со лба, выступивший от слабости, и его лицо было бледным даже под загорелой кожей. И сейчас на солнце стало отчётливо видно, что человек этот точно откуда с юга, так непохож он был на светлокожих марейских жителей.

За камнями речушка делала изгиб, образуя небольшую заводь. Здесь сквозь воду проглядывало чистое галечное дно, и мягкий мох, покрытый редкими белыми звёздочками осенних ветренниц, устилал берег, словно бархатное одеяло. Монах тяжело прислонился к берёзе и, посмотрев на Олинн исподлобья, произнёс:

– Дальше я сам. Уйди.

– Ты что же, в воду полезешь? Она же холодная! Больному туда нельзя! У тебя же лихорадка! – удивлённо воскликнула Олинн. – Да ты утонешь, ты же вон какой слабый! А мне потом тебя тащить обратно!

Кажется, зря она это сказала...

– Ну, как знаешь, – монах окинул её странным взглядом с ног до головы и потянул завязки на штанах. – Потом не жалуйся.

– Э-э-э, а вообще-то, дело твоё. Хочешь тонуть – тони, – буркнула Олинн, почувствовав, как заливается краской, и поспешила прочь, за груды камней.

Вот ещё! Нашёл, чем пугать! Можно подумать, она голого мужчину не видела! Эка невидаль!

Она даже фыркнула то ли от досады, то ли от смущения, сама не поняла. Ей не в диковинку видеть голых мужчин – сколько вон раненых привозили с Перешейка! Но что-то в этом монахе, так не похожем на божьего человека, её смущало. Может, его огромный рост и сила, а может, этот взгляд, похожий на бездонную топь.

– Да ну тебя! – буркнула она и с досады даже шлёпнула ладонью по камню.

Нужно одежду принести этому ненормальному. Хорошо, что Торвальд всё-таки сжалился и отдал свою старую рубаху и штаны. А то с этого дикаря станется и голым тут ходить! Одно слово – медведь!

Она сходила в избушку, взяла свёрток и вернулась к камням. Потопталась, не зная, как дать о себе знать.

– Как тебя зовут? – услышала голос монаха сквозь странное фырканье.

Олинн осторожно выглянула из-за камня и увидела, что Бьорн сидит по пояс в воде. Он содрал с тела все её повязки и, зачесав пальцами назад мокрые волосы, смотрел в небо сквозь переплетение ольховых ветвей.

– Олинн, – ответила она, выходя из-за камня, – вот, я тебе чистую одежду принесла. Я здесь оставлю, оденешься.

– Зачем спасла? – он повернул голову и посмотрел ей в глаза. – Зачем помогла?

При свете дня его лицо, не обрамлённое больше спутанными космами волос, выглядело моложе и...

Олинн не знала, как описать то, что она чувствует, глядя в его глаза. Тревогу и страх? Осторожность или настороженность? Исходящую от него опасность? Или всё вместе? Как будто идёшь по болоту, медленно наступая на мягкие кочки, и под покровом изумрудной зелени никогда заранее не знаешь, где тебя поджидает рымина или трясина. Наступишь, и ухнешь туда. И вот такая же прозрачная зелень, как глаза этого монаха, сомкнётся над тобой навсегда. И он опасен – похож на коварную топь, только она никак не поймёт этой опасности. Чувствует её кожей, а умом не понимает.

– Спасла? Да просто так, – ответила Олинн, прислонившись к камню и разглядывая спину монаха. Он отвернулся и принялся тереть плечи пучком мха. – Разве ты не рад?

Да уж! И кто же его так исполосовал?

На его спине живого места не осталось, часть шрамов была старой, но те раны, что достались ему недавно, ещё толком и не зажили.

Он пожал плечом и ответил:

– Не знаю. Вернее... не помню. А какое у меня имя? Как думаешь?

Олинн буркнула, снова смутившись:

– Не знаю, но я назвала тебя Бьорном.

– Бьорном? – он снова посмотрел на неё через плечо, чуть прищурившись. – Почему?

– Потому, что ты большой. А вообще, вылезай из воды. Замёрзнешь же! Тебе нельзя ещё! Вода холодная, твои раны не зажили, а ты их трёшь! Выходи уже, я не буду смотреть.

Олинн отошла за камень.

– А ты кем будешь, Олинн-спасительница? Тоже вельва?

– Нет. Я младшая экономка в замке Олруд, – ответила она, срывая одинокий цветок ветреницы.

Глава 3.

Назад в избушку Олинн его еле довела. Видимо, от прогулки и холодной воды прилив сил закончился, и на лежанку Бьорн рухнул, словно мешок с овсом.

– Твои раны надо перевязать, нехорошо это, – произнесла Олинн, покачав головой и видя, что Бьорн перестарался с купанием.

Он посмотрел на неё тяжёлым взглядом и вытер тыльной стороной ладони выступивший на лбу пот. Но головой кивнул. Разрешил.

Олинн принесла корзинку с мазью и мхом и села рядом. Поначалу даже страшно было к нему прикасаться, потому что Бьорн смотрел на неё так, будто ждал, что она вот-вот достанет кинжал и ударит. И когда она дотрагивалась до него, кожа на его груди подрагивала от этих прикосновений. Можно подумать, она касалась его куском горячего угля! Он молчал и, кажется, вообще дышать перестал, наблюдая за её работой, и от напряжения Олинн едва не выронила плошку с мазью. Рядом с Бьорном ей сейчас было очень страшно.

– Ты не помнишь, откуда эти раны? – спросила она, осторожно накладывая мох и повязку и стараясь не смотреть ему в глаза.

Спросила, лишь бы чем-то разбавить эту густую тишину, повисшую между ними.

– Нет, – ответил он угрюмо и тихо.

– Ты хоть что-нибудь помнишь о себе? Откуда ты? Свою родину?

– Нет.

– Судя поговору, ты откуда-то с юга, и кожа у тебя... тёмная для северянина, – продолжала негромко говорить Олинн, осторожно прикладывая сухой мох к ране. – Больно?

– Нет.

Она не смотрела ему в глаза и даже дышать старалась глубже, чтобы не выдать своего страха, а сама всё думала об отваре с сон-травой. Надо его напоить, а там приедет Торвальд, и будет не так страшно.

– Кто тебя научил врачевать раны, экономка из Олруда? – спросил Бьорн тихо, не сводя с Олинн глаз. – И не слишком ли ты молода для экономки? Да и не похожа...

– Ну... Ты тоже не слишком похож на божьего человека, – буркнула Олинн и чуть язык не прикусила.

Вот же ляпнула! Лучшие бы ей помолчать, а то он, хоть и слаб, но и щелчком пальцев её зашибить сможет!

Но Бьорн лишь скривился, будто хотел улыбнуться, да рана на щеке не дала, и вцепился пальцами в плед. Его начал колотить озноб, и такой сильный, что он не мог даже плед подтянуть к подбородку.

– Ну вот, говорила же! – пробормотала сокрушённо Олинн, заканчивая перевязку и укрывая его оленьими шкурами. – Глупая это была затея – купаться в реке! Все мои труды зазя!

Он стискивал челюсти, чтобы не стучать зубами, но от этого на лице сильнее натягивалась кожа, и начинала болеть зашитая ею рана. И поэтому Бьорн отвернулся к стене и закрыл глаза, стараясь не смотреть на Олинн, как будто ему было стыдно за свою слабость.

Она сделала ему отвар, куда не забыла щедро добавить сон-травы, пусть уж лучше спит, чем вот так снова лезет в холодную воду или смотрит на неё медведем. Бьорн, конечно, разлил половину, так сильно тряслись у него руки, но оставшееся выпил, и горячая пряная жидкость сделала своё дело – озноб начал понемногу отступать. А когда Олинн хотела отойти, он снова поймал её за запястье и потянул, заставив опуститься на лежанку.

– Посиди тут, – произнёс он, будто приказал. – Рядом посиди... Скажи... Откуда я знаю твой голос? Ты говорила со мной во сне?

И его светлые глаза смотрели на неё внимательно и цепко.

– Я говорила с тобой, когда ты был в беспамятстве, – ответила Олинн, покосившись на кочергу. – И не дёргай меня так за руку своими лапищами!

В следующий раз она его точно огреет за такое! И не посмотрит, что раненый!

– Говори ещё, – пробормотал он, закрывая глаза и даже не обратив внимания на то, что она пыталась выдернуть свою руку из его стальных пальцев. – Что-нибудь... Всё равно что... Как зовут тебя родные? У тебя есть семейное имя? Олинн – странное имя... Мужское...

– Линна, – ответила она не сразу, чуть помедлив и оставив попытку освободиться.

Это имя только для очень близких. Фэда так её зовёт. Ещё отец... иногда. Торвальд зовёт «пичужкой», а для остальных она эйда Олинн. С чего бы ей вообще рассказывать ему всё это? Но она рассказала. Что-то такое было в его манере задавать вопросы, что она не могла ему отказать.

– Говори ещё, Ли-н-на, – произнёс он тихо, и как-то странно растягивая её имя, заставив зазвучать его в воздухе, будто пальцами тронули струну тальхарпы*.

О чём говорить? Да всё равно, надо, чтобы он уснул.

Она посмотрела на его руку, стискивающую её запястье, и начала рассказывать о том, как осень приходит в Илла-Марейну. Она говорила тихо и напевно, как в золото одеваются лиственницы, и в алое – рябины, краснеют листья брусники, и наливаются кровавые ягоды клюквы... О туманах, мягких, как пуховая шаль, и тёплых, что придут через месяц и укроют Перешеек и весь Эль-Хейм. Но перед этим все иннари севера соберутся на камлание в Красном логе, будут бить в бубен и призывать Рогатого бога – Оленя Великого Охотника, чтобы пришёл он править севером. А вместе с ними лунолика Моор-Бар, его верная спутница. И чтобы заперла она ворота на север и хранила Илла-Марейну до весны от всякого зла. Как пройдёт лунолика в серебряной короне и накидке из меха горностая, и мех будет стелиться по земле, растворяясь и превращаясь в густой туман. Он окутает болота до весны, поднимется вода и скроет единственный путь на север, через Перешеек. Иннари верят, что именно на юге обитают злые духи...

И в чём-то они правы. Зло всегда приходит с юга.

Олинн посмотрела на Бьорна и подумала, что, может, вот об этом каждый раз и говорят шаманы? И Тильда, говоря о южной заразе, имеет ввиду именно божьих людей?

– Лин-н-на... Красивое имя... Молода ты для экономки... – пробормотал Бьорн и провалился в забытье.

Сон-трава сделала своё дело.

Олинн осторожно высвободила руку, потёрла запястье и направилась к очагу. Разожгла огонь, поставила варить похлёбку, решив, что утром надо будет покормить этого медведя и распрощаться. Завтра вернётся Торвальд, надо будет и его покормить и...

... и, пожалуй, не стоит ему знать о том, что тут было.

Почему она решила скрыть это от своего главного защитника? Олинн этого не знала. Просто... так будет правильнее, чем объясняться с Торвальдом, зачем она водила этого мужчину в ручей и... вообще. Он и так-то считает всё это дурной затеей, и не сказать, что он так уж и не прав. Затея чем дальше, тем всё дурнее.

Молода она для экономки? Много вы понимаете, господин «медвежья вежливость»!

Олинн вздохнула и посмотрела на лежанку. Бьорн уснул крепко и дышал тихо. И вот так, в забытье, он не казался ей опасным. Но в душе она знала – это не так. Она снова взглянула на свою ладонь.

Как же кстати он потерял память! Раз он не вспомнил, что с ним случилось, то и про украшение не вспомнит тем более. И если вспомнит... А вспомнит ли? Видимо, удар по голове был слишком сильным. А если память к нему не вернётся совсем, то куда он пойдёт, если даже имени своего не знает? Да какое ей вообще до этого дело?!

Но ведь ворон не зря привёл её к нему, так что, как ни крути, а она его аэсмэ, и значит, ответственна за судьбу этого медведя до тех пор, пока он не сможет жить дальше без её помощи. Может, Тильда согласится пока приютить его у себя? Он сильный, поможет ей избушку подлатать, вон, уже угол, что смотрит на реку, покосился.

Но вёльва не любит божьих людей...

Олинн взялась за метёлку, не привыкла сидеть без дела. Надо навести порядок в избушке, а то вернётся Тильда, будет недовольна. Она почистила очаг, принесла ещё дров, перемыла котелки и смахнула повсюду пыль. Убралась в шкафу со склянками, перестелила лежанку Тильды и принесла свежей мяты, чтобы разложить на полу, да так и провозилась до самой темноты. В замок сегодня она возвращаться не собиралась. Торвальд тоже появится только завтра, да и то к вечеру. Но когда стемнело, она вдруг задумалась, а где же ей лечь спать?

Оставаться с Бьорном вдвоём в избушке ей было страшно, но и спать на улице тоже не хотелось. И она снова пожалела о том, что так некстати отпустила Торвальда. Посидела какое-то время, глядя на догорающую свечу и слушая лягушачьи трели, а затем задула огонёк и улеглась на лежанку Тильды, поставив рядом кочергу и положив кинжал под подушку. Мало ли, вдруг этому медведю что дурное в голову придёт...

А где-то посреди ночи Бьорн снова начал метаться во сне и кричать, и теперь она отчётливо разобрала слово, которое он произносил ещё в прошлый раз.

Лирия... Лирия...

И теперь стало понятно – он зовёт в бреду какую-то женщину.

Олинн некоторое время лежала в темноте, слушая его тяжёлое дыхание и эти душераздирающие стоны, но поняла, что не сможет больше уснуть. Она сползла с лежанки, зажгла свечу и налила в кружку отвар. Прихватив с собой кочергу, подошла и присела у изголовья, разглядывая лицо Бьорна. Его снова мучила лихорадка, и на лбу выступил пот, и если он продолжит так кричать, то до утра она тут с ума сойдёт.

Странно, что сон-трава его так быстро отпустила, надо в следующий раз положить побольше. Хотя целая кружка этого отвара и коня бы свалила. Однако же...

Олинн дотронулась пальцами до его лба. И правда, жар, да какой сильный! Вот вам и купание в ручье! Вот и расплата за упрямство!

– Выпей, станет легче, – прошептала она и хотела протянуть кружку, но даже взять её не успела.

Бьорн открыл глаза, и Олинн, отшатнувшись, едва не упала назад. В пламени свечи, стоявшей у изголовья, его глаза показались ей совсем светлыми, почти без зрачков, и в них плескалось какое-то безумие. Он смотрел на Олинн невидящим взглядом, и точно не узнал. Вернее... он узнал в ней кого-то совсем другого. Скорее всего, ту самую женщину, которую звал в бреду, потому что потянулся ей навстречу, и его потрескавшиеся губы тронула слабая тень улыбки.

– Лирия... Не уходи...

Он прошептал это хрипло и едва слышно, снова поймал руку Олинн за запястье, притянул к себе и внезапно прижал её ладонь к губам. А потом приложил к своей щеке, закрыл глаза и, снова упав на подушку, затих.

И всё это напугало Олинн так сильно, что она застыла, не шевелясь. Сидела, выпрямившись и замерев, как каменный идол, и ощущая, как в центре её ладони, прижатой к щеке Бьорна, разгорается огонь. Как будто от этого поцелуя под кожей пробудился цветок, и начал медленно разворачиваться лепесток за лепестком, создавая в крови какие-то новые, до сих пор неведомые для неё токи. И эти лепестки впитывали в себя весь жар и лихорадку раненого и растворяли их в крови Олинн, рождая в теле странный огонь.

На какое-то мгновение мир поплыл перед глазами, закружилась голова, и откуда-то изда- лека пришли звуки пожара, те самые, которые она слышала в кошмарном сне, что приснился ей недавно. И кожу обожгло горячее дыхание огненного ветра.

Это было что-то новое, чего она никогда раньше не чувствовала. Настолько реальное и пугающее, что Олинн с усилием выдернула руку, сжала её в кулак, отползла от лежанки и прислонилась спиной к стене. Сердце колотилось, как безумное, дыхание сбилось, и в этот момент она увидела, как её рука светится. Она разжала кулак – от ладони исходило серебристое сияние, а на коже выступил узор в виде той самой звезды, что рассыпалась у неё в руках.

Олинн снова сжала руку в кулак, вскочила и выбежала прочь из избушки. Она бежала в темноте, не разбирая дороги, напрямик к ручью. Упала на мшистый берег и окунула руку в воду. Но сияние уже угасло, как будто его и не было.

– Ох, Лунолика! Что же это такое?! – прошептала Олинн и принялась тереть пучком мха свою ладонь, будто хотела отмыть.

Зачем? Она и сама не знала. Понимала ведь, что вода не может смыть того, что теперь есть в её крови.

Возвращаться назад к Бьорну ей было страшно. Что вообще такое произошло? Этот свет? Эта звезда на её ладони? Что это такое? Во что она впуталась?! Хоть бы Тильда быстрее вер- нулась! Вёльва наверняка сможет всё объяснить! А вдруг этот Бьорн увидит, как светится её рука? О, великие боги! Тогда ей точно несдобровать! Ей не стоит больше к нему прикасаться. Нельзя, чтобы он догадался!

Где-то тревожно завыл волк, ему отозвался второй и затем третий, и этот многоголосый хор пробрал своей тоской до костей. Чего это волкам неймётся? Рано ещё для них. Какая-то птица вспорхнула с ветвей, и в реке заплескалась рыба, и сейчас Олинн показалось, что всё это знаки. Дурные знаки!

Она вернулась в избушку и заперла изнутри дверь на засов. Свеча в плошке догорала, и Бьорн спал тихо. Олинн ещё какое-то время прислушивалась к звукам и разглядывала свою ладонь, но на ней ничего не было. Заснула она, кажется, только к утру, спала тревожно и плохо и встала перед рассветом. Оставила Бьорну отвар и похлёбку, вскочила на лошадь и отправи- лась в замок, твёрдо решив, что в избушку больше возвращаться не будет. А Торвальд и сам дорогу найдёт.

Глава 4.

Весь день она провела в заботах, думая о том, что произошло вчера в избушке: о монахе, о звезде на её руке и том поцелуе, таком странном и волнующем. После полудня Олинн едва не валилась с ног – бессонная ночь давала о себе знать, и тут, как назло, мачеха решила устроить осмотр запасов на зиму и взяла в поход по кладовым всех своих дочерей. И Олинн пришлось ходить за ней с большой связкой ключей, открывая то одну дверь, то другую и выслушивая её недовольство по поводу и без. Петли не смазаны, в углу паутина, пахнет мышами, слишком темно, слишком светло, слишком жарко, слишком сыро, прогнили ступени лестницы... И ей ничего не оставалось, только молча кивать да приседать в поклоне.

Фэда, Люция и Селия бродили следом, делая то же, что и Олинн: соглашались с эйлин Гутхильдой и приседали в поклонах, потому что хозяйка замка была явно не в духе.

– Что это с ней сегодня? – шёпотом спросила Олинн у Фэды, когда мачеха ушла в дальний угол кладовой.

– Какая-то весть от отца пришла. Видимо, плохая. Вот она и недовольна с самого утра. Селию полотенцем отстегала ни за что!

– Что за весть? – Олинн ощутила, как под рёбрами шевельнулось нехорошее предчувствие.

– Не знаю. Мать никогда мне говорит. А брат давно вестей не присылал, но наш стивард шепнул, что всё из-за жары. Дождей всё нет и нет. И туманы придут не скоро в этом году, что-то там такое выпало в предсказаниях на рунах у эрля*, – вздохнула Фэда. – Боюсь, что и свадьбу могут отодвинуть...

– Ты говорила уже с матерью о свадьбе?

– Ой, нет, что ты! – прошептала Фэда, прикладывая ладонь к губам. – Сейчас к ней лучше не подходить, а то отведаешь не то полотенца – кнута! Вот, смотри, что мне подарил Хельд!

Фэда опасливо оглянулась на мать, которая придирчиво осматривала бочки, и, быстро завернув рукав на запястье, показала Олинн браслет. Тонкое переплетение серебра и золота, и, словно незабудки, по нему рассыпаны голубые капли бирюзы. Очень красивый браслет. Искусная работа и дорогая...

А Олинн сразу же вспомнила ту серебряную звезду, что растаяла на её ладони в избушке Тильды. Узоры на браслете и на том украшении были чем-то похожи.

– Какой красивый! – прошептала она, чуть дотронувшись до бирюзовых камней. – Такая тонкая работа! Кто мастер?

– Хельд сказал, что этот браслет его отец привёз с юга. А мастера я не знаю.

У Олинн из всех украшений был только серебряный кулон. Ветка каких-то ягод в овале, и узор из рун по краю. Мягкий металл от времени истёрся, и уже не поймёшь, что там было изображено, да и руны стали почти нечитаемыми. Но, как говорила старая нянька, что в детстве присматривала за ней, с этим кулоном её и привезли в Олруд. А отец однажды, будучи под изрядным хмелем, сказал, что этот кулон принадлежал её матери. Вот поэтому Олинн с ним почти никогда не расставалась. Ещё будучи маленькой, часто забиралась на самую высокую смотровую башню в Олруде и сидела, зажав его в руке и думая о том, кем же была её мать.

– А ты что-то бледная сегодня и еле ноги волочишь? – спросила Фэда, снова пряча браслет.

– Устала просто. Много дел. Твоя мать спуску не даёт с самого утра.

– А Торвальд где? Ты разве без него вернулась?

– Он... задержался, – отмахнулась от сестры Олинн.

– Пошли сегодня ночью к реке, погадаем? – спросила Фэда. – Хочу знать, как скоро будет свадьба!

– Нет, я сегодня... уеду к Тильде.

– Опять?!

– Она... учит меня лечить, – соврала Олинн и почувствовала, как краснеют уши.

Зачем она так сказала? Ведь решила же, что в избушку больше не вернётся! Но вот прошло полдня, и она снова думает о том, как же там Бьорн? Она ведь его бросила. А вдруг что случится? Вдруг ему станет хуже? Переживает за него, вот лягушка глупая!

И более того, сейчас, сказав сестре, что поедет в избушку, она ничуть не соврала, потому что где-то в глубине души уже решила, что так и сделает. Поедет ненадолго. Просто проверит. Мало ли, вдруг ему, и правда, хуже стало или надо чего...

Ох, Лунолика! С чего бы это ей переживать о здоровье медведя?!

Когда эйлин Гутхильда её, наконец, отпустила, Олинн поднялась на одну из смотровых башен замка. Сюда, на самую верхотуру, мог забраться обычно только мальчишка–смотрящий, взрослому воину тут не развернуться. Но для Олинн узкая винтовая лестница никогда не была препятствием. И хотя смотровая площадка была больше похожа на корзину, настолько мала, зато выступала над высокими стенами Олруда далеко вперёд, как нос драккара, украшенный головой крылатого змея. И смотрела эта башня на юг.

Олинн встала на самом краю, глядя в далёкую предвечернюю дымку Эль–Хейма. Повсюду, куда не кинь взгляд, бесконечные болота уходят до горизонта. Где-то там, вдали, за этой дымкой, прячутся горы Ир–нар–Руна, и оттуда в день осеннего равноденствия приходит Бог Олень Великий Охотник и Лунолика Моор–Бар. Оттуда же приходит и беда. Так говорила ей Тильда. Олинн закрыла глаза и втянула ноздрями воздух. Ей бы хоть на капельку побольше чар, чтобы могла она распознать, откуда ли идёт опасность! Что за дурные вести пришли с юга? Ей так тревожно и беспокойно, что она места себе не находит.

Но сегодня Великая Эль была молчалива. Лишь солнце припекало по-особенному сильно, не так, как полагается на последнем издыхании лета.

Олинн начертила руну на камне, как делала всегда, обращаясь к Великой Эль, а потом спустилась и пошла за лошадьё. Долго стояла, поглаживая её по шее, не решаясь оседлать, потому что внутри боролись противоречивые чувства. С одной стороны, она понимала, что не надо ехать в избушку, что это глупость какая-то и наваждение. Но, с другой стороны, её забота о монахе – это божественная воля. Не зря же ворон её к нему привёл. Вот сможет он уйти – она его и отпустит.

И вера в божественную волю пересилила здравый смысл.

К избушке она подъезжала осторожно. Спешилась вдалеке и оставила лошадь за нитсшестом. Мало ли, вдруг придётся убежать? И кинжал на поясе поправила. Подходила медленно, бесшумно, стараясь ступать лишь на мягкий мох, и не сводила глаз с закрытой двери. Было тихо, солнце уже скрылось за ольховой рощицей, и лишь редкие косые лучи пробивались сквозь нижние ветви.

Пока шла, решила, что просто проверит монаха и сразу вернётся назад в замок. Если он очнулся, то она оставит ему еду, скажет, что дальше уж он сам, и уедет. Вдохнула поглубже, успокаивая дыхание, и замерла перед дверью, но даже открыть её не успела, как услышала:

– Входи, не топчись там. Я узнал твои шаги, экономка из Олруда.

Узнал шаги?!

И, может быть, стоило всё-таки убежать, но Олинн подумала, что это будет глупо. Не такая уж она и трусиха... наверное, раз уж явилась сюда. Хотя, надо признать, что войти в избушку она собирается скорее по глупости, а не от храбрости.

Она толкнула дверь, заглянула внутрь и застыла на пороге, сделав вид, что привыкает к темноте комнаты. Монах сидел на лежанке и сегодня выглядел вполне мирно. Олинн выдохнула, осторожно вошла и остановилась, даже немного растерявшись, потому что Бьорн смотрел на неё так, будто это он был хозяином избушки, и с его милостивого разрешения она оказалась

здесь. То, как он сидел, прислонившись к бревенчатой стене затылком, как указал рукой, приглашая её пройти, всё это выглядело так странно, что Олинн подумала: он и Тильду так будет приглашать в её собственный дом?

Хотя... Сейчас, когда она его рассмотрела получше, то подумала, что эта избушка ему под стать. Он такой же косматый и бородатый, как лесной человек Яг Морт. Рубаха Торвальда на нём едва сходится, сразу понятно – с чужого плеча. Из рукавов торчат запястья, и штаны коротковаты, не закрывают даже голые щиколотки.

Бьорн сидел босой, скрестив ноги, и на плечи натянул свой тесный страшный кожушок. Ни дать ни взять медведь! Да ещё торквес этот, как ошейник...

С одной стороны, выглядел он, конечно, смешно, но смеяться над ним Олинн и в голову бы не пришло, уж больно свирепым показался его взгляд.

– Вижу, тебе уже лучше, – произнесла она, и голос слегка сбился на хриплые ноты, – это хорошо. Вот, я принесла немного еды тебе в дорогу.

Олинн опустила котомку на лавку возле очага и принялась спешно разбирать свою поклажу, стараясь не смотреть на Бьорна, но даже спиной чувствуя, как он за ней наблюдает.

– Ты меня гонишь? – спросил он негромко. – Отчего так? Надоед? Вошла – даже не поприветствовала...

– Н–нет, я не гоню, – пробормотала Олинн растерянно и стала торопливо оправдываться: – Просто... это же не мой дом. И ты... то есть мы, здесь без разрешения хозяйки. Тильда ушла за травами. А ты был в беспамятстве и ранен. И я подумала, что ты не выдержишь дороги до замка, поэтому мы с Торвальдом принесли тебя сюда. Но, Тильда – вёльва, а ты монах...

Она обернулась и развела руками.

– ...сам понимаешь. Тут тебе не место. Такие, как ты, убивают таких, как мы. И, да, доброго тебе дня.

– Таких, как вы? Но ты же не вёльва, – Бьорн прищурился. – И тебе доброго дня, Лин –н–на из Олруда.

– Нет, я не вёльва. Но вашим-то и не больно много нужно, чтобы отправить кого-то на костёр, – ответила она и снова отвернулась.

То, как он произнёс её имя, будто пальцы нежно коснулись струн тальхарпы, рождая мелодичный звук... Говор у него мягкий, южный, и, наверное, поэтому её имя так красиво звучит из его уст. Красиво и волнующе.

– Где вы меня нашли? – спросил Бьорн, не став углубляться в разговор о кострах.

– Недалеко отсюда, у Гремучего камня. Было похоже, что ты со скалы упал и головой ударился. Мы думали, ты умер, и Торвальд хотел тебя в болото сбросить. Скажи спасибо, что я не позволила.

– Ждёшь благодарности? – голос Бьорна стал ниже.

Олинн глянула через плечо и усмехнулась.

– Да уж какой благодарностью можно разжиться у монаха! Отпущением грехов, или как там вы это называете?

– И то правда, в награду у меня ничего с собой нет, или... – Бьорн прищурился. – А при мне ничего не было? Как ты вообще поняла, что я монах?

– Э–э–м... Был мешочек для сбора милостыни, и в нём три медяка. Да вон он лежит у печи, – махнула Олинн, отвернулась и загремела котелками. – Всё в целости. И на тебе была ряса, очень старая и ветхая, и ещё эти шрамы по всему телу... Торвальд сказал, что монахи так себя хлещут – усмиряют плоть.

– Хм... Но если я монах, то где же мой хольмгрег? – спросил Бьорн, и у Олинн даже мурашки по спине побежали.

Ну вот и началось! Эх, лягушка она глупая! Надо было его назад повесить ему на шею! Что же она его в горшок-то сунула! А теперь он точно догадается! Ох, догадается!

Она вдохнула и, нарочито громко двигая котелки, ответила, стараясь сделать так, чтобы голос не дрожал:

– Хольмгрег? Не знаю... Не видела я его. Может, за кусты зацепился, пока ты падал? А может, и не было его. Разве он у всех монахов должен быть? Я в монахах не разбираюсь.

– Э–м–м. Ну да... Может, и не было. Расскажи об этом месте, – произнёс Бьорн, резко оборвав разговор и не став дальше выпытывать у неё подробности.

И не просто попросил, а будто распорядился. Он вообще говорил отрывисто, точно приказывал ей, как служанке.

– Что рассказать? – Олинн снова оглянулась через плечо.

– Что тут у вас в Олруде? Жить-то можно? Может, я тут и останусь...

– Останешься? – Она удивилась и даже обернулась, глядя на Бьорна и вытирая руки куском полотна. – Зачем?

– А куда мне идти? – спросил он, скользнул по Олинн тяжёлым взглядом и будто усмехнулся. – Я ведь не помню ничего.

– Ну... я не знаю, – ответила Олинн растерянно.

– Вот и я не знаю... Но ты же не бросишь меня тут, раз уж спасла? – и в этом вопросе ей почудился какой-то странный намёк или, может быть, снова насмешка?

– Не брошу... наверное, – ответила она, пожав плечом.

И подумала, а правда, куда же ему теперь податься? Ведь он даже имени своего не знает! А если он не помнит, кто он и откуда, если не знает этих болот, куда ему пойти? На юг? Пойдёт сам на юг, заблудится и утонет. А через Перешеек ему нельзя, хирдманы отца его поймают и убьют. Но привести его в Олруд? Торвальд сказал, отец его повесит. А после сегодняшнего утра, когда мрачная Гутхильда устроила ей осмотр всех кладовых, нетрудно догадаться, что вести с Перешейка плохие, и понятно, что отец вряд ли приедет в благожелательном настроении. А когда он зол, то скор на расправу. Никого не пожалеет, даже родных. И ей кнута достанется за такое. И если узнает, что Бьорн монах, то враз прикажет его повесить, а то ещё и не сразу повесит, а бросит на потеху своим хирдманам. Посадят его на цепь, как собаку, и будут избивать каждый день да драться ним, пока не убьют совсем.

Олинн вспомнила, как в прошлый раз люди отца притащили пленников. Тех, что покрепче, угнали на самый север, на продажу в рабство. На кораблях всегда нужны гребцы. А одного, особо строптивного, оставили. Отец даже денег своих за него не пожалел – выкупил, а потом на цепь посадил, в назидание остальным. Так он и сидел на площади на потеху всем желающим. Но больше недели не протянул.

И она не желала никому такой судьбы.

Может, Бьорна в помощь кузнецу отправить? Пусть поживёт у Ликора, поможет ему в кузнице. Сейчас в Олруде много дел, а такой сильный помощник будет как нельзя кстати. А легенду ему она какую–нибудь придумает. Вот только Торвальд может проболтаться...

Олинн налила отвар, подошла осторожно, держа одну руку ближе к поясу, на котором прятался маленький кинжал, и протянула кружку. Но Бьорн в этот раз не схватил её за запястье, как она ожидала, а только посмотрел, как она держится за кинжал, и спросил, беря кружку:

– Чем ты вчера меня опоила?

– Опоила? – опасно спросила Олинн и сделала шаг назад. – Ничем. Сон-травы тебе добавила, чтобы ты в лихорадке не метался, а спал.

– Крепко же я спал, – усмехнулся он криво, одним уголком губ, так, чтобы не тревожить раненую щёку. – А сейчас тоже подмешала?

Он впился в неё взглядом, этой колдовской светлой зеленью из-под чёрных бровей, так, что у Олинн сердце в пятки ушло. И она не смогла соврать.

– Немного... Меньше, чем вчера, – пробормотала она, отступая. – Чтобы быстрее всё заживало. Во сне всё быстрее проходит.

– Ладно, ладно! Не бойся. Я тебя не трону. Лин–н–на, – он отпил из кружки, продолжая рассматривать её исподлобья.

– А я тебя и не боюсь, – ответила она, собрав в кулак всю свою храбрость.

На это Бьорн лишь прищурился, и произнёс спокойно:

– Расскажи мне про Олруд, про то, кто здесь живёт. Что это вообще за место?

Она отошла к очагу, опустила на лавку, на всякий случай поближе к кочерге, и подумала, что вот это уж точно глупо, рассказывать ему о жизни в Олруде. Не настолько он болен, чтобы она его развлекала, но... Она представила, как это – ничего о себе не помнить? И то самое сочувствие, которое так мешало ей жить, и в этот раз сыграло с ней злую шутку, заставив уступить его просьбе.

Олинн начала свой рассказ неспешно, но потом увлеклась и не заметила, как долго говорила. Бьорн иногда задавал вопросы и даже отвар её допил, и, надеясь, что он скоро уснёт, она продолжала говорить обо всём подряд. Попутно разожгла очаг, разогрела еду и налила ему похлёбки. Он съел всё и даже скупой поблагодарил. А когда Олинн посмотрела в окно, то там была уже полная темнота.

– Ох, я тут с тобой заболталась! А мне в замок пора, – всплеснула она руками, спохватившись.

– В замок? – спросил Бьорн с сомнением. – Ночью? Ты что, хочешь упасть с лошади и утонуть в болоте? Оставайся до утра. Места здесь хватит.

От этого внезапного предложения Олинн смутилась и почувствовала, как даже уши у неё покраснели.

Пока Бьорн был в беспамятстве, оставаться с ним в избушке ей казалось совершенно нормальным. Но теперь, когда он пришёл в себя, это выглядело совсем иначе. Она незамужняя девица, а он всё-таки мужчина. И не всё-таки, а самый что ни на есть, пусть и больной. Да и не такой уж и больной, вполне себе в сознании. И если бы он выглядел как-то... иначе...

Именно то, как он выглядел, смущало Олинн и пугало больше всего. Его огромные руки, и этот взгляд, и воспоминания о том поцелуе, которым он прижался к её ладони прошлой ночью. Пожалуй, даже именно этот поцелуй, ощущение его губ на коже, тот жар в крови, и то женское имя, которое он произносил с такой тоской, заставляли Олинн смущаться. То, что он шептал вчера, приняв её за какую-то другую женщину, почему-то не отпускало, заставляло воспоминания возвращать те ощущения и будоражило кровь. Никогда она не слышала от мужчин такой страсти в голосе, такого иступления. И сейчас, даже в этих коротких штанах, босиком и в свалывшемся колушке, Бьорн всё равно выглядел очень... опасным? Да... Было в его взгляде что-то, пугавшее Олинн до дрожи в пальцах. Но было и ещё что-то, не дававшее просто так встать и уйти.

И внутри, словно огромный вихрь, кружились обрывки предчувствий. Мелькали, словно тени, заставляя прислушиваться и смотреть на этого косматого незнакомца, разглядывать его исподтишка и пытаться понять, что же ей хочет сказать Великая Эль? Зачем он здесь? И кто он? Зачем судьба свела её с ним?

Но, как Олинн ни старалась, она не могла удержать ни одно из этих предчувствий и не могла понять, в чём же кроется опасность.

– Упасть с лошади? Скажешь тоже! С чего бы мне падать с лошади? – ответила она с вызовом, пряча за насмешкой всё своё смущение и страх. – Я эти болота знаю, как свои пять пальцев!

– А волки? Не боишься волков, храбрая пичужка?

– Волки меня не тронут!

– Это, смотря какие волки, – произнёс Бьорн как-то двусмысленно. – Но дело твоё, не думал, что ты так сильно меня боишься.

– Да не боюсь я тебя! Просто...

– А то могли бы завтра вместе в Олруд пойти, я же дороги не знаю, – он отвёл взгляд, взял свой башмак, что валялся возле лежанки, и стал внимательно его осматривать.

Ехать ночью по болотам, конечно, было не самым приятным занятием. Но и остаться здесь тоже не лучший вариант... А завтра должен вернуться Торвальд... Будет потом смотреть на неё косо, когда узнает, что больной не такой уж и больной и расхаживал тут по ручью голышом! А Бьорн--то уж точно не смолчит, скажет что-нибудь этакое! Вон как над ней подсмеивается!

– Пойду лошадь проверю, – буркнула Олинн уклончиво и вышла наружу.

Ночь была тёмная. Сребролуние уже близко, так что луна встанет поздно, где-то за полночь. А сейчас было так темно, хоть глаз коли. И тихо...

Олинн только сейчас поняла, что тишина стоит какая-то особенная, тяжёлая. Не слышно разноголосых марейнских лягушек, и филин молчит. Нет ветра и шелеста листьев, и даже рыба в реке не плещется. Лишь вода журчит, перекатываясь по камням. Воздух застыл, как перед грозой, только небо сейчас было ясным и усыпанным тысячами звёзд.

Холодок пробежал по спине, а следом нехорошее предчувствие подкатило к горлу и зашипало в носу, будто заставляло вернуться. Но Олинн взяла палку и фонарь со свечой и пошла туда, где оставила лошадь, думая по дороге, что же ей делать: уехать или остаться?

Первый утробный вой она услышала, когда огибала большие камни, что отделяли подворье вёльвы от речушки.

Волк...

Где-то совсем близко и воет так надрывно, страшно. До мурашек по коже...

Странно это, в такую пору, как конец лета, волки должны быть ещё далеко на севере, а не здесь у болот.

Олинн остановилась и замерла, вслушиваясь в протяжное завывание, которое топи вернули утробным многоголосым эхом, каким иногда откликаются великие болота Эль. Она подняла фонарь повыше, сама не зная, зачем, будто хотела что-то разглядеть в этой густой черничной тьме. Но скудный свет свечи, размазанный слюдяными стеклышками, лишь вырвал из темноты ольховую ветвь перед глазами.

Вслед за жутким воем послышалось испуганное ржание лошади. Олинн заторопилась, понимая, что если волки близко, то наверняка напугают её Ивку. И, словно в подтверждение её мыслей, за первым протяжным воем послышался второй, он прозвучал гораздо ближе и показался даже более зловещим. Точно не волк воет, а какой-то более могучий зверь. Из темноты донеслось истошное лошадиное ржание, и, не помня себя, Олинн бросилась вперёд. Но лишь успела увидеть, как Ивка взвилась на дыбы прямо перед ней и сорвалась куда-то, не разбирая дороги.

– Ивка! Ивка! Стой! Да стой же ты! – Олинн кричала ей вслед, но это было бесполезно.

Испуганное животное скрылось в темноте, и, точно преследуя его, голос подал третий волк, а за ним четвёртый и пятый, и ничего похожего раньше Олинн слышать не приходилось. Она застыла на мгновение, вслушиваясь в этот зловещий хор и понимая, что её Ивка, скорее всего, сгинула без следа. И, осознав, что если она будет стоять тут, как каменный идол, то попадёт прямиком в лапы жутких чудовищ, Олинн без оглядки бросилась обратно в избушку. Отшвырнула палку и фонарь и бежала изо всех сил, а волчий вой всё нарастал, перекликаясь в темноте и сужая кольцо где-то там, вокруг невидимой жертвы.

Но едва завернув за камни, Олинн со всего размаху налетела на Бьорна и врезалась ему в грудь, будто ударились о скалу. От неожиданности и страха она заверещала, как пойманная белка.

– Т–с–с! – зашипел он, сгрёб её одной рукой, прижал к себе и потащил в избушку с силой, которую она никак не ожидала от его израненного тела.

– Пусти меня! Пусти! – от испуга Олинн вцепилась зубами ему в руку, и когда они были уже на пороге, кажется, прокусила её, до крови.

Бьорн ругнулся на каком-то неизвестном наречии и, шагнув внутрь, зацепился ногой за выступающую половицу, и они вместе рухнули прямо на пол. Олинн преобольно ударилась локтем, но успела вскочить, отбежать к стене и схватить кочергу. И только потом увидела, как Бьорн, держась за бок, почти на четвереньках бросился к двери, запер её изнутри на засов и, прислонившись к ней спиной, медленно сполз на пол.

– Ты меня укусила! – пробормотал он, разглядывая руку.

– Зачем ты пошёл за мной?! – воскликнула Олинн. – Ты напугал меня до жути!

– Я услышал волков... Подумал, помощь тебе не помешает, – он вытер тыльной стороной ладони капли пота со лба и мрачно посмотрел на Олинн.

– Помощь?! – воскликнула она, растерявшись. – С твоими-то ранами, ты сам на ногах еле стоишь! Помощник!

Первый страх отступил, и она поняла, как же глупо всё выглядит! Она и правда сильно испугалась, и в самом деле его укусила. И... Ох, Лунолика! Бедная, бедная Ивка!

– Ты же сказала, что не боишься волков, – в голосе Бьорна слышалась насмешка. – И в замок хотела ехать посреди ночи.

– И не боюсь я волков! – воскликнула Олинн и принялась вглядываться в маленькое оконце, забранное тонкой пластинкой слюды. – Но это... Я не знаю, что это был за вой, но он не совсем похож на волчий... Да и волки сейчас должны быть далеко на севере!

Но сквозь слюду была видна лишь мутная темнота, в окошко и днём мало что различишь, а уж безлунной ночью!

– Ты сказал... Ты сказал: «Это смотря какие волки»... Что это значило? – Олинн обернулась и посмотрела на Бьорна. – Ты знаешь, кто это так воет?

Бьорн, цепляясь за бревенчатую стену, медленно поднялся и пробормотал, отбрасывая назад волосы:

– Сам не знаю, почему сказал. Просто в памяти всплыло. Я вспоминаю какие-то слова и просто их говорю. Не знаю, что они значат.

Он доковылял до лежанки и устало на неё опустил. А потом спросил как ни в чём не бывало:

– Теперь-то ты останешься, я надеюсь?

Олинн почти упала на лавку без сил и положила рядом кочергу. И сразу подумала: как там Торвальд? Но он бывалый вояка и не поедет ночью по болотам, раз днём не вернулся, так что не стоит переживать. А вот Тильда? За старую вёльву она теперь беспокоилась всё больше и больше. И так уже, сколько дней её нет? И, пожалуй, этот монах прав – сегодня ей стоит остаться здесь. Бедная Ивка!

– Останусь, – ответила она, немного помолчав. – Но у меня тут кинжал и кочерга, не вздумай что-нибудь... В общем, ты понял.

– Я хоть и в беспамятстве, но вроде в своём уме, – ответил Бьорн, явно над ней насмехаясь. – Не бойся, я тебя не трону, сказал же. И не благодари.

– За что благодарить-то? – Олинн бросила на него короткий взгляд.

– За то, что ты сейчас здесь, а не в волчьих лапах.

– А-а. Ну и ты не благодари, – фыркнула Олинн в ответ.

– За что? – спросил Бьорн в пику ей.

– За то, что ты здесь, а не на дне болота.

Она задула свечу и примостилась на краю лежанки Тильды в другом конце комнаты, положив кинжал под подушку, а кочергу – вдоль тела. Лежала, едва дыша и пытаясь услышать какие-нибудь звуки снаружи.

Может, эти звери, сожрав несчастную Ивку, не пойдут к избушке? Ох, Лунолика! Охрани её от всякого зла!

Некоторое время в комнате висела тяжёлая тишина, а потом Бьорн произнёс всё с той же повелительной интонацией в голосе:

– Расскажи что-нибудь.

Олинн помолчала некоторое время, думая о том, что делать завтра? Видно чем-то она прогневала богов, раз они повесили ей на шею этот камень в виде беспамятного монаха. Она вздохнула, глядя в темноту, а потом ответила медленно и тихо:

– Завтра я пойду в замок, поговорю с нашим кузнецом. Если я попрошу, он возьмёт тебя к себе в помощники. Поработаешь и поживёшь при кузнице, пока не вспомнишь, кто ты. Только если Ярл Олруд узнает, что ты монах с юга, он велит посадить тебя на цепь на замковой площади на потеху своим хирдманам. Тебя будут дразнить, бить, тыкать палками, а дети швырять камнями и грязью. А потом кто-нибудь тебя убьёт в потешном бою, где тебя вооружат палкой, а твой противник выйдет с настоящим топором. Или тебя просто повесят на воротной балке в первый же день, в назидание южанам и королю. Ярл Олруд... очень суровый человек. Он не знает ни пощады, ни жалости. Он жесток даже со своими, так что лучше бы тебе придумать какую-нибудь легенду, в которой ты или не монах, или ненавидишь монахов и южан, и будешь полезен в Олруде. Раз ты не помнишь, кто ты, то и веру в вашего бога ты ведь тоже не помнишь. Надеюсь, это тебе поможет. Завтра придёт Торвальд, ты должен рассказать ему, кто ты. Он хотел отвести тебя в замок и допросить, едва ты очнёшься. Так что придумай себе имя и прошлое, за которое тебя не захотят убить в первый же день.

В ответ она услышала, что-то похожее на короткий смешок.

– Я понял тебя, Лин-н-на из Олруда. А ты мудра не по годам.

В ответ Олинн промолчала. Была бы она мудрой, не ночевала бы здесь с кочергой в обнимку.

Глава 5.

Проснувшись Олинн ранним утром, ещё до рассвета, когда небо на востоке только подёрнулось алым. Спала она плохо, всю ночь снились кошмары про горящую под ногами землю, по которой бегут чудовищные волки. И едва она открыла глаза, как сразу же ощутила беспокойство. Оно крутилось в голове клубком, сжималось под рёбрами, мешая дышать, и гнало куда-то. Олинн нащупала пальцами кочергу и сразу же посмотрела на Бьорна. Он крепко спал и, видимо, этой ночью не кричал, или она ничего не слышала? Во рту было горько, а грудь сдавливало ощущение беды. И в голове сразу всплыли воспоминания о вчерашнем жутком вое и об Ивке.

Олинн встала, отодвинула засов и, прихватив кочергу, осторожно прокралась наружу. Утро было тихим и ясным. Над каменной грядой разгоралась жемчужно-розовая полоса рассвета, журчала вода, перекатываясь по камням, и в кустах посвистывала утренняя птичка-зарянка. Но сегодня воздух казался уже каким-то по-осеннему прозрачным и прохладным. Олинн прислушалась – вокруг никого, отбросила кочергу и положила ладони на ствол большой берёзы, растущей у входа в избушку. Пальцы ощутили слабое движение сока под корой, тяжесть листьев, готовящихся к тому, чтобы вскоре упасть на землю, и нити корней, что разбегались во все стороны, дотянувшись до самой речки.

И тревогу...

Она, словно тонкие нити грибницы, расползлась под землёй, от корня к корню, от цветка к цветку, охватывая всё вокруг дрожащей паутиной плохого предчувствия. Олинн подняла кочергу и направилась туда, где вчера в последний раз видела несчастную Ивку. На мягкой земле остались следы лошадиных копыт и вырванный мох, но больше ничего. Никаких других следов...

Олинн несколько раз позвала Ивку, но без всякой надежды на то, чтобы услышать в ответ её весёлое ржание. Ивки больше нет. Это было и так понятно.

Она несколько раз глубоко вдохнула, чтобы отогнать непрошенные слёзы, и вернулась в избушку, нарочито громко хлопнув дверью, отчего Бьорн сразу же проснулся. А может, он и не спал вовсе.

– Мне надо идти в замок. И как можно скорее.

– Что случилось? – пробормотал он спросонья, усаживаясь на лежанке.

– Не знаю. Но что-то случилось, – только и ответила Олинн, беря в руки котомку.

Надо быстрее рассказать стиварду о странных волках. А без лошади ей до замка идти полдня!

– Я с тобой, – Бьорн поднялся и попытался пригладить пятернёй всклокоченные волосы.

– Нет. Я пойду одна. Так быстрее. А вечером вернусь за тобой с лошадьми.

– И ты не боишься идти одна, пичужка? – спросил Бьорн, внимательно вглядываясь в её лицо. – Я не буду обузой, мне уже лучше. И я... кое-что вспомнил о себе.

Олинн подумала про вчерашний вой, и мысль идти в замок вместе с Бьорном показалась ей не такой уж глупой.

– Ладно. Пойдём вместе. Но если будешь отставать – оставлю тебя на болоте, – произнесла она строго, взяла котомку и шагнула за порог.

Почему-то ей было неловко оттого, что она идёт на эту уступку. И сама не могла понять, что её так сильно смущает в этом. То ли то, что она не дождалась Торвальда, то ли это путешествие вдвоём с Бьорном.

Когда он вышел из избушки, она подняла толстую палку и протянула ему со словами:

– Возьми, так будет легче идти.

Он не возражал. Лишь посмотрел угрюмо из-под насупленных бровей, но палку взял и пошёл следом за ней. Олинн кинула быстрый взгляд на своего спутника и подумала: до чего же ужасно он выглядит! Косматый и небритый, в стоптанных башмаках, да ещё и с этим сучковатым посохом! Ни дать ни взять Яг Морт – лесной человек, которым няньки в замке пугают беспокойных детей.

– Так что ты вспомнил о себе? – спросила Олинн, когда избушка Тильды скрылась за ольховником. – Может быть, имя? Как тебя зовут на самом деле?

– Э–э–м... Игвар, – помедлив, ответил Бьорн, и Олинн подумала, что он и сам будто сомневается в этом. – Я родом из Хагфорса, что на востоке.

Хагфорс? Это где-то очень далеко, за Перешейком, за болотами, и действительно на востоке... Где-то на берегу моря. Это название Олинн слышала от тех, кто ходил в пролив Арф на драккарах. Значит, он и правда южанин.

– И как же ты стал монахом, Игвар? – Олинн произнесла его имя вслух.

Звучит красиво. И даже подходит ему, как ни странно.

– Я был рабом на корабле у людей с Солёных островов, – ответил Бьорн-Игвар задумчиво. – Потом пришёл король Гидеон. Тем, кто согласился принять веру в истинного бога, он даровал свободу. Все, конечно, согласились, дураков нет. Изображать веру нетрудно. Если хочешь выжить, то и землю станешь есть. А уж во что ты веришь на самом деле... Потом можно сбежать. Все так думали. Но тех, кто бежал неудачно и дал себя поймать, король повесил. А остальных... Нас согнали в Льеборг и заставили строить крепость: лес рубить, таскать брёвна. Я сбежал, как только подвернулся случай. Но что было дальше – я не помню.

Рассказ Игвара был похож на правду. Этим объяснялись и старые шрамы на его спине, и следы от кандалов, и торквесс, и хольмгрег, который она сняла с его шеи. Не было ответов только на два вопроса: что за серебряную звезду он прятал на груди и как оказался на этой стороне болот. А ещё, Олинн подумала, что если бы его рассказ не был правдой, то именно такую легенду ему и стоило бы придумать. Но даже если он и придумал часть своей легенды, она всё равно прониклась к нему сочувствием. Такое не придумаешь, если сам не видел.

Она взобралась на каменную гряду, остановилась и обернулась.

– И ты больше совсем ничего не помнишь? Как-то ты же сюда попал? – спросила она, глядя на него сверху вниз. – Пройти через эти топи, не зная бродов и троп, не под силу обычному человеку.

Она не просто смотрела на него – разглядывала. Здесь, на вершине гряды, было солнечно, и Олинн могла спокойно рассмотреть Игвара при свете дня. Она видела его, конечно, тогда, когда он полез купаться в ручей, ну и ещё, когда они с Торвальдом нашли его в зарослях жимолости и багульника. Но тогда он был едва жив, а теперь...

Теперь она смотрела, как при движении бугрятся мышцы под его кожей, и тесная рубашка Торвальда того и гляди лопнет на плечах. И, несмотря на его раны, на то, что он столько дней пролежал в бреду, он всё равно с лёгкостью поднимался по камням, поросшим мхом и лишайником.

Игвар...

Он поднял голову, остановился, опираясь на палку, и посмотрел на Олинн, и зелень его глаз показалась ей сейчас такой яркой, будто в ней отразились сама великая Эль.

– Я бы и сам хотел знать, как я сюда попал, – ответил Игвар, переведя взгляд на раскинувшиеся вокруг бесконечные топи, окрашенные в розовые краски отцветающей плакун-травой, и прищурился, глядя на юг. – Но возвращаться назад мне незачем, так что я могу остаться в Олруде и помочь твоему кузнецу, Лин-н-на. Или плотнику. Я умею строгать. И топором владею... Ну... или могу тебе помочь, если хочешь.

Он снова посмотрел на Олинн и едва заметно усмехнулся, одним уголком рта, чтобы не тревожить заживающую рану на щеке. А Олинн показалось, что даже мох у неё под ногами стал

горячим, такой волной её окатило от этих, в общем-то, обычных слов. И, как всегда бывало в таких случаях, от смущения у неё запылали уши, и, торопливо отвернувшись, она бросила резко:

– Ну всё! Отдохнули, и хватит, ещё вон сколько шагать! А меня в замке хватятся, и влетит потом от эйлин Гутхильды!

И заторопилась, надеясь, что Игвар отстанет. Но он шёл молча и не отставал, и ей вскоре стало стыдно, что она заставляет раненого бежать. Олинн постепенно сбавила шаг, и, как только дорога пошла под гору, её спутник сам начал задавать вопросы.

– А почему ты вдруг решила заступиться за меня? Зачем предупредила насчёт ярла Олруда? Ты же меня совсем не знаешь. А если бы я, и правда, оказался настоящим монахом? Или беглым разбойником?

– А ты беглый разбойник? – спросила Олинн ему в тон и глянула через плечо.

– А если бы был? – слышно было, как Игвар произнёс это с усмешкой. – Но ты мне доверяешь. Почему?

– Не доверяю я тебе, даже не думай. Но если ты о том, что я рассказала, как ярл Олруд посадит тебя в кандалы на площади, так ведь посадит. А мне противны убийства и пытки, – твёрдо произнесла Олинн. – Хотя вы поступаете с нами точно так же.

– Как и вы. Но ты осуждаешь ярла... Ты как-то не сильно не похожа на северянку. Ведь грабежи и убийства у ольхов в крови.

– Ну, может, потому что я всего лишь наполовину северянка, – ответила Олинн, – я полукровка, моя мать из вьёлей. Из болотного народа, вот потому я и не совсем похожа.

– Из вьёлей? Хм, интересно... Но ты права... Король Гидеон тоже не отличается милостью к пленным, если они отказываются менять веру. Скажи, а Олруд – большой замок?

– Да, большой. Сам увидишь. Почти самый большой в Илла–Марейне. Больше него только Эгельстайн, да и то, потому что он принадлежит риг-ярлу*, и мы отдаём туда десятину со всей торговли и добычи. Но скоро ярл Олруди сам станет риг-ярлом.

– Почему?

– Ну, потому что Римонд Олруд – это Белый Волк, – ответила она с горькой усмешкой. – Самый беспощадный зверь на этих болотах. Он жесток, мстителен и никогда не прощает своих врагов. Он сделан из железа и соли. Такие и становятся риг-ярлами. Если он чего-то хочет – он это получает, а он хочет занять Серебряный трон Севера. И если для этого понадобится отдать свой палец или руку, он отдаст. Для него нет ничего дорогого в жизни, кроме собственных побед. Он собрал самый большой фирд, чтобы победить короля Гидеона. И говорят, что такого не удавалось до него никому.

– Ты говоришь так, будто тебе есть, за что его не любить. Он тебя бьёт? – спросил Игвар с какой-то странной нотой в голосе, будто разозлился.

– Бьёт? Ну, нет! Я же экономка. А ещё я умею читать, считать и писать, – рассмеялась Олинн, – я ценное имущество. К тому же, я ростом мала и бегаю быстро – меня не так легко поймать. В общем, пока от меня есть польза в замке, пока я нужна ярлу Олруду, за свою жизнь мне можно не опасаться. А вот ты на глаза ему не попадайся, если дорога голова.

– Сделан из железа и соли, говоришь? – переспросил Игвар насмешливо, будто усомнился. – Неужто у него совсем нет ничего, чем он дорожит?

– Н-у-у... – Олинн на мгновение задумалась, – наверное, Олрудом. Он гордится замком – это его наследие, имя рода, запечатлённое в камне. А ещё Харальдом. Это его сын. Старший и единственный. Будущий риг-ярл, скорее всего.

– А что думает об этом настоящий риг-ярл?

– Риг-ярл Освальд уже давно бы всадил ярлу Римонду топор в голову, да только у Белого Волка много воинов, и замок неприступен. А ещё его поддерживает ярл Бодвар с того берега Эшмола. Они вместе ходят в походы и делят добычу. Так что риг-ярл всё это терпит и молча

берёт нашу десятину. И ждёт, пока его средний сын вырастет, чтобы сразаться с Олрудом. Ну это... так наш стивард говорит.

– А ты, значит, слушаешь и запоминаешь, что говорит стивард? – хмыкнул Игвар.

– Боги не дали мне ни силы, ни топора, ни когтей, – рассмеялась Олинн, – но даже зайцу боги дали длинные уши и длинные ноги, чтобы защищаться. И если слушать внимательно и бегать быстро, то можно жить и рядом с Белым Волком.

Она услышала позади себя не то смешок, не то фырканье, видимо, её шутка повеселила Игвара.

– А ты видел короля Гидеона? Какой он? – спросила Олинн, перепрыгивая через ручеёк. – У нас говорят, что он тощий, мрачный и угрюмый, что сидит над книгами, точно ворон над добычей, и молится по двадцать раз на дню. Правда ли, что его снедает чахлая хворь?

– Не-е-т, не чахлая хворь... Его снедает кое-что другое, – произнёс Игвар как-то странно, будто сожалея.

– И что же? – Олинн обернулась.

– Кто бы знал, – уклончиво ответил её спутник, легко перешагнув через широкий ручей. – Расскажи ещё о Белом Волке.

– Зачем? – спросила Олинн, удивившись тому, как легко её путнику даётся их путешествие.

– Чтобы я знал, чего ещё опасаться.

– Просто сиди в кузнице, усердно работай, не броди по замку и никому не попадайся на глаза. А главное – держи язык за зубами и больше слушай, чем говори. Ну и будь благодарен за хлеб и крышу над головой. И тогда тебе нечего будет опасаться. А ярла Римонда в замке сейчас нет, он на Перешейке, как и его воины. В замке осталась только стража крепости. Так что его опасаться тебе точно не стоит.

– Слушаюсь, мудрая Олинн! – хмыкнул Игвар и снова спросил: – А что, сын ярла тоже с ним на Перешейке? Кто же тогда в замке за старшего?

– Так эйлин Гутхильда – жена ярла. А вот её тебе, как раз, стоит опасаться...

И снова как-то незаметно Олинн стала рассказывать о жизни в замке. Игвар умел задавать вопросы так, что она снова и снова начинала говорить, хотя и не собиралась особо его развлекать. Единственное, о чём Олинн умолчала, что ярл Римонд её настоящий отец. Говорила, что у неё есть сёстры, но кто они, Игвар не спрашивал. Не знала, почему так, но ей было стыдно совершенно незнакомому человеку рассказывать о жестокости Белого Волка, и особенно о том, что он её отец. Шрамы и следы от колодок на ногах Игвара заставляли её сочувствовать тому, что он был в рабстве. А ярл Римонд имел много рабов и был жесток с ними.

Но Игвара больше интересовала замковая жизнь, чем её собственная: сколько людей в крепости, сколько рабов, как платят ремесленникам. И она рассказывала ему до тех пор, пока они не вышли на один из пригорков и не увидели возвышающийся на скале замок.

– Ну, вот и Олруд.

**Риг-ярл* – старший ярл. Риг-ярл являлся наивысшим титулом правящей элиты до появления национальных государств. В определённый период истории Швеции, термин означал «верховного ярла», далее трансформировался в конунга и короля.

Глава 6.

Замок встретил их небывалым оживлением. Во дворе сустились люди, и, войдя в ворота, Олинн сразу же увидела новых лошадей у коновязи, те ещё остыть не успели от бешеной скачки, и конюшие метались, рассёдывая их.

– Ярл Олруд вернулся! – на бегу ответил один из дворовых на вопрос Олинн, что за шум.

Она велела Игвару подождать её возле конюшен, а сама быстро взбежала вверх по лестнице. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять – отец вернулся неспроста. И явно с плохими новостями.

Большие двустворчатые двери, ведущие в Медовый зал*, были заперты – отец велел собрать малый тинг*, на который посторонним входить запрещалось. Но даже в коридоре были слышны крики и стук кубков о деревянный стол, доносившиеся оттуда.

– Что случилось? – спросила Олинн у хирдмана Свена, которого оставили у дверей охраной.

– Плохо дело, эйда Олинн. Клятый Гидеон! – бросил тот сквозь зубы и положил руку на рукоять топора, торчавшего за поясом.

– Что Гидеон? Скажи, что случилось?

– Обманул нас этот святоша! Не думали мы, что «божий человек» притащит на Перешеек колдунов! – Свен сплюнул. – Прорвались они через Чёрный порог и разбили нас. Пришлось отступать до Красного порога... Ярл Бодвар и его старший сын – пали...

– Как пали?! – в ужасе воскликнула Олинн, прижимая ладонь к губам.

Сразу вспомнилось счастливое лицо Фэды, которая ещё несколько дней назад спокойно собиралась замуж за Хельда Бодвара, но теперь? Теперь он станет главой замка, возглавит войско и отправится на Перешеек. И кто сейчас станет думать о свадьбе?

– Сколько дней мы храбро бились, эйда Олинн! И много наших ушло в Тёмные чертоги! Но Гидеон привёл сильных колдунов... Я сам видел женщину с красными волосами и глазами чёрными, как тьма Нидельхайма*. Я видел и Грира – их безумного командора, который будто сам вышел из пасти Нидхёгга! Его не берут мечи и стрелы! В день, когда пал Чёрный порог, их ведьма пустила огонь... Я сам видел, как горит вода!

– Но... как же?! Король Гидеон и колдуны?! Он же божий человек! Он же сам жёг колдунов, как же так?! – воскликнула Олинн, ощущая, как тяжёлое предчувствие беды наваливается, обволакивая её, словно туманом. – Скажи... Мы выстоим?

Это она почти прошептала.

– Не знаю, – Свен отвёл взгляд и посмотрел на свой топор. – Видимо, очень нужен королю север, эйда Олинн. Та колдунья, которую он привёл, умеет сушить землю и пускать огонь. И мы не удержим Перешеек, если и дальше будет стоять такая жара. Вода сильно упала, ищейки Гидеона шныряют везде, ищут броды, а на том берегу строят лодки. С утра до ночи стучат топоры, и костры горят... У него много людей, эйда Олинн. И лодки они строят очень быстро. Никто не думал, что король соберёт такое большое войско...

Свен говорил и говорил, а Олинн уже не слушала. Смотрела на его руку, перевязанную выше локтя, на одежду, на которой засохли бурые пятна крови, и ощущала – это конец. Север не выстоит. И...

... что же теперь будет с ними?!

– Что будет дальше? – спросила она срывающимся голосом, вспомнив пожар из своего сна.

Вот, к чему был этот сон!

– Осада... наверное. Но вы не думайте – Олруд выстоит до зимы. А потом... боги смиловятся, и поднимется вода, отрежет нас с юга. Войскам короля надо будет что-то есть. В

этих болотах им тяжело придётся. Ярл Олруд собрал всех шаманов и эрлей. Рассказал, что нас ждёт. Иннари решили, что откочуют далеко на север и в этом году не пригонят оленей на продажу. Ярлы запрутся в крепостях, шаманы будут просить Оленьего бога послать суровую зиму и болотный мор. Наш эрль сказал, что Олруд крепок и выстоит. И если другие ярлы тоже будут держать осаду, глядишь, до весны болотный мор скосит войско Гидеона наполовину.

– Осада? – Олинн сглотнула, пропустив мимо ушей всё остальное.

От этого слова по спине липким ужом скользнул холод страха. Она представила, как они окажутся запертыми в замке, как отовсюду будут лететь стрелы, камни и подожжённая пакля, смоченная в смоле. А потом...

Потом воины Гидеона всё равно возьмут замок и начнут убивать, насиловать и грабить...

– Мы выстоим. Нам бы дожидаться туманов, – уверенно произнёс Свен, но в его голосе было больше бравады, чем веры.

Олинн отошла к арке, прислонилась к шершавому камню и посмотрела на внутренний двор. Олруд, конечно, большой и неприступный, и стоит на вершине скалы. Так-то Свен прав, войска короля его легко не возьмут, тут и год можно в осаде сидеть. Они запасли много смолы и стрел. И камней. Оленьего мяса, рыбы, масла и ячменя. В замке есть свой источник воды, но...

Сколько они так смогут сидеть? Зиму? Весну? Свен говорит, войскам короля Гидеона нет числа, а что будет, когда пройдёт зима? А если у них есть лодки, то что им туман и вода? Они пройдут. А если ещё и с колдуньей... Кто знает, что вообще она может сотворить? Да и что там у них за колдовство на юге?

О юге Олинн знала немного. Всё больше из рассказов Ульре, которая бывала разговорчива после кружки мёда с огонь-травой. Там, за Великими болотами Эль, говорила она, раскинулись благодатные земли, где горы до неба, и деревья такие высокие, что и сами, как горы. Не то, что здесь – осины да кривые болотные берёзы и лиственницы. Оттуда, с юга, приходит великий бог Олень с огромными рогами и лунолика Моор–Бар. И называется это место Балейра.

Ярл Олруд там бывал и всегда возвращался с богатой добычей. Торвальд рассказывал, что в молодости они часто ходили на юг. Он называл это «военным походом», но Олинн знала, что это было обычным грабежом. Ярлы Севера не прочь были пожить на благодатных южных землях. Привозили добычу и пригоняли рабов, впрочем, многие здесь на границе таким промышляли, особенно раньше. И может, именно этим они и не угодили королю Гидеону...

А может, тем, что отец отказался принять его веру в истинного бога и построить в Олруде храм? Ах, да, и ещё исправно платить подати.

Опомнившись, Олинн спустилась к конюшням, где её терпеливо дожидался Игвар. Мысленно она уже стала называть его именно так, новым именем. На вопрос о том, почему она выглядит такой озабоченной, Олинн только отмахнулась и повела своего подопечного к кузнецу Ликору. Сказала, что вечером придёт, проверит, как он тут устроился, а сама отправилась ожидать, когда же мужчины покинут Медовый зал. Ей нужно рассказать кому-нибудь о том, что за вой она слышала вчера на болотах. Лучше, конечно, отцу или старшему хирдману.

Но мужчины заседали долго, а потом покинули замок стремительно и умчались, разделившись на два отряда: кто по северной дороге, а кто на юг. От младшей экономки все отмахнулись, и потому ей пришлось идти и всё рассказывать стиварду – Ивка, всё—таки имущество ярла, а раз она сгинула на болотах, то он должен знать почему.

И только она закончила свой рассказ, как её потребовала к себе эйлин Гутхильда. Накричала на неё за отсутствие и безделье и гоняла по делам до самого вечера, не давая присесть даже на мгновение. Замок превратился в настоящий улей. Прослышав о поражении у Чёрного порога, из окрестных деревень потянулись в крепость подводы с ячменём и всякой снедью – люди спешили спрятать запасы в замковых кладовых на случай осады. Если уж совсем придётся туго, то в замке укроются и все, кто не может сражаться. Вот Олинн и металась, помо-

гая Ульре и Тармолу распределять привезённое добро. Нужно было не только всё сложить да поставить метки, но ещё и записать в книги, чтобы потом знать, кому что причитается.

И только уже когда совсем стемнело, перехватив по пути немного холодной оленины с хлебом, она поднялась в покои Фэды и застала ту сидящей у окна с заплаканным лицом. При виде сестры Фэда вскочила, бросилась ей на шею и опять зарыдала. Ничего удивительного, ведь отец и старший брат её жениха погибли, и, к тому же, неизвестно, что случится дальше. Олинн и самой было страшно. Но одно дело переживать за замок и свою жизнь, а другое – ещё и за любимого, который может пасть в бою.

– Ну ладно, ладно, успокойся, – Олинн погладила сестру по волосам, и они обе опустились на кровать. – Свен сказал, что они не пройдут через Красный порог.

– Ах, Линна! Но теперь же никакой свадьбы, понимаешь?! И что будет дальше?! – прошептала Фэда, вытирая кулаками слёзы.

– Да ничего не будет, – пожала плечами Олинн и подумала, что Фэда, оказывается, больше переживает о свадьбе, чем об осаде. А может, она ещё просто не знает всей правды? Не понимает, что их ждёт? – Олруд крепкий, враги сюда не прорвутся.

Олинн и сама не знала, что их ждёт. Крепость Олруд никто не захватывал. Никогда войска врагов не подходили к стенам так близко, не говоря уже об осаде. Ярлов Олруда и Бодвара все боялись, так что тревожиться о нападении людям в замке пришлось впервые.

– Мы, что же, будем сидеть здесь, как выдра, загнанная в нору?! А что потом? Линна, а если они войдут сюда?! Если возьмут замок?! – спросила Фэда срывающимся голосом и схватила её за руку.

– Не войдут. И не возьмут. Успокойся. Наш эрль сказал, что замок неприступен, они его точно не возьмут. Он раскладывал руны, да-да, я сама слышала, – соврала Олинн, стараясь придать своему голосу спокойствия. – И запасов у нас много. Я же каждый мешок ячменя здесь посчитала. Нам хватит не только до весны, до следующей зимы! – она попробовала улыбнуться. – И уж если совсем туго станет, то я слышала, отец договорился, что из Эгельстайна придут лодки. С северной стороны к замку не подойти, а мы по стене можем спуститься на реку. Ты же знаешь, там есть тайный проход. И уплывём в Эгельстайн. Риг-ярл Освальд нам даст убежище. Не плачь. Всё будет хорошо.

– А как же Хельд? Великие боги! Я не могу его бросить и уплыть! – и Фэда снова заплакала, закрыв лицо руками.

– Ну, а что Хельд...

– Я люблю его! Линна! – воскликнула Фэда, перебив сестру и отнимая от заплаканного лица ладони. – Я лучше брошусь со скалы в Эшмол, чем уеду от него на край земли!

– Ну ладно тебе... Что уж сразу со скалы-то? – Олинн снова притянула её к себе и погладила по плечам. – Все войны когда-нибудь заканчиваются... Он ведь тоже тебя любит, значит, будет ждать.

– А если его убьют?!

– Не убьют, – твёрдо ответила Олинн. – Боги уже забрали из его семьи двух мужчин. А ты знаешь хоть один случай, когда бы они забирали всех? Ну вот. Не плачь...

Олинн говорила, стараясь успокоить не столько сестру, сколько саму себя. Но, в отличие от Фэды, ей это не очень помогало. Жгучий яд плохого предчувствия разъедал всё внутри и щекотал ноздри.

Да, это правда, что северная стена Олруда неприступна. Она – это продолжение отвесной скалы, что уходит в тёмные воды Эшмола. И если риг-ярл пришлёт лодки, то уйти из замка по этой стене они смогут под покровом ночи – в скале вырублен ход, который скрыт на самом берегу реки, почти у воды, и завален ветвями и топляком. Там их не достанут стрелы с берега, и про этот тайный ход врагам ничего неизвестно.

Сегодня она весь день караулила у Медового зала, и кое-что из разговоров мужчин ей услышать всё-таки удалось. Отец был уверен, что они удержат Красный порог. На что один из его верных хирдманов и правая рука – Кнут Яростный всё время ему возражал. А как знала Олинн, если Кнут не поддерживает своего ярла, это означает только одно: её отец верит во что-то мало осуществимое. И, когда они договорились, что сегодня же пошлют трёх гонцов в Эгельстайн к риг-ярлу насчёт лодок, она поняла, что всё, и правда, очень плохо. К риг-ярлу Освальду за помощью её отец обратился бы только на смертном одре, таков уж был Белый Волк.

Фэда наконец успокоилась и даже кинулась к своему сундуку, открыла и стала вслух перечислять, что нужно будет взять с собой в Эгельстайн. Она то вскакивала и ходила из угла в угол, сжимая пальцы и перечисляя свои платья и украшения. То выкладывала их на кровать, рассуждая, что и к какому случаю подойдёт, а потом опять бросала всё в сундуки и снова начинала плакать, вытирая одинокие слезинки. А Олинн только смотрела на неё, усталая и опустошённая, и молчала. За день так набегалась, что ноги просто гудели. Сил не было даже на то, чтобы спуститься и дойти до своей комнаты. А уж переживать по поводу сундука с вещами?!

У неё, в отличие от Фэды, все вещи влезут в одну котомку. Пара платьев, пара штанов для езды на лошади, две рубашки и кулон, что у неё на шее. А остальное... Были бы живы, а остальное наживётся. Уходить надо налегке.

– И зеркало! – воскликнула Фэда и метнулась к другому сундуку, с украшениями.

Там у неё лежало главное богатство и сокровище – круглое зеркало в серебряной оправе с большой витой ручкой. Отец привёз его с юга, вернувшись из военного похода, и подарил Фэде на её шестнадцатую весну. И такое красивое и чистое зеркало, да ещё и такое большое, в Илла–Марейне было, наверное, только у неё.

– Как же мне его везти? Завернуть во что-то... толстое и мягкое... В накидку из горностая! – воскликнула Фэда, выхватывая из сундука белоснежный мех в маленьких чёрных кисточках хвостиков.

Олинн представила, как им придётся тащить сундуки Фэды по узкому проходу, вырубленному в каменном основании замка, и подумала, что зеркало им точно брать не стоит...

Но только она хотела сказать сестре, что тащить с собой зеркало не стоит, как в открытое окно донесся жуткий утробный вой. Волчий вой, тот самый, который Олинн слышала вчера у избушки Тильды. Он прокатился над болотами в густой черничной тьме и едва стал стихать, как его подхватил ещё один голос, а за ним ещё один и ещё...

Волки!

Если это были, конечно, волки...

У Олинн даже мороз пошёл по коже, потому что каменные стены Олруда отразили этот вой, и он заметался по коридорам гулким многоголосым эхом. Она вскочила с кровати, бросилась к открытому окну и принялась жадно всматриваться в непроглядную ночную темноту.

– Великие боги! – в ужасе воскликнула Фэда, зеркало не удержалось в меховой накидке, выскользнуло из её рук и, упав на каменный пол, разлетелось на тысячи кусочков.

***Медовый зал** – в Скандинавии эпохи викингов медовый, или бражный, зал изначально представлял собой длинное строение с единым пространством. Служил для пиров, проведения собраний и пр.

***Тинг** – на территории Скандинавии времен «эпохи викингов» называлось регулярное народное собрание, носившее функции одновременно законодательного, исполнительного и судебного органа власти локального назначения.

***Нидльхайм – Нифльхейм** (др.-сканд. Niflheimr – *обитель туманов*) – в германо-скандинавской мифологии один из девяти миров вселенной, земля льдов и туманов.

Глава 7.

Олинн вздрогнула, обернулась рывком и, глядя на рассыпавшиеся по полу осколки, только и подумала, что это плохой знак. Очень плохой знак! Но вслух не сказала, потому что Фэда застыла, как каменный идол, и какое-то мгновение смотрела на своё утраченное богатство, а потом разрыдалась в голос и упала на кровать.

Пока вой нёсся над болотами, в замке, казалось, всё замерло, и наступила зловещая тишина. А потом тишина раскололась, как несчастное зеркало, и всё сплелось в какофонии звуков: собаки зашлись яростным лаем, кто-то заголосил, раздался топот ног, а громче всего разнеслась по коридорам крепкая мужская брань, и следом бряцанье оружия. Весь замок переполюшился: по стенам побежали дозорные с факелами, вглядываясь в темноту, но что там можно было рассмотреть? Цепочка огней растянулась по всей стене, но сигнальных костров с Перешейка видно не было, а значит, звонить в колокол на башне и поднимать тревогу не стоило.

Олинн ещё раз взглянула туда, где в темноте скрывались Великие болота Эль, но там ничего нельзя было рассмотреть. Она вернулась к кровати, присела на край и принялась успокаивать Фэду, повторяя, что всё образуется, и отец привезёт ей другое зеркало. И это было почти правдой. Не будь войны, так бы оно и получилось. К своей красавице-дочери ярл Римонд питал особую слабость и из походов привозил для неё всё самое лучшее: украшения, ткани на платья, гребни, зеркала, заколки-фибулы и ленты.

Когда Олинн говорила Игвару, чем дорожит Белый Волк, об этой его слабости она умолчала. Не хотела, чтобы какой-то монах подумал, что она Фэде завидует! А вот сейчас поняла, что даже рада тому, что у неё самой нет ни жениха, ни сундуков с нарядами, украшениями и зеркалами, потому что этот вой и новости с Перешейка переворачивали всю их привычную жизнь с ног на голову. И если им придётся бежать, то нужны будут не платья и зеркала, а удача и крепкие ноги. И ей, в отличие от Фэды, не нужно будет бросать здесь любимого.

И тут же, словно вторя её мыслям, вой опять повторился, только прозвучал ближе и громче, и так зловеще, что даже кожа у Олинн покрылась мурашками от страха. В этот раз был не просто звук, а показалось, что он, словно ветер, пробрался в комнату, тронул занавеси, и они зашевелились, и в ответ завибрировали кубки, стоявшие на столике. Олинн вскочила и снова подбежала к окну. Луна ещё не встала, но в темноте, скрывающей болота, в какой-то момент ей показалось, что в зарослях по ту сторону Эшмола вспыхнули зелёные огни. Вспыхнули и тут же угасли. И снова вспыхнули, уже слева и справа от зарослей на той стороне реки.

Кем бы ни были эти волки, если это вообще были волки, они не просто бродили по лесу, они кружили именно вокруг замка, потому что вой доносился с четырёх сторон. Звери, казалось, обходят крепость по кругу, берут её в кольцо, будто выискивают брешь в её стенах. И Олинн вспомнила слова Свена о колдунах, которых притащил к Перешейку король Гидеон. А что, если это их рук дело?!

Внутри жгучим ядом растекалась тревога, сжимая сердце дурным предчувствием – где же Торвальд? Сегодня он не вернулся в замок. А если он там, на болотах? Там же, где бродят эти жуткие звери?! А Тильда?! А если их...

О, нет, нет! Нельзя думать о таком! О Великая Эль! Защити нас от всякого зла!

И не зная, как успокоить себя, Олинн решила сделать то, чего старалась никогда не делать в стенах крепости – спуститься к замковому святилищу и зажечь особый огонь с травами, что отгоняет злых духов. Пусть она и не настоящая вёльва, но Тильда научила её кое-чему. Она не может защитить их всех, но о чьих-то душах позаботиться всё же может. Пусть у неё и не много сил, но, как говорят: «В трудный час и крупица пригодится». Пусть она поможет хотя бы Торвальду и Тильде.

Она решительно встала, но Фэда вцепилась в её рукав и не отпускала, умоляя остаться ночевать у неё.

– Линна, ну пожалуйста! Не уходи! Я так боюсь! – причитала она, спешно вытирая слёзы и прекратив рыдать.

– Да не бойся ты. Сюда уж точно никакие волки не заберутся, они же не умеют лазить по стенам! – Олинн попробовала отшутиться. – К тому же, вся замковая стража поднялась с луками, чего ты боишься? Я вернусь, только позову кого-нибудь, пусть приберут здесь, а то мы все ноги изрежем осколками. А хочешь, запри дверь изнутри, я постучу.

Она спустилась по лестнице северной башни туда, где в углу крепости, отгороженный от суеты хозяйственного двора, находился хёрг* – древнее святилище, которое было старше даже самой крепости. Именно в этом месте заложил первый камень древний предок её отца, начав строительство замка. И серебряному дубу, который рос посредине святилища, наверное, тысячу лет, а может, и больше. Именно вокруг него и выросла крепость. Во всей округе это единственный священный дуб, и растёт он здесь, потому что Олруд – самое высокое место в Эль-Хейме. Дерево эрлей не любит болот.

Сейчас в хёрге было темно и тихо. Так темно, что без фонаря и шагу не ступить – дуб закрывал своими ветвями даже слабый свет сторожевых факелов на башнях. И зная это, Олинн прихватила на кухне фонарь с тремя свечами. Поставила его рядом с каменным алтарём и принялась раскладывать то, что принесла с собой: бутылъ с особым напитком, травы и кусочки смолы, веточки болотного мирта* и сухие ольховые щепки. Разожгла огонь из щепок и бросила в него смолу. Густой дым начал медленно подниматься вверх. Благо ночь, и никто не видит. Замковому эрлю это всё бы не понравилось. Уж очень он не любит Тильду, и больше доверяет рунам, чем древней силе вёльвы. А то, что в особо трудных ситуациях ярл Римонд едет к Тильде, так это вообще для эрля, как калёным железом по коже.

Зато вот сейчас советы Тильды были бы очень кстати. Она, наверняка, знает, что это за странные звери появились в окрестностях Олруда. Только бы они её не тронули!

Олинн достала травы и бросила их поверх смолы, дым насытился их ароматами и стал густым, терпким. И уже в самом конце она добавила к нему болотный мирт – он откроет дорогу духам. Затем взяла в руки бутылъ, немного выпила сама и плеснула чуть-чуть в огонь. Он зашипел, заискрил, а Олинн смочила напитком пальцы и стала выводить ими руны на краю каменной чаши и напевно шептать гальдр*, которому её научила Тильда.

Алу... Саар... Аму...Саар... Лау... Нильлаайя...

Знал бы замковый эрль, чему она учится у старой вёльвы, давно бы сжил её со свету!

– А ты, пичужка, оказывается, только днём экономка, а ночью настоящая вёльва, – услышала она голос из темноты, и от серебряного дуба отделилась большая тень.

Игвар!

Олинн вздрогнула, и бутылъ, выскользнув из мокрых пальцев, упала и разбилась о каменное основание алтаря.

– Ох, Лунолика! А ты что тут делаешь?! Вот же! – она даже ругнулась коротко. – Зачем так подкрадываться?! Как ты вообще сюда попал? Это священное место, тебе тут нечего делать!

– Как и тебе, – произнёс Игвар, выходя в круг света от горящих ольховых щепок и фонаря. – Или ты обманула меня, сказав, что просто экономка в замке?

– Нет, не обманула, – Олинн накрыла огонь большим куском коры. – Да и не твоё это дело! Ты просто... медведь какой-то! Лезешь, куда не надо!

Огонь недовольно зашипел и затух, клубясь едким дымом, от которого стало резать глаза. Это всё болотный мирт – от его дыма открываются врата в Небесные чертоги для тех, кто хочет вопрошать богов. Он должен сгореть ярко, и в его дыму будут ответы на её вопросы, а пришлось затушить его вот так! Но этому монаху не стоит видеть лишнего.

– Зачем ты сюда пришёл? – раздражённо спросила Олинн, схватила фонарь и принялась собирать осколки бутылки.

– Здесь тихо, – ответил Игвар как-то задумчиво. – Хотел побыть один, думал, может, что ещё вспомню. А ты что хотела узнать у богов, пичужка?

– Не твоё дело, – огрызнулась она.

Сгребла куском коры все осколки и быстро побросала в сумку, в которой принесла травы.

– Какая ты колючая, – в его голосе ей послышалась явная насмешка.

Олинн повернулась к Игвару, поставила фонарь на край каменной чаши и воскликнула:

– Тебе не надо сюда приходить! В замке и так беспокойно, узнают, что ты здесь был – могут и горло тебе перерезать, как чужаку. Мало того, что ваш король перешёл через Чёрный порог, а тут ещё этот вой! Решат, что это ты тут колдовством занимался! Ты ведь и похож на колдуна! Мало ли, может, это ты призвал этих зверей сюда! Зачем только я тебя привела!

Она разметала остатки своего кострища, чтобы эрль, когда придёт сюда снова, не догадался, что тут кто-то был. А Игвар стоял и молча смотрел, что она делает.

– Ладно, пичужка, я уйду, – ответил Игвар спокойно, развернулся и пошёл к каменной арке, ведущей к лестнице. – Вижу, ты жалеешь, что спасла меня. А эти звери... Так воют призрачные гончие... как я слышал. Когда хотят добраться до своей добычи. Поэтому не стоит выходить из крепости в такое время, – добавил он, будто невзначай.

– Призрачные гончие? – спросила Олинн дрогнувшим голосом и повернулась к Игвару.

Она слышала о них, но всегда думала, что это всего лишь страшные рассказы её няньки или Ульре, перебравшей мёда с огонь-травой. Та любила рассказывать всякие жуткие истории, будучи в подпитии. О призрачных гончих она говорила, что их исторгает чёрная утроба Нидльхейма, и они бегут по земле в поисках того, чем бы поживиться. А пища их – души людские. А дальше шло что-то о том, что если изрядно выпить мёда с огонь-травой, то такую душу, вернее, из такого тела душу чудовищным псам не достать. Наверное, этим она оправдывала своё пристрастие к мёду, но, как однажды болтнул их стивард, в детстве Ульре довелось видеть этих тварей вживую. Если их вообще можно считать живыми.

Но Олинн в это, конечно же, не поверила.

– Ты хочешь сказать, что они и правда существуют? – спросила она уже более миролюбиво.

– Ну... кто-то же воет там, ты же сама слышала, – усмехнулся Игвар и хотел уже было уйти, но Олинн его окликнула.

– погоди! А что ещё ты о них знаешь? Что им нужно... здесь?

– Они вышли на охоту и взяли след, и как только поживятся кем-нибудь, так и уйдут, – ответил он совершенно спокойно.

– Поживятся?! – Олинн сглотнула. – Но откуда они взялись? Раньше их здесь не было!

– А почему ты думаешь, будто я знаю, откуда они взялись?

– Ну... там, в избушке Тильды, ты ещё до их появления что-то сказал о необычных волках.

Игвар прислонился к каменной арке, лица его не было видно, и только его рубаха выделялась большим светлым пятном. Олинн взяла свою сумку, фонарь и подошла поближе. Сейчас Игвар выглядел немного иначе: он стянул свои космы ремешком и надел огромный кожаный фартук кузнеца. И можно было бы подумать, что он и есть кузнец или плотник, что строит драккары в устье Эшмола. Но даже в темноте, при тусклом свете фонаря, его глаза казались светлыми, каким-то прозрачными и пугающими, но в то же время, они притягивали взгляд, не давая отвернуться.

– Ты знаешь, зачем они здесь? Их можно как-то прогнать? – спросила Олинн совсем тихо.

– Они не уйдут, пока не получат то, за чем их послали, – также тихо ответил ей Игвар.

– Послали?! – удивлённо спросила Олинн. – Кто послал?

– Конечно послали. Как и у всякого пса, у них тоже есть свой хозяин, – ответил Игвар спокойно. – Иди спать, пичужка. В крепость они не войдут. А вот тебе стоило бы убраться отсюда подальше, как только рассветёт.

– Куда убраться? – спросила она, чувствуя, как тревога ползёт по коже неприятной, неконтролируемой дрожью.

– Куда-нибудь, куда не доберутся воины короля, которые скоро появятся в Олруде. Здесь, на Севере, у вас же есть какое-нибудь убежище?

– Но... Олруд выстоит! Это крепкий замок, и запасов у нас много, – возразила Олинн. – Эрль говорил...

– Эрль говорил! А если вас возьмут в кольцо и будут сушить болота и жечь торф, чтобы вы задохнулись в дыму, сильно вам помогут ваши запасы? – перебил её Игвар и, оттолкнувшись от стены, шагнул ей навстречу.

– Жечь торф?! – сглотнула Олинн.

– У аловласой Риган много способов заставить Север встать на колени, – жёстко произнёс Игвар. – И скоро она будет здесь.

– Аловласая Риган? Кто это?

– Это сестра короля Гидеона.

– Это та самая колдунья, о которой говорил Свен, – пробормотала Олинн. – Ты её знаешь? Ты видел её?

– Я её видел. И лучше бы никогда больше не видеть. Она призывает огонь. И Олруд не выстоять против её огня, так что тебе лучше бежать отсюда, пичужка. До того, как Гидеон перейдёт Красный порог. А хочешь – убежим вместе? Пойдём на север дальше, в Серебряную бухту, и уплывём куда-нибудь, – он вдруг шагнул ещё ближе и взял Олинн за запястье, ровно так, как тогда в избушке, только в этот раз осторожнее, почти нежно. – Можем хоть завтра, а? Ты и я. Что тебя тут держит, Лин-н-на?

И там, где его пальцы коснулись кожи, будто огнём обожгло, но не больно, а, скорее, приятно. В голову ударил хмель, и, может, в этом был виноват напиток, а может, дым от болотного мирта, но Олинн на какое-то мгновение показалось, что ветви серебряного дуба ожили и потянулись к ним. И по венам побежал огонь, понёсся волной по рукам к сердцу, а затем вниз, до самых кончиков пальцев на ногах, сворачиваясь где-то в животе в горячую тугую спираль и рождая странное покалывание на губах, на коже, даже под ногтями... Желание прикосновений.

От неожиданности Олинн выронила сумку и шагнула назад, выдергивая руку из горячих пальцев Игвара.

– Бежать с тобой?! – спросила она внезапно охрипшим голосом. – Ты, верно, спятил?!

– А почему нет? Я смогу тебя защитить, Лин-н-на. Или ты предпочитаешь воинов Гидеона? – спросил Игвар жёстко.

– Никого я не предпочитаю! Уходи, Игвар. Мы выстоим. А если нет, то поверь, у нас есть способ сбежать, – сказала, как отрезала.

– Ну, вы же не птицы. Улететь отсюда не выйдет, если замок окружат. А окружат обязательно, – его голос стал насмешливым, будто в таком исходе он нисколько не сомневался.

– Ну, не улететь, так уплыть. Риг-ярл Освальд нам поможет – заберёт отсюда. Он обещал лодки. А теперь уходи. А если хочешь – беги себе на север, пока можешь, тебя тут никто не держит, – ответила Олинн резко, – а меня пугать не надо! И защищать тоже! Если побегу отсюда, то уж точно не с тобой.

– Лодки? Ну, как скажешь, пичужка, только выбирай защитника понадежней, аловласая Риган таких, как ты, отправляет на костёр первыми, – Игвар развернулся и нырнул в тёмный проём каменной арки.

А Олинн так и осталась стоять, всё ещё чувствуя бурю у себя в крови, и даже потёрла другой рукой запястье, за которое брался Игвар. А ноздри ощущали какой-то странный запах, будто свежестью пахнуло, ивовым соком и грозой...

Что это с ней вдруг?! Вот ещё, нашёлся тоже ухажёр! Надо же придумать такое, бежать с ним на север! Чудище лесное, косматое!

Олинн даже ногой топнула. Так неожиданно было это всё и странно, и так напугали её слова Игвара, что она не удержалась и нагрубила. Да и правильно сделала! Мало того, что бутыль разбила из-за этого медведя да разлила драгоценный напиток, так ещё и не узнала ничего у богов. И вообще, с чего это он ходит тут как хозяин? Явно выздоровел уже! Защитничек! Вот и пусть бежит себе на север, и нечего ей тут намекать! Завтра пойдёт и скажет ему всё. Она выполнила свой долг перед богами, а ему пора вон из крепости!

Олинн подхватила сумку, ещё раз осмотрела всё вокруг, разметала золу и побежала в свои покои, сама не зная, почему так злится. Но слова об аловласой колдунье короля Гидеона застряли в сердце саднящей занозой. Она вымыла руки и лицо, чтобы не осталось на пальцах сажи, кликнула одну из служанок, велев убратся в покоях Фэды, и сама отправилась к сестре.

Придётся ночевать у неё, а то она сама придёт в её комнату. Но, в отличие от огромной кровати Фэды, у Олинн кровать маленькая, узкая, лежать вдвоём неудобно, а с утра столько дел, что и присесть некогда будет, поэтому надо выспаться.

***Хёрг** – в древнескандинавской традиции ритуальная конструкция, выполняющая функции алтаря и предположительно представляющая собой пирамиду из поставленных друг на друга камней.

***Болотный мирт** – растение семейства вересковые. Ядовитое растение, содержит нейротоксины, возбуждающие нервную систему. Как показали исследования захоронений викингов, болотный мирт использовался племенами, жившими на земле современной Скандинавии, для приготовления алкогольного напитка – «нордического грога».

***Гальдр** – в культуре скандинавов Раннего Средневековья гальдр (или гальд) – устная заклинательная практика, представлявшая собой ритуальные песнопения. Гальдр сочинялся особым стихотворным размером – гальдралагом. В эддических текстах гальдры упоминаются в связи с самыми разными событиями. Некоторые заклинания призваны облегчить роды, другие сводят человека с ума (отсюда современная шведская форма «galen», что значит «безумный»). Владеющий гальдром мог насылать шторма, топить корабли, затуплять оружие врага, размягчать сталь его доспехов и приносить победу в бою.

Глава 8.

С утра её разбудил стук в дверь.

– Эйда Олинн?! Эйда Олинн?! Вы здесь?! Вставайте, эйда Олинн! Ярл Олруд требует вас к себе! Немедленно! – из-за двери раздался голос Бруны, одной из верных прислужниц мачехи.

Олинн соскочила с кровати, сразу и не поняв, где она. В окне брезжил рассвет, и первые лучи уже окрасили небо розовым.

Ах, она же проспала! Вот ей влетит-то!

– Иду-бегу уже!

Она заметалась, натягивая рубаху, потом штаны и поверх тунику. Прихватила фибулами на плечах, едва не загнав в ключицу булавку. Проскакала на одной ноге, пытаясь попасть в сапог, одной рукой плескала воду в лицо, а другой приглаживала волосы.

Отец ждать не любит, отходит кнутом за нерасторопность!

Загремела связкой ключей, пристёгивая её к поясу, чем разбудила Фэду. Та потянулась и с тревогой глянула в окно.

– Рано же ещё! Ты куда?!

– Пичужки рано встают, – усмехнулась Олинн и помчалась вслед за Бруной, на ходу заплетая косы.

За неряшливость тоже отходят кнутом.

Отец сидел в Охотничьем зале, и перед ним, несмотря на раннее утро, уже стояла еда: пироги и оленина из печи. Он жадно ел, запивая еду элем, и рядом хлопотала эйлин Гутхильда, которая в присутствии мужа всегда становилась нежной и ласковой, будто шёлковая лента.

Темноту комнаты освещали свечи, стоявшие на столе, и огонь в камине за спиной хозяина замка. Головы лосей и оленей, которыми были увешаны стены Охотничьего зала, смотрели на Олинн жёлтыми янтарными глазами, и казалось, будто эти давно уже умершие звери с недоверием за ней наблюдают. Едва Олинн вошла, как из сумрака в углу вынырнул стивард, подошёл к столу, хромая, и стал по правую руку от отца.

– Тармол мне рассказал, что ты ещё вчера слышала этих волков на болотах, это правда? – ярл Римонд отхлебнул из кружки.

– Правда, – ответила Олинн, пряча руки за спину.

– И они сожрали твою лошадь?

– Не знаю, но Ивка испугалась их воя и убежала. Я посылала конюшего её поискать, но её он так и не нашёл. Может, она утонула в болоте, а может, и волки... Ночь была, – ответила Олинн торопливо.

– А что ты там ночью делала? На болотах? – отец посмотрел на Олинн исподлобья и провёл ладонью по бороде, стряхивая застрявшие крошки. – И где носит Торвальда, а?

– Я снадобьями запасалась у Тильды, – соврала Олинн по-быстрому, надеясь, что отец, услышав всё, что нужно, отпустит её, не вдаваясь в подробности. – Для раненых. А Торвальд уехал в дальнюю ситту проверить запасы и должен был вчера вернуться.

Видно было, что ярл Олруд зол. Его лоб пересекали три глубоких морщины, и голубые глаза смотрели холодно и жёстко. Разглядывая Олинн, он о чём-то думал и щурил левый глаз, отчего татуировка на его щеке собиралась складками, придавая ему ещё более суровый вид.

– Едем! – он хлопнул ладонью по столу, так что площадки подскочили, и рывком встал. – И ты со мной.

Он ткнул в Олинн пальцем и, взяв с лавки ремень, пошёл к двери, застёгивая его на ходу.

– К-куда? – спросила Олинн, следуя за ним.

– К вельве.

Пока седлали лошадей, Олинн думала, может, сказать отцу, что ещё вчера Тильда в избушку не вернулась? Но подумала, что тогда придётся рассказывать и остальное, а судя по настроению отца, к нему сейчас лучше не соваться с такими вот откровениями. И она промолчала.

С другой стороны, это даже хорошо, что он решил взять её с собой, с отцом будут его хирдманы, и ехать по болотам с ними не страшно. По крайней мере, она узнает, вернулась

Тильда или нет, а может, отец кого пошлёт на её поиски. Раз он решился к ней обратиться, значит, очень велика в этом нужда. А когда Белому Волку что-то нужно, для него нет никаких преград. Хотя то, что он так спешно засобиравшись к вельве, было дурным знаком.

По болотам ехали быстро, растянувшись длинной цепочкой, и ярл Римонд возглавлял отряд. Олинн же ехала в самом хвосте, предпоследней, поглядывая по сторонам в надежде, что, может быть, Великая Эль даст ей какую-нибудь подсказку. Но день стоял погожий, тихий и ясный, и вокруг не было ничего примечательного, кроме отцветающих болот. Пару раз мелькнули потревоженные звери, то ли зайцы, то ли куропатки, а в остальном вокруг были лишь тишина да припекающее солнце.

Хирдманы переговаривались, а Олинн прислушивалась. И пока они ехали, успела услышать кровавые подробности битвы у Чёрного порога. О том, сколько северян пало в этом бою и отправилось в Тёмные чертоги. А также о том, что и короля Гидеона тоже сильно потрепало, и что Красный порог ему будет взять не так-то просто: северяне знают, что отступать им некуда, и готовы умереть все до единого. Так что до сребролуния, скорее всего, будет стоять перемирие.

Вот почему ярл Олруд вернулся в замок: он оставил своего сына Харальда с войском. И пока обе стороны зализывают раны, он отправился домой, чтобы подготовить осаду или отступление, уж как боги рассудят. Послал гонцов к риг-ярлу и в Серебряную бухту. А сам решил отправиться к вельве, потому что ответы замкового эрля его не удовлетворили. Эрль пророчил ему победу, но Белый Волк имел звериное чутьё, и оно подсказывало ему, что эрль врёт, боясь его гнева.

А Тильда врать не станет.

Олинн внимательно вглядывалась в кусты жимолости, в которых они с Торвальдом нашли тогда ещё безымянного монаха, но примятые стебли багульника уже поднялись, и никаких воронов по дороге в этот раз им не встретилось.

Но когда до избушки осталось не больше, чем полкварда, Олинн почувствовала, как к горлу внезапно подкатывает тошнота. Ноздри ощутили металлический запах крови, и в ушах зашумело. Только это был не совсем обычный шум, а будто откуда-то издалека донёсся сухой треск идущего по долине пожара. Красное зарево закружилось перед глазами в тошнотворной круговерти: деревья, вспыхивающие, словно свечки, звери, бегущие прочь, и сухая трава, с шипением превращающаяся в чёрный пепел.

Олинн ухватила обеими руками за луку седла, чтобы не упасть, зажмурилась, что есть сил, и с жадностью втянула ноздрями воздух.

– Стойте! – вскинула вверх руку и добавила, указывая вперёд: – Там... что-то есть...

Эти слова она почти прошептала, так свело горло спазмом.

Хирдманы вмиг насторожились, вскинулись, готовясь к бою, доставая мечи и топоры, и ярл Римонд махнул рукой Улриху Змееголовому – своему разведчику.

Тот спрыгнул с лошади и юркнул в кусты, точно болотный уж, не зря же его называли Змееголовым. Он умел подкрасться к любой цели незаметно, как зелёная болотная гадюка, и замереть, изучая противника. Несколько мгновений все стояли в напряжённой тишине, а Олинн смотрела на берёзу, что росла у тропинки перед поворотом к избушке Тильды. Старая кривая берёза ещё вчера была зелёной, а сегодня на ней, словно седая прядь в волосах старухи, появилась одинокая ветка жёлтых листьев, свисавшая до самой воды.

И пока они стояли в ожидании знака от разведчика, Олинн заворожённо смотрела, как оторвался от этой ветки жёлтый лист, медленно закружился, словно прощаясь с материнским деревом, опустился на тёмную воду и поплыл, подхваченный течением.

Великая Эль послала ей знак.

И тут же Улрих появился на тропе, махнул рукой, что можно проезжать, и только лошадь Олинн поймал за поводья и остановил.

– Жди здесь. Тебе туда не надо.

Олинн сглотнула с трудом, будто горло совсем высохло, и спросила тихо:

– Кто? Тильда или Торвальд?

– Вёльва, – ответил Улрих. – Какой-то зверь напал.

Берёза... Знак... Она могла бы и сама догадаться.

В замок возвращались спешно. Ярл Римонд погонял коня, мало заботясь о том, что у них под ногами, того и гляди шею свернут. Остальные хирдманы тоже не отставали, и на их лицах застыло одно и то же хмурое выражение. Все посчитали гибель вёльвы дурным знаком для Олруда, да и для всего Севера.

Но их тревоги мало трогали Олинн, всё внутри у неё будто застыло от ужаса и горя. В крепость она въехала одной из последних. Оставила лошадь конюшему и пошла пешком к реке. Спустилась к самой воде, туда, где в расщелине среди скал примостилось несколько кривых берёз, и опустилась рядом с одной из них. Долго сидела, держась ладонями за белый ствол и глядя, как тёмные воды Эшмола текут мимо.

Берёза заберёт с собой печаль. Отдаст её корням, а корни уходят глубоко между камнями и тянутся к воде. А вода уносит всё.

Она сидела долго и думала, что жизнь её уже никогда не станет прежней, и ей будет очень не хватать мудрых советов Тильды. Война всё ближе, и никто не знает, что случится завтра.

Хотелось плакать...

Но Олинн просто брала сухие берёзовые листья и бросала их в воду, глядя на то, как подхватывает их стремительное течение и уносит в неизвестность. Вот и она такой же берёзовый листок, упавший в стремительные воды Эшмола. А что будет дальше, когда война дойдёт до стен крепости? И почему-то подумала, а может, Игвар прав? Может, пока не поздно, пока война не дошла до стен Олруда, ей тоже стоит бежать? Вот только куда?

Сейчас она поняла, что Тильда была единственным по-настоящему родным для неё человеком, и, не в силах больше сдерживаться, обняла берёзу и заплакала.

А потом, когда слёзы высохли, ещё долго сидела, обхватив руки коленями, и лишь когда почувствовала, как по спине пополз холодок, поняла, что уже поздно, и это, верно, мачеха честит её за долгое отсутствие.

Ну и пусть хоть лопнет от злости! Неизвестно, сколько эйлин Гутхильде ещё осталось пробыть хозяйкой этого замка. Скоро придут южжане, и что тут вообще будет? А у неё есть право побыть этот день в одиночестве.

Она вытерла слёзы, наблюдая, как солнце опускается за тёмную кромку ольховых зарослей на той стороне реки, и начинают сгущаться сумерки, и подумала, что вместе с темнотой могут прийти и те самые звери. Те, которые стали виновниками гибели Тильды. Ведь вёльву ни один лесной зверь не тронул бы. Если это, конечно, обычный зверь, а не чудище из тёмной пасти Нидльхейма.

Проклятые южжане! Всё из-за них! Всё это их порождение!

В этот момент Олинн вспомнила слова Игвара о том, что этих гончих послали за кем-то. Неужто за Тильдой? Но кому вообще могла понадобиться старая вёльва, одиноко живущая в лесу? Что она им сделала? Да и кто их послал за ней?

Колдуны короля, конечно же! Кто же ещё!

Она подняла камешек и со злостью зашвырнула его в реку. Была бы её воля, она бы утопила в болотах всё войско южан!

Швырнула ещё один камень в реку и вдруг снова что-то почувствовала спиной. Но в этот раз не холодок, наоборот, будто тепло от огня лизнуло между лопаток, и поняла – сзади кто-то есть. Кто-то стоит и смотрит.

Она вскочила рывком и обернулась, хватаясь за рукоять кинжала. Но в тот же миг нога соскользнула с камня и поехала вниз по его скользкому мшистому боку. Олинн взмахнула руками, пытаясь удержаться и хватаясь пальцами за тонкие берёзовые веточки.

В одно мгновение она представила, как падает на камни, бьётся о них головой и катится вниз по крутому склону. А потом летит напрямик в тёмные воды Эшмола, где непременно захлебнётся. Звуки вмиг исчезли, будто она оглохла, остался только шум реки и пустота вокруг.

Олинн даже сделать ничего не успела – берёзовые веточки оторвались, не удержав её веса...

Она не разглядела, кто стоял позади, лишь краем глаза увидела мелькнувшую тень. Кто-то большой и тёмный метнулся от камня, и прежде, чем она вообще поняла, что происходит, её руку поймала чья-то крепкая рука. А потом и другая подхватила за талию, и дальше они уже падали вместе.

Самого падения Олинн не запомнила. И даже понять не смогла, как же так, почему они не ударились о камни или не разбились о выступ скалы. Мгновение, и вот уже холодная вода обожгла кожу, ударила и оглушила, утаскивая вниз, и Олинн ушла в неё с головой. Но потом кто-то подтолкнул её, она вынырнула на поверхность и принялась барахтаться и плыть, борясь с течением.

В этом месте река делала крутой поворот, огибая скалу, на которой стоял замок, и течением Олинн унесло бы в самую стремнину, но чья-то сильная рука подхватила её и потащила за собой, почти вышвырнув на берег.

Игвар! Да чтоб тебя!

– Ну, пичужка, что же ты пугливая-то какая?! – его голос прилетел, казалось, откуда-то издалека.

Олинн кашляла и пыталась дышать, и даже не сразу поняла, что уже не тонет. И если до этого момента всё было в каком-то тумане, то этот голос стряхнул с Олинн оцепенение. Она поняла, что стоит на песчаной отмели у самого подножья замка, а прямо перед ней – Игвар, и его большие ладони прижимают её к себе. Взгляд Олинн упёрся в завязки его холщовой рубахи, а тело ощущало только, как вода стекает с него ручьями.

– Чего испугалась-то? – повторил свой вопрос Игвар.

Он провёл ладонью вниз по её плечу, отпустил и внезапно коснулся пальцами подбородка, приподнимая лицо так, чтобы она смотрела ему в глаза. Олинн моргнула, то ли от испуга, то ли ощущения того, что жизнь в неё возвращается, хоть она уже и успела с ней распрощаться.

Глаза Игвара были совсем тёмными, и какое-то мгновение Олинн заворожённо в них смотрела, а потом осознала: да это же всё из-за него!

– Великие боги! – воскликнула она, изо всех сил толкая своего спасителя в грудь и делая шаг назад, к большому камню. – Да я же из-за тебя чуть не разбилась! Чуть не утонула! Ты зачем ко мне подкрался?! Ты совсем спятил?! Вот же наказание-то! Да что же ты за чудище такое бедовое! Да пропади ты пропадом! И все вы, проклятые южане!

Она что-то кричала ему, выплёскивая свой страх, а потом даже топнула ногой и плюнула в его сторону. И неожиданно разрыдалась, закрыв лицо руками. Она не хотела плакать и не хотела кричать на него, но, наверное, её горю нужен был выход, и эта песчаная отмель подходила, как ничто другое. Шум реки растворил и унёс её крик, а вода вместе со слезами смыла обиду. И на этом пустынном берегу никто не видел её горя. Разве что Игвар.

А он вдруг шагнул к ней, обнял и прижал к себе, не давая вырваться, а потом произнёс тихо, склонившись к уху:

– Я знаю про вёльву, пичужка.

Глава 9.

И ей стало как-то легче, как будто от этих простых слов горе ушло, притупилось и перестало жечь калёным железом. Прикосновение его ладоней было таким тёплым, успокаивающим. И, несмотря на то, что Олинн промокла до нитки, и с неё всё ещё текла вода, стало совсем-совсем не холодно. Даже наоборот...

Она сначала не поняла, откуда взялось тепло в её руках, которыми она закрывала лицо. Чуть отстранилась и увидела, что на ладони, той самой, на которой когда-то исчезла серебряная звезда, снова проступили её очертания. И это отрезвило Олинн, как ничто другое.

В один миг она ощутила, что стоит в крепких объятиях Игвара, ощутила его руки, поглаживающие её спину и плечи, и твёрдые мышцы у него на груди... Жар накатил волной, всё закружилась перед глазами, а сердце предательски сжалось. И мысли, одна дурнее другой, полезли в голову...

А если он сейчас увидит эту звезду у неё на ладони? Он же сразу всё поймёт!

И Олинн испугалась. Ведь они здесь совсем одни, и крепостная стража не видит того, что происходит у подножья замка – их закрывает нависающая сверху скала. И если Игвар сейчас захочет что-то сделать с ней, его же никто не остановит! Никто даже крика её не услышит! Даже если он придушит её и просто бросит в реку, никто никогда её не найдёт!

Олинн ловко вывернулась, поднырнув Игвару под локоть, и отскочила к большому камню, пряча руки за спиной.

– Не надо меня утешать! – она почти огрызнулась, стараясь скрыть за этой напускной злостью весь свой страх. – Обойдусь!

Она отвернулась и принялась отжимать воду из волос, надеясь, что так Игвар точно не увидит того, как светится узор у неё на руке. Надо быстрее бежать в замок, пока совсем не замёрзла, да и не хватало, чтобы её видели тут с этим монахом! Будут потом болтать невесту что! Только вот лезть теперь придётся по крутому склону да по зарослям.

Мокрая одежда слишком откровенно облепила тело, и Олинн принялась спешно отжимать воду и из неё. А сама от стыда готова была провалиться, видя краем глаза, как Игвар стоит молча и наблюдает за ней. И куда деться от этого пронизывающего взгляда, хорошо, хоть руки не распустил, а то пришлось бы снова прыгать в Эшмол!

Наконец она выпрямилась и обернулась, спрятав руки за спину, и посмотрела на своего горе-спасителя. Сейчас в нём уже ничто не напоминало раненного или умирающего, даже шрам на щеке стал почти не виден, что удивительно!

Он провёл пятернёй по волосам, стряхивая капли, и Олинн заметила, что мокрая рубаха и штаны на нём совсем новые, где только взял? И бороду он прибрал – стянул серебряными колечками, точно так, как делают ольхи. Вот уж странно, где он за один день разжился серебром? И новыми сапогами? Может кого-то ограбил? Не хватало ещё на её голову такого позора!

– Что ты тут делал? – спросила Олинн, выдохнув и оглядываясь. – И зачем подкрался ко мне?

Солнце давно скрылось за ольховником, и здесь, внизу, у самой воды, стремительно сгустились сумерки. И ей стало не по себе от того, что уже скоро ночь, а они здесь совсем одни, вдалеке от спасительных стен крепости.

– Я искал тебя. Хотел попрощаться, – ответил Игвар, взглянув с прищуром на другую сторону реки. – Не думал, что ты так испугаешься.

– Решил всё—таки бежать? Ну, так и прощай, – произнесла Олинн, думая о том, что, может, это и к лучшему, если он уйдёт из крепости. Не место ему здесь. – А мне тоже пора. Выбираться ещё отсюда надо, по твоей милости!

– И это всё? Так просто? – спросил он с какой-то насмешкой в голосе и шагнул к Олинн навстречу.

От неожиданности она попятилась и вмиг оказалась прижатой спиной к холодному боку скалы.

– А чего же тут сложного? – спросила Олинн с вызовом, упираясь ладонями в камень и пряча их за спиной.

Только бы Игвар не увидел рисунок на её руке!

И вот так, с заведёнными назад руками, она внезапно оказалась перед Игваром совсем беззащитной, и по тому взгляду, которым он её окинул, нетрудно было догадаться, что за мысли его сейчас терзают. Он подошёл почти вплотную, навис над ней и неторопливо опустил свои большие ладони на камень по обе стороны от её головы.

Он был гораздо выше, и ему даже пришлось наклониться, чтобы посмотреть Олинн в лицо. С мокрых волос по щекам стекали капли, и прозрачная зелень его глаз завораживала, не давая отвести взгляд. Сердце у Олинн сжалось от страха и, наверное, стало размером с орех. На какой-то миг она даже задержала дыхание, боясь пошевелиться.

И в этот момент предательская звезда на ладони будто ожила, запульсировала и стала горячей. От неё поползло по руке приятное тепло, как от горячего мёда с огонь-травой. Оно растекалось по венам, забирая дрожь и страх и наполняя тело лёгкостью и странным жаром.

Сердце, которое только что замирало от страха, теперь вдруг сжалось от сладкого предвкушения чего-то. И в другой раз Олинн бы и в голову не пришло с таким вызовом смотреть в эти прозрачные зелёные глаза, но сейчас рассудок у неё будто помутился.

– Ну раз ничего сложного, так давай спрашиваемся, Лин–н–на-спасительница. Что я должен тебе за гостеприимство? – произнёс Игвар, изучая взглядом её лицо, как будто видел впервые.

– Н–н–ничего. Ничего ты не должен, – произнесла она, судорожно сглотнув. – То была воля богов, и я её выполнила. Благодарю Луноликую Моор–Бар. И... ворона!

– Не Лунолика я лечила мои раны, – произнёс он чуть тише и наклонился ещё ниже. – И когда я блуждал по Сумеречному лесу, говорила со мной тоже не она. Не она рассказывала мне про вересковые поля и бесконечные туманы Эль, а одна маленькая пичужка. Что же, я теперь у тебя в долгу и когда-нибудь верну этот долг. А может, сейчас?

– Не нужна мне твоя благодарность. Богов благодарю и... уходи с миром! – прошептала Олинн хрипло, ощущая, как кожа горит от его близости, от его голоса и этого взгляда, и от того пламени, что прячет она в ладонях за спиной.

Как жарко! И ноги подгибаются. И кровь прилила к губам, заставляя их приоткрыться, как будто дыхания ей не хватает.

– Ты не передумала? Может, пойдёшь со мной? Что тебя здесь держит? – жарко прошептал Игвар, глядя ей прямо в глаза. – Замок падёт, что ты делать будешь? Куда денешься? Тебя могут убить... А я о тебе позабочусь.

– Нет! Никуда я с тобой не пойду! – она даже помотала головой, чтобы избавиться от наваждения.

Но избавиться не получилось.

Ей кажется, с каждым мгновением, с каждым словом притяжение между ними только растёт. И тепло от её ладоней течёт прямо в камень, к которому она прижимается, а оттуда к его ладоням, сплетаясь и связывая их. И хотя они не касаются друг друга, хотя между ними расстояние в пол-локтя, но будто и нет его вовсе, так остро она чувствует жар его тела и его горячее дыхание. И от слов, которые он говорил, даже шум реки затих и отдалился.

Взгляд Игвара скользнул по её губам, по подбородку и вниз по шее, а потом замер где-то на уровне груди.

– Какой странный кулон... Очень старый. Твой? – спросил он, опустив руку и осторожно поддев пальцем цепочку на шее Олинн.

Он поймал кулон в ладонь и наклонился, рассматривая, и лицо его было так близко, что Олинн совсем перестала дышать.

– Мой, – пробормотала она сбившимся голосом.

Вырвала бы у него кулон, да боялась показывать руки.

– Откуда он у тебя? Кто подарил? – требовательно спросил Игвар, и зелень его глаз угасла, заполнившись чернотой.

– Не твоё дело!

– Не моё? А может, и моё, – хмыкнул он, глядя на кулон. – Тебе бы янтарь подошёл и оникс... Странно, что такой красавице никто не дарит настоящих украшений. О чём только думают бестолковые северяне, – он посмотрел ей в глаза и усмехнулся.

Красавице?

Никто никогда не называл её красавицей. И если бы они не стояли мокрые на берегу реки, если бы он был не монахом, потерявшим память, если бы не смерть вёльвы и надвигающаяся война... Наверное, ей приятно было бы такое услышать.

– Это... Это мамин кулон, – прошептала Олинн сорвавшимся голосом и следом воскликнула: – Оставь его в покое! Уходи, Игвар! Уходи или...

– Или что? – он прищурился.

– Я закричу. В реку брошусь. Слышишь?

– Так ты не передумала? Не пойдёшь со мной? – спросил он, потеряв кулон пальцами.

– Нет!

– Я не привык уговаривать.

– Так привыкай, раз уж ты божий человек! Вроде этому вас учат – смирению! – выпалила она, почти задыхаясь. – Не ты ли только что хотел меня отблагодарить? Так уходи!

– Ладно... Попрощаемся, Олинн-младшая экономка, – он снова усмехнулся и, отпустив кулон, положил руку на камень над её головой. – Знаешь, как прощаются южане?

– Не знаю, и знать не хочу!

– А я тебе покажу. Может, пригодится, когда они возьмут крепость, – ответил Игвар с лёгкой досадой в голосе.

– Не возьмут!

– Может, ты ещё одумаешься... А знаешь, пичужка, я мог бы просто закинуть тебя на плечо и унести, – произнёс он и вдруг метнул тревожный взгляд на другую сторону реки, где ольховые заросли уже утонули в сумерках, и повернул голову, вглядываясь во что-то, а потом добавил: – Но я не стану этого делать. Не сейчас.

– Я отдала богам свой долг и надеюсь никогда больше тебя не увидеть!

– А я уверен, мы ещё свидимся, пичужка.

Он повернулся к ней, дотронулся пальцами до подбородка Олинн, чуть приподняв её лицо, склонился и поцеловал в губы. Так неожиданно и не спрашивая...

Не то, чтобы Олинн не знала, что такое поцелуй. Знала уже... Но, что поцелуй бывает таким... Нет. Не знала. И насколько сам Игвар её пугал и внушал трепет, настолько этот его поцелуй оказался на него не похож. Нежный, хотя и грубый одновременно... И такой страстный... Он коснулся её губ сначала мягко, а потом смял, не встретив сопротивления, требуя ответа так жадно, что она не могла даже вдохнуть и уступила, не в силах сопротивляться. Лишь приоткрыла свои губы ему навстречу, глотая воздух вместе с поцелуем. А он будто торопился, и хотел одновременно и попробовать, и запомнить, и утолить голод.

Олинн не ожидала этого поцелуя. Она не собиралась ему отвечать. Она вжалась в камень, что есть сил, и будь её воля, наверное, растворилась бы в нём. Но камень не пускал, а жар от ладоней опутал, словно паутиной, растекаясь по телу. И вместо того, чтобы ударить настой-

чивого монаха или вывернуться и убежать, она отвечала на его поцелуй, ощущая, как что-то обрывается внутри, как тугая струна, и падает вниз. Голова закружилась, и подогнулись колени, а ладони уже просто жгло, вот-вот начнёт плавить камень. И так невыносимо захотелось прикоснуться к нему. Или чтобы он прикоснулся.

Но он не стал.

Игвар чуть отстранился и прошептал ей прямо в губы:

– Я так и думал. Будешь скучать по мне?

А Олинн стало так стыдно за всё! За то, что вот он поманил, и она растаяла. И эти его слова, словно ножом, полоснули по сердцу. Она вздёрнула подбородок и произнесла жёстко, глядя Игвару прямо в глаза:

– Скучать? Нет, не буду! Ты, видно, забыл, как звал в беспамятстве женщину по имени Лирия. Просил её не уходить. Ты думал, что я – это она. Ты и руку мне целовал, думая, что это она. Надеюсь, ты и её вспомнил? Или память твоя возвращается, как тебе удобно? Наверное, где-то на юге Лирия ждёт тебя, а ты тут целуешь других девушек и зовёшь с собой на край света.

Игвар оттолкнулся от камня и сделал шаг назад. И его лицо вмиг стало непроницаемым, лишь в глазах засветилось снова что-то дикое, необузданное, что ещё в прошлый раз так сильно напугало Олинн. Она поняла, что сделала ему больно. Может, он не помнил этой Лирии, а может, вспомнил только сейчас, но эти слова его отрезвили, прошлись по нему, будто кнутом. Он шумно вдохнул, снова посмотрел на противоположный берег, а потом бросил коротко:

– Прощай, пичужка, – и зашагал по песку к реке.

Олинн даже сказать ничего не успела, как он нырнул в тёмные воды Эшмола и поплыл к противоположному берегу.

Глава 10.

Великие боги! Куда же он на ночь глядя! Там же бродят эти твари, они же его съедят!

Она подбежала к кромке воды, вглядываясь туда, где ещё недавно мелькала белая рубаша Игвара, но темнота сгущалась, и уже ничего нельзя было рассмотреть.

Неужели он не доплыл до берега? Он же был ранен, ну что за дурень! Зачем он это сделал?!

Она залезла на корягу и всматривалась в заросли на противоположном берегу. Но на берег никто так и не выбрался.

– Прощай... монах... или кто ты там, – пробормотала Олинн в растерянности, прижимая ладонь к губам.

Она даже не знала, что чувствует сейчас. Боль? Испуг? Сожаление? Или всё вместе?

И зачем она сказала ему про эту Лирию!

Но долго стоять и раскаиваться ей не пришлось, среди тёмных ветвей на той стороне реки внезапно вспыхнули и погасли зелёные огни. А потом ещё раз, чуть левее и ближе. И ещё... И она поклялась бы, что это были чьи-то глаза, которые смотрели прямо на неё.

Волки! Или призрачные гончие?!

Сердце сорвалось в галоп, Олинн соскочила с коряги и в панике оглянулась – куда бежать?! Карабкаться вверх по склону? Он такой крутой, что она не успеет выбраться до темноты. Там всё заросло, и взбираться придётся долго, да ещё и холм обходить. Вот только не хватало ей из-за этого монаха стать добычей каких-то неведомых тварей!

Она так разозлилась на Игвара, что, кажется, сама бы утопила его в реке! Но в тот же миг взгляд упал на кучу веток и топляка, наваленных у основания скалы. Олинн сразу вспомнила о тайном проходе под замком и бросилась туда, где за этими ветками находилась небольшая пещера в основании скалы. И не пещера даже, углубление за выступом, в котором пряталась приземистая узкая дверь. Там и находился тайный спуск из замка прямо к воде. За этой дверью – ступени узкой винтовой лестницы и её спасение! А главное, от этой двери у неё есть ключ на связке! Вернее, ключ-то от другой двери, но замок тут такой же, как и в одной из верхних кладовых! И этот ключ должен подойти.

Олинн взмолилась Луноликой, чтобы ключ подошёл, и побежала к скале. Она пробралась сквозь ветви и коряги и нырнула в темноту пещеры за каменным выступом. Дрожащими руками схватила связку ключей, благодаря богов за то, что кольцо оказалось так плотно пристёгнуто к поясу и ключи не утонули в реке, когда она падала. А то не твари, так эйлин Гутхильда убила бы её, наверное, за потерянную связку.

Она быстро нашла ключ, но долго не могла попасть в замочную скважину – было темно, а пальцы дрожали и совсем не слушались. И в тот миг, когда ключ, наконец, провалился в гнездо замка, Олинн услышала тот самый жуткий утробный вой, который донёсся с той стороны реки. Только в этот раз твари завывали все и сразу, а не по очереди, как в прошлый раз, и от этого воя даже воздух задрожал.

– Ох, Лунолика! Защити меня от всякого зла! – торопливо забормотала Олинн и налегла на ключ.

Замком очень давно не пользовались, и из-за этого ключ, хоть и поддался немного, но проворачиваться никак не хотел. От усилия, страха и обиды у Олинн даже слёзы выступили на глазах. Она услышала, как вой усиливается и будто перерастает в зловещий хохот, и от этого жуткого многоголосья всё внутри неё застыло. Захотелось сжаться в комочек и забиться в угол, надеясь, что эти твари её не найдут. Но потом, вслед за воем, раздался человеческий вопль, полный боли и страдания, и всё, что смогла подумать Олинн – звери добрались до Игвара.

И от этого ледящего душу крика в ней проснулись неведомые силы. Ладонь стала горячей, пахло раскалённым металлом, будто из дверей кузницы, и в тот же миг ключ со скрежетом провернулся, и дверь открылась.

Олинн почти не помнила, как толкнула её, забежала внутрь и дрожащими руками точно так же заперла замок. Ей казалось, она слышит шорох лап по песку и хриплое дыхание гончих, и не дожидаясь, пока неведомые твари доберутся до неё, бросилась вверх по неровным ступеням, отмахиваясь от липнувшей к лицу паутины. Было темно, но на узкой лестнице, где с трудом мог пройти один человек, разглядывать было нечего. Олинн хваталась пальцами за осклизлые стены, пронизанные корнями дерева, и нащупывала ступени ногами, спотыкалась и карабкалась, пока, наконец, не добралась до ещё одной узкой двери уже наверху. Судя по запаху, она поднялась куда—то на уровень конюшен и дворовых построек. Перевела дыхание и снова взмолилась Луноликой, чтобы ключ подошёл и на этот раз, а то так и придётся ночевать тут. Но верхняя дверь оказалась не заперта.

Олинн выбралась наружу, попав в сети сухого болотного плюща, копившегося на стене годами. Он густо оплетал стену в этой части крепости, нарастая слоями поверх отмиравших стеблей. Олинн, притворив дверь, привалилась к ней спиной, не в силах успокоить дыхание. И только когда сердце перестало биться в горле, выбралась из-под плющевого полога и оказалась под серебряным дубом. Тайный вход прятался в углу башни, в саду эрля, как раз за огромным узловатым стволом дерева. А она всегда думала, что вход находится где-то в покоях ярла.

Олинн пошла, пошатываясь и держась за стену, не чувствуя под собой ног и думая лишь о том, какая же странная у богов воля! Зачем она спасала Игвара?! Чтобы его разорвали на болотах какие-то жуткие твари?! Зачем он поплыл? Обидели её слова? Мог бы вернуться вместе с ней в замок и уйти утром.

И этот поцелуй. И то, что он сказал. Их странное прощание, и звезда на её руке...

Великая Эль молчала. И предчувствие не подсказало ничего.

Но в одном Олинн не сомневалась, что слышала предсмертный крик Игвара, и для одного дня было как-то слишком много смертей.

Ей было страшно. Не просто страшно, жутко. В голове осталась только пустота, и всё вокруг, казалось, происходит в каком-то страшном сне. Пальцы всё ещё сжимали ключ, но только сейчас Олинн ощутила, как сильно он согнут.

Неужели это она его согнула?!

Она торопливо вышла из сада эрля, остановилась у горящего над аркой фонаря и посмотрела на ключ. Его шток был скручен так, что стал похож на сверло. Олинн взглянула на свои ладони, но никакой звезды или сияния, или даже контуров рисунка на ней больше не было видно.

— Да что же это такое...

— Эйда Олинн? Эйда Олинн, это вы? — услышала она голос Бруны и обернулась. — А я с ног сбилась, ищу вас везде! Весь замок обегала, от подвалов до башен. Эйлин Гутхильда лютуют, велела вас из-под земли достать!

Бруна остановилась, держась за бок и пытаясь отдышаться.

— Что стряслось? — тревожно спросила Олинн.

— Ой, пропало что-то у эйлин Гутхильды! Да ещё кто-то колдовские знаки вырезал в хёрге, ох, не отдышусь никак! Да идёте же скорей, а то достанется и мне, и вам! Ой, что у вас с платьем-то? Вы же вся в песке да в тине! — Бруна устала на её платье.

— Это... долгая история, упала в ров... идём!

Она забежала в свою комнату, стянула мокрую одежду и бросила в угол. Не хватало ещё перед мачехой объясняться! Быстро расчесала волосы, заплела в косу, а Бруна всё это время стояла в дверях, перетаптываясь с ноги на ногу, словно боялась, что Олинн снова исчезнет.

— Ой, поторопились бы...

— А что за колдовские знаки? – спросила она, приглаживая ладонями волосы.

– Так эрль сказал! На серебряном дубе кто-то вырезал!

– Что? – у Олинн даже руки похолодели.

Только этого не хватало!

– Ага, и ещё что-то там жгли и черепки валялись. Не иначе колдун у нас завёлся в крепости! Эрль говорит, это он подманивает волков!

– Ну, ладно болтать ерунду! Идём, – махнула она Бруне и прихватила связку ключей, – чего стоишь?

– Ой, боюсь я, – пробормотала Бруна, поправляя на шее деревянные бусы, – достанется же вам сейчас.

– Мне? Чего это мне достанется? – удивилась Олинн, захлопывая дверь.

– Ключи-то и у вас, поди, были...

– Ключи? Какие ещё ключи?

– Так от сокровищницы-то.

– Да нет у меня таких ключей, – усмехнулась Олинн, – У меня только от кладовых да погребов. Так что пропало-то?

– Ой, кто бы знал! Какая-то драгоценность. Звезда какая-то из сокровищницы ярла. Серебряная что ли...

А Олинн почувствовала, как сердце совершило сумасшедший прыжок и забилось где-то в горле быстро-быстро. Она мельком взглянула на свои ладони и переспросила охрипшим голосом:

– Какая ещё звезда?

– Да кто же её знает! Я отродясь никакой звезды не видела, ни на эйлин Гутхильде, ни на её дочках! Да какая-то, видать, дорогая.

Но большего Олинн узнать не удалось, потому что они уже подошли к покоям мачехи. Оттуда доносились крики, и Бруна осторожно поскреблась в дверь, а как только разрешили войти, она отскочила в сторону, пропуская Олинн вперёд.

В покоях мачехи горели свечи, и комната была полна народу. Служанки выстроились в рядок вдоль стены, а у кровати застыли дочери эйлин Гутхильды. Сама хозяйка замка расхаживала напротив перепуганных служанок, похлопывая себя по ладони сложенным вдвое кнутом. И, обернувшись, она одарила Олинн таким тяжёлым взглядом, что стало понятно, не всё плохое за день ещё случилось.

Олинн быстро присела в полупоклоне, но не успела даже распрямиться, как к ней подошла мачеха и сдёрнула с её пояса связку ключей.

– Так может, ты у нас воровка-то, а? Болотное отродье?!

– Да что пропало-то?! – дрожащим голосом спросила Олинн.

– Кто-то забрался в сокровищницу, – услышала она позади себя голос и обернулась. – И стащил одну очень ценную вещь. Может, ты знаешь, кто это был?

Позади неё стоял ярл Римонд с хмурым лицом, и его взгляд тоже не сулил ничего хорошего.

– Я... я ничего не брала! – воскликнула Олинн срывающимся голосом. – Да у меня и ключа-то нет от сокровищницы!

– Зато остальные ключи есть! И от моих покоев тоже, – грозно ответила Гутхильда и махнула рукой Бруне. – Зови нашего эрля, сейчас выясним, кто это был! А ты отойди пока.

Гутхильда почти оттолкнула Олинн к стене, туда, где стояли её дочери.

– Великие боги! Линна! – зашептала Фэда, тоже прижимаясь к стене, подальше от света свечей. – Что у тебя с глазами?!

– С глазами? Да всё с ними нормально, – пробормотала Олинн, отмахнувшись.

Ну, поплакала она сегодня, чего уж там!

– Они же у тебя, как у кошки! – прошептала Фэда.

Но Олинн уже не слушала сестру, а рассматривала беспорядок в комнате. Повсюду разбросаны вещи, и у стены стоят несколько сундуков, разинув свои пасти-крышки. На кровати в беспорядке валялись соболиные накидки эйлин Гутхильды, и рядом стоял распахнутый ларец с жемчугом. А ещё дорогие платья были свалены в кучу прямо на полу, и всё это было похоже на очень спешные сборы.

Бегство...

У Олинн сердце ушло всё пятки. Неужели всё так плохо?!

– Что стряслось? – спросила она шёпотом Фэду.

– Не знаю. Матушка лютует, велела нам собираться. Отец хочет отправить нас всех на север к риг-ярлу в замок, как только лодки придут. Матушка пошла в сокровищницу и что-то там недосчиталась, – дрожащим голосом ответила Фэда, и Олинн увидела, как у неё на глазах блестят слёзы. – А я не хочу уезжать!

В комнату вошёл замковый эрль, положил на столик мешочек и, развязав его, высыпал в плошку что-то похожее на пепел.

– Ну-ка, все давайте сюда руки, – грозно произнесла Гутхильда. – Кто брал украшение, мы сейчас увидим.

И видя, как эрль пошёл вдоль девушек, окуная в плошку гусиное перо и проводя им по ладоням, Олинн подумала, что это, кажется, худший день в её жизни. Ведь она действительно брала в руки то самое украшение!

Маленькая Брунгильда начала плакать и икать, а в комнате повисла напряжённая тишина. Фэда, глядя на эрля, побледнела, попятилась и, подхватив на руки Брунгильду, спряталась у сестёр за спиной, подталкивая вперёд Селию. А Олинн даже испугаться как следует не успела, когда перо эрля коснулось её ладоней.

– Это она! – торжественно произнёс эрль, ткнув в неё пером.

И врать было бесполезно, потому что от пепла, который эрль нанёс пером на кожу, на её ладони засветился контур треклятой звезды, и весь мир рухнул на голову Олинн в один момент. Она только увидела вытянувшиеся лица служанок и прищуренный взгляд ярла Римонда, в котором она прочла свой приговор.

– Ах ты, дрянь! Болотное отродье! – прошипела эйлин Гутхильда, плётка взвилась в воздух и опустилась Олинн на плечи, но она даже боли не почувствовала. – Я говорила, продать надо эту девку! Воровка!

Наверное, мачеха исхлестала бы её кнутом до смерти, но во дворе затрубил горн, и ярла Римонда срочно потребовали вниз – прибыл гонец.

– Заприте её в кладовку, – бросил ярл грозно. – Никому её не трогать, никому к ней не подходить и никому с ней не разговаривать. Или шкуру спущу! Я сам её допрошу.

Он развернулся и быстрым шагом направился прочь. А Олинн показалось, будто она провалилась в какую-то пустоту, настолько всё вокруг стало нереальным. Всё как в дурном сне и происходит не с ней, а с кем-то другим.

Её подхватили под руки и потащили в коридор, а эйлин Гутхильда кричала вслед, как расправится с подлой гадюкой, которую пригрела груди. Брунгильда истерически рыдала, во дворе истошно лаяли собаки...

А потом зазвенели ключи, и Олинн втокнули в пыльную темноту кладовой с зерном. Дверь захлопнулась, и звуки стали доноситься глухо. Где-то ещё протопали тяжёлые башмаки, снова загремела связка ключей, и всё совсем стихло.

Олинн некоторое время стояла, вслушиваясь в тишину, а потом опустилась на мешок с зерном, закрыла лицо руками и расплакалась.

Часть 2. Король Глава 11.

Сколько дней она провела в кладовой? Олинн сбилась со счёта. Может, неделю, а может, больше. Все они слились в один и перепутались. Её кормили и поили, даже тюфяк принесли, но и только. В тот же вечер, когда её отправили под замок, ярл Римонд ускакал на Перешеек, а его приказ в отношении Олинн никто нарушить не смел. Никто с ней не разговаривал, да и не приходил, кроме приставленной к ней служанки. А та тоже была молчалива, боялась ослушаться хозяина. Вот и сидела Олинн в темнице в ожидании того, когда же вернётся отец, чтобы допросить её и наказать.

Сначала, конечно, поплакала вволю о своей горькой судьбе и несправедливости. Но потом слёзы высохли, и она задумалась, что же делать дальше? Рассказать отцу правду? О странном монахе и украшении, которое исчезло на её ладони? Её накажут, и думать нечего! За то, что сразу не рассказала о божьем человеке с болот. И за то, что в замок его привела, тоже. А в историю про исчезнувшую звезду и вовсе не поверят. Да ещё эти волки и колдовство в хёрге, а ведь она там была! И знаки на дубе, и черепки, которые нашёл эрль, это остатки её бутыли. И если с черепками понятно, то кто мог вырезать знаки на дубе? Но тут и думать нечего – Игвар! Именно этим он и занимался, когда она пришла туда. Видимо, она ему помешала.

Оставшись в одиночестве, не загруженная круговертью хозяйственных дел, Олинн смогла, наконец, осмыслить всё, что произошло. И, обдумывая все события, она поняла, как много странного было в Игваре с самого начала, а она и не заметила сразу, ослеплённая то ли заботой, то ли зеленью его глаз...

Лягушка она глупая! И доверчивая!

Наверное, про свой плен у короля он соврал. Так его история выглядела жалостливее, а Олинн и поверила. И про Олруд её расспрашивал как ни в чём не бывало. А сам до этого как-то пробрался в замок и выкрал из сокровищницы эту звезду. Или кто-то выкрал её и ему отдал. Но кто? Да какая разница! В замке он уже точно бывал, а перед ней притворялся, что ничего не помнит.

Подлец!

И в том, что он притворялся, она теперь несколько не сомневалась. Почему она сразу этого не заметила? Того, как он с лёгкостью называл её пичужкой, будто знал! А ведь так её звал только Торвальд. Но, когда Игвар очнулся, Торвальд уже уехал. Ну не мог же монах сам придумать точно такое же слово! Нет, конечно. Значит, знал заранее, кто она такая. Значит, был в уже в замке и слышал его. И может даже в замке у него есть сообщник, где-то же он взял новую одежду?

И то, что он её обманул, почему-то ранило очень сильно.

Олинн вспоминала поцелуй и злилась на себя за то, что позволила себе быть такой беспечной и глупой. И что растаяла от его поцелуя, как... Она не знала, как кто, но почти ненавидела себя за ту короткую уступку своей слабости. За своё сострадание и веру в людей. Торвальд был прав! Зря она его не послушала!

Теперь ей это может стоить свободы, а то и жизни. Мачеха уж точно нажужжит отцу про неё всякого. А ярл Римонд нынче ой как не в духе! И хорошо, если её просто выпорют, как дворовую девку, а ведь могут и в рабство продать. Эйлин Гутхильда может убедить ярла в этом. А то и ещё что похуже придумает.

Даже если она расскажет правду, толку-то? Всё вместе будет выглядеть так, будто она специально помогала врагу. И как же она умудрилась влипнуть в такую историю, как мошка в мёд?! Может, стоит бежать из Олруда? Вот только куда? Да и как? Стены в кладовой толстые, и стерегут её хорошо.

И, с одной стороны, Олинн с ужасом вспоминала, как Игвар прыгнул в реку, а потом тот вой и крики, и ей было жаль его. А с другой стороны, ведь если бы не он, то не сидела бы она сейчас под замком. Но, как ни крути, он всё равно не заслужил такой смерти – в пасти жутких тварей с болот. И то ли это была грусть, то ли разочарование от того, что всё так закончилось, то ли злость на себя, что она оказалась такой беспечной – Олинн и сама не знала. Но почему-то подумала, а что, если бы она согласилась в тот вечер уйти с Игваром? Что было бы дальше?

Она сложила несколько мешков с ячменём, один на другой, и, взобравшись на них, целыми днями сидела у маленького оконца, которое выходило на реку и восточную башню замка. Сквозь него был виден кусочек дороги, ведущей на юг. И по тому, как сновали туда-сюда всадники, или приближались обозы, Олинн могла предполагать, что происходит. В какой-то день привезли раненых, и две дружины усаkali на юг, видимо, ярл призвал к оружию всех, кто ещё оставался в замке. А до этого бесконечной вереницей тянулись в замок подводы из соседних деревень, груженные всяким скарбом – крепость готовилась к осаде.

Потом вернулся её брат Харальд. Она видела отряд и слышала, как перекликались его хирдманы. Видимо, ярл решил доверить охрану крепости сыну, а сам остался на Перешейке. Но с приездом брата для Олинн ничего не изменилось. Если Харальд и знал о том, что она сидит под замком, то либо соблюдал распоряжение отца, либо ему до этого не было никакого дела.

Так что у Олинн из всех развлечений были только это оконце, кошка, что охраняла запасы зерна от мышей и крыс, да пара голубей, чьё гнездо было чуть повыше кладовой. Нет-нет, да и перепали им оброненные зерна, вот они и обжились здесь. Она подбрасывала им зёрнышки, так что птицы совсем перестали её бояться и бродили по краю подоконника, воркуя и выпрашивая угощение.

С той ночи, когда Олинн посадили в кладовую, полная луна стала особенно яркой. Вставала уже за полночь и наливалась золотым светом, будто в насмешку. И Олинн долго вглядывалась в сумрачную даль болот, но страшного воя больше не было слышно. То ли, убив вёльву и Игвара, жуткие твари получили, что хотели, то ли ушли сами по себе, этого она не знала. Но теперь всё успокоилось, и лишь тревожное предчувствие продолжало нарастать с каждым днём. А дым на горизонте, что появился пару дней назад, лишь подтверждал худшее...

Сюда, в кладовую, ветер не доносил запахов, да и ветра уже которую неделю не было. Погода по-прежнему стояла ясной и жаркой, застывшей в одной поре, как будто северные боги отвернули свой взор от Илла-Марейны. И эта жара была гнетущей и тяжёлой, пропитавшей всё вокруг и утопившей в себе Олруд, как в капле мёда.

Но этой ночью тревожное предчувствие разбудило Олинн даже раньше, чем она почувствовала запах дыма и услышала гулкий звон колокола. Она бросилась к оконцу, забралась на мешки, жадно вглядываясь в предрассветный густой сумрак, но так и не могла понять, что происходит. Луна уже добралась почти до горизонта, и была самая глубокая, предутренняя часть ночи, когда сон наиболее крепок. Олинн всматривалась в серую дымку, но ни на дороге к замку, ни на подступах никого не заметила. И даже воды Эшмола были спокойны, никаких лодок. Но, судя по крикам и звону мечей, внутри замка шёл бой. И, похоже, что этого внезапного нападения никто не ожидал.

Олинн увидела цепочку факелов, движущихся по стене крепости, и, слыша звон клинков, не понимала только одного: кто и с кем дерётся? Днём всё было спокойно, вокруг никого, ворота заперты, и если враги проникли в крепость, то как?!

Но бой шёл недолго. В замке оставался лишь небольшой отряд Харальда, а врагов, по-видимому, было много. И когда на рассвете Олинн увидела, что на восточной башне больше не развевается штандарт Олрудов, а по стене ходят люди в кольчугах и зелёных плащах, то поняла, что замок пал. И почти сразу над башней взвился новый штандарт – зелёное дерево на белом фоне. Герб короля Гидеона.

Весь день Олинн промаялась, металась от двери к окошку, пытаюсь понять, что происходит, даже в дверь стучала, но после ночного боя в замке стояла подозрительная тишина. Ближе к вечеру раздался лязг цепей, опустился мост, и по дороге на юг устремился небольшой отряд всё в тех же зелёных плащах.

А вслед за этим к ней пришла Ульре. Старая экономка раскачивалась, как гусыня, и оказалась слегка навеселе, видно, что хлебнула мёда, и немало. На голове у неё был намотан старый шерстяной платок, и такой же повязан на поясицу, и от ходьбы по лестнице покраснелись щёки. Она отперла дверь, гремя огромной связкой ключей, и кликнула Олинн.

– Выходи уж! Насиделась.

– Что случилось?! – воскликнула Олинн, стремглав выскочив в коридор.

Оглянулась и увидела, что внизу у лестницы стоит мужчина в кольчуге, с гербом Гидеона на наручах.

– Новые хозяева у нас, – буркнула Ульре, запирая кладовую и демонстративно потирая рукой поясицу. – И дел по горло. Так что мне помощница нужна, а то я уж с ног сбилась за сегодня, спину ломит так, что того и гляди, упаду. Платок надень, – Ульре подмигнула ей и сунула в руки старый дырявый платок. – Подумаешь, ты лишний кусок взяла с кухни! Тармол уж что-то разлютовался, хромой пень! Посидела, и хватит, думаю, поняла уж всё! А нам велено готовить пир, скоро прибудет сам король, а я тут не набегаюсь одна. Пошли.

Последние слова она произнесла нарочито громко, чтобы воин на лестнице точно услышал.

– Ну, чего застыла? Идём! – Ульре подтолкнула Олинн, и сама заковыляла следом.

Олинн понимала, что Ульре пошла на обман, чтобы её освободить. Но новым хозяевам, наверное, всё равно, как там младшая экономка обкрадывала ярла, пирожок взяла с кухни или забралась в сокровищницу, так что... можно сказать, что ей даже повезло.

– Спасибо! – шепнула Олинн, когда они спустились по лестнице к кухне.

– Ладно тебе благодарить-то. Ещё не знаю, что будет дальше. Платок вон на голову намотай, да посильнее, а то ходят тут эти – зыркают, – Ульре втокнула её в кухню и закрыла дверь.

Лицо у Олинн было грязным, всё в муке и пыли, но Ульре советовала ей не умываться, походить замарашкой и дала ещё драный, заляпанный передник длиной почти до пола, который скрывал фигуру. Так она меньше привлечёт внимание чужаков.

В кухне было полно народу, и все шептались, обсуждая то, что произошло. Ульре сунула ей кусок хлеба и миску похлёбки, но когда Олинн услышала подробности захвата замка, то у неё едва ложка не выпала из рук. Главная кухарка, толстая Искерд, зловещим шёпотом поведала ей, как южане проникли в замок посреди ночи, бесшумно, как нетопыри. Они пробрались по тайному ходу с реки, прямо наверх, к покоям ярла, и напали на стражу. И что в этот момент в замке всё ещё находились Эйлин Гутхильда и её дочери. Они должны были уплыть, но риг-ярл Освальд обманул Белого Волка, и лодки ни за кем не прислал. Пока ярл Римонд бился на Красном пороге, коварный Освальд подписал с королём Гидеоном мировую, отдав ему Олруд и Бодвар, и всю южную часть Илла-Марейны в обмен на то, что дальше его войска не пойдут. Может, риг-ярл так хотел избавиться от соперника, а может, и правда, король Гидеон так силен, как он нём говорят.

Так что Эйлин Гутхильда и её дочери сидят теперь, запертые в своих покоях, и Харальд тоже под замком. А отряд южан поехал к Перешейку вести переговоры с ярлом Римондом об условиях сдачи. Дальше бойня стала бессмысленной: замок пал, воинов ярла Римонда окружили, и сдаться на милость победителя стало самым разумным выходом. Но если Белый Волк не согласится на мирные условия, то всю его семью повесят на воротах, а Олруд сожгут дотла.

– Ох, Лунолика! – только и пробормотала Олинн, прикрывая рот ладонью.

– Да, да! Приказ зачитывал во дворе их командор Грир, я сама слышала, – добавила Искерд, – ох, уж он и суров! Всех мужчин запер в подвале, везде своих стражей понатыкал,

одни мы тут остались, а сам ускакал на юг, к королю. А тут остался его прихвостень. Да вон он, разгуливает по стене тетеревом, весь из себя такой, красуется, – Искерд указала деревянной ложкой в распахнутое окно, – Брендан Нье'Риган его звать, и наша дурочка Айслуд уже на него глаз положила. Сказала, что ей всё едино, что Олруды, что Риганы, потому как она всё равно рабыня. Как бы в постель к нему уже не залезла! А он может натешится с ней, да потом кишки ей выпустит, хотя... командор Грир сказал, что никого не тронут в замке, если ярл присягнёт королю. Что король справедлив и милосерден. Вот мы тут и ждём, как там всё обернётся. Да сказано готовить еды впрок, будет пир, и вроде как сам король сюда пожалует, так что нечего тут топтаться, – рыкнула она на своих помощниц, слушавших этот рассказ по пятому разу. – Рыбу чистите! Боги великие да защитят Олруд от всех напастей, и вразумят нашего ярла! Нам всё одно, на кого работать, лишь бы обошлось без бойни. А этот тетерев притащил святого отца, и тот поведал, что со всех, кто обратится к истинному богу, снимут рабские ошейники. Да вон он всё ещё бормочет что-то на стене.

Искерд снова махнула ложкой. Святой отец в коричневой рясе стоял на площадке перед башней и что-то рассказывал собравшимся вокруг. В одной руке он держал хольмгрег с солнцем, а в другой – свиток и так истово размахивал руками, будто ветреная мельница крыльями. А Олинн подумала, что ведь, и правда, работают на кухне и по хозяйству сплошь трэлы* – рабы ярла. Кого с юга пригнали, кого с востока, а кто сам продался в рабство за долги. Им без разницы, каким хозяевам прислуживать. Так что не удивительно, что никто тут не горюет о поражении. А уж рабы-южане, те и вовсе рады-радехоньки и все собрались подле святого отца. Для них король – освободитель.

Но больше всего её ужаснуло другое. Захватчики пришли через тайный ход с реки, через тот самый, которым и она поднималась наверх. Неужели она не заперла дверь?! Заперла ведь! Нижнюю дверь заперла, а верхняя так и была открыта. Но старший хирдман следил за всем, как же так? И почему она была открыта?

В суматохе тех событий она совсем об этом забыла, а ведь надо было про это сказать!

И нехорошее предчувствие снова шевельнулось в груди. Неужели кто-то видел, как она зашла в ту дверь с реки? А что, если это твари с болот, которых наслала колдунья? Если они могли увидеть... Они хоть и звери, но ведь и не совсем звери... Они могли донести своей хозяйке или хозяину... А это значит, что, может, она стала причиной того, что замок пал?!

– На, хлебни немного, – Ульре протянула ей кружку, и Олинн жадно отпила.

Горячий хмельной напиток покатился по горлу, и она закашлялась.

– Ладно, хватить тут вздыхать, – буркнула Ульре, – уж постарайтесь новых хозяев не гневить, да поменьше болтайте. А ты пошли со мной, дел у нас и впрямь полно, в гору некогда глянуть, а уж ночь скоро.

Всех мужчин отправили под замок, и в крепости свободно могли ходить только женщины, дети и старики. Ульре сказала, что и Торвальд вернулся, и что он тоже со всеми сидит в подвалах. И это была первая радостная новость за все эти дни. В подвал посадили даже хромого стиварда, и Ульре осталась за главную, поэтому дел у Олинн сразу появилось столько, что крутись, как хочешь.

До своей комнаты она едва добралась к полуночи и упала в кровать, не чувствуя ног от усталости. Всё обернулось неожиданно и очень странно. Теперь ей нечего было опасаться допроса и наказания от отца. Новым хозяевам замка до младшей экономки не было никакого дела, а о том, что она дочь ярла, пусть и незаконнорожденная, никто из дворовых и слуг упоминать не стал. И это неожиданное спасение сильно озадачило Олинн. Весь вечер, несмотря на заботы и беготню, её не покидали мысли о загадочной звезде, что растаяла на её ладони. Как она попала в сокровищницу? Кто её взял и отдал Игвару? И почему она преспокойно висела у него на груди, а как только она к ней прикоснулась, то исчезла? Почему именно на её ладони?

После того, как угроза расправы перестала висеть над Олинн, её мысли потекли совсем в другом направлении. И она решила узнать, откуда вообще взялось это украшение. И если она выяснит, то уж потом можно будет узнать, и что у него за странные свойства. Она вспомнила браслет на руке Фэды и то, что узор на нём был чем-то похож. Сестра говорила, что отец Хельда привёз его с юга, так может, и звезда родом оттуда же? Может, отец привёз её из очередного похода? Тогда, наверное, Торвальд должен знать, откуда она взялась. Как только его освободят, ей нужно поговорить с ним об этом.

**Трэлл (др.-сканд. þræll) – термин, использовавшийся в скандинавском обществе в эпоху викингов для определения социального статуса человека как раба. Трэллы были бесправным низшим сословием и использовались в качестве домработников, разнорабочих и для сексуальных утех.*

Глава 12.

На следующее утро она встала чуть свет и сновала туда–сюда, отпуская из кладовой продукты, и следила за подготовкой комнат для гостей. А комнат понадобится много, потому что командор Брендан Нье'Риган был уверен: ярл Римонд примет условия короля. А значит, скоро здесь будет полно гостей.

Сам командор посмотрел на Олинн как на пустое место. В этом ужасном необъятном фартуке, с лицом, перепачканным мукой, сажей и пылью, и в старом платке, намотанном на голову, она была похожа на одну из рабынь ярла. Но Ульре сказала, что это и хорошо. Хоть воины-южане и не бросились насильничать, но кто знает, как всё пойдёт дальше.

Командор был красив, хоть и черноволос. Не удивительно, что все рабыни и дворовые девицы заглядывались на него. Его синие глаза и статная фигура заставляли девушек, идущих по двору с корзинами, замедлять шаг и выпячивать грудь. Видно было, что все они не прочь получить свою долю внимания от красавца-южанина.

А ещё Олинн удивилась тому, что воины-южане не пили безмерно эль и не покидали своих постов, зорко наблюдая за тем, что происходит в крепости. В отличие от них, хирдманы ярла Римонда, захватив богатую добычу, уже вселились бы от души.

Олинн посмотрела на командора и почему-то подумала, что у ярла, и правда, нет выбора, кроме как согласиться на предложение короля. Ведь всё, что ему дорого, всё это осталось здесь, в крепости. Его единственный сын, жена, дочери, его сокровища и сам замок, и, если король уничтожит всё это, как обещал его командор, что останется у Белого Волка? Одним ударом король обезглавил своего заклятого врага. Ударил Белому Волку прямо в сердце.

А на следующий день пришли новости – война закончилась. Ярл сдался, и Север проиграл.

У Красного порога воины ярла сложили оружие, Север и Юг подписали мирный договор, который называли Серебряная скрижаль. Отныне граница подвинулась далеко за Перешеек на север, а земли нескольких ярлов, в том числе Олруда и Бодвара, отошли под протекторат короля Гидеона. И, чтобы сохранить жизнь своему сыну, в качестве дани ярл Римонд Олруд пообещал королю в жёны свою красавицу-дочь. А вместе с ней в приданое – обширные северные земли – дорогу, ведущую в Серебряную бухту.

Эта новость облетела вмиг весь замок, а Олинн подумала: ну надо же, как всё обернулось! Фэда станет королевой! И, наверное, это хорошо. Тогда война закончится, и Олруду нечего будет бояться. Вот только Фэда влюблена без памяти...

И вечером Олинн пошла сама отнести ужин сестре, чтобы с ней поговорить. Она знала, что несчастная Фэда будет вне себя от горя.

Всех детей ярла Римонда заперли в разных комнатах, и у каждой стояла охрана. Слишком уж велика была ценность этих заложников. Но воин, охранявший дверь в комнату Фэды, молча отпер двери для служанки с подносом еды и заглянул только под полотно, которым был накрыт ужин.

Когда Фэда узнала Олинн, она бросилась ей на шею, едва не перевернув плошки и миски с едой. Лицо у неё осунулось, и под глазами залегли глубокие тени. Она плакала и плакала, и никак не могла успокоиться. Олинн составила миски на столик и, погладив Фэду по плечу, села рядом на кровать и произнесла тихо:

– Ну не плачь, не плачь! Всё могло ведь обернуться куда хуже. Нас могли убить, замок могли сжечь, но мы все живы. И твой отец, и брат. А ты... ты станешь королевой, представляешь?! Не плачь... Поешь лучше, ты такая бледная.

– Да не могу я есть! Убери, пожалуйста! – отмахнулась Фэда, отталкивая поднос.

– Ну хватит тебе... Ты жива – это главное. А с риг-ярлом, видишь, как вышло – он нас предал. А уплыла бы ты в Эгельстайн, могло ведь всё ещё хуже обернуться! Выйти замуж за короля – это не самое ведь страшное, – успокаивала её Олинн.

– Я не могу выйти замуж за короля! Ты не понимаешь, Линна! Не могу! – воскликнула Олинн срывающимся голосом. – Лучше в реке утопиться!

– Ну что ты сразу топиться! Хватит уже! – Олинн отбросила с её плеча растрепавшиеся волосы. – Давай я тебе косу заплету, хватит плакать.

– А что мне делать? – Фэда оторвала от заплаканного лица ладони и произнесла, едва сдерживая рыдания: – Только в реку со стены! Я беременна! Линна! Понимаешь?! Когда отец узнает... когда король узнает... меня же просто убьют! Отец сам меня убьёт!

– Что?! – удивлённо воскликнула Олинн, выпуская волосы Фэды из рук. – Ты и Хельд... Фэда! Ох, Лунолика! Да ты с ума сошла?!

– Мы же должны были пожениться! Завтра! Завтра Рябиновый день! Линна, я люблю его, я не пойду замуж за короля! Лучше брошусь в реку! Я хотела сбежать, – зашептала она, хватая Олинн за запястье, – Хельд всё подготовил и весточку мне прислал. В зарослях спрятал лодку для меня. Он сказал, что ярл Римонд не одобрит наш союз и мне надо бежать. Он хотел сам присягнуть королю Гидеону после того, как его отец и брат погибли. Но он знал, что после такого наш отец не согласится на этот брак, – взахлёб рассказывала Фэда. – Матушка всё надеялась, что придут лодки от риг-ярла, а я хотела в ту ночь сбежать. Но лодки не пришли. А ночью замок захватили! И я не успела! Что мне теперь делать, Линна?!

– Хельд Бодвар и так присягнул королю, – негромко ответила Олинн, глядя на сестру с сочувствием, – как и наш отец. Но ты гарантия союза, гонец зачитывал бумагу. Король хочет, чтобы его право на эти земли было подтверждено ещё и родством, и тебе дадут самое богатое приданое на севере – земли до Серебряной бухты... Ах, Фэда! Ну как же так?! Что же ты наделала?!

– Что я наделала?! А что я наделала? Я всего лишь хочу выйти замуж за того, кого люблю! Или лучше мне и не жить вовсе! Я не пойду замуж за проклятого Гидеона! – Фэда вскочила и принялась ходить по комнате из угла в угол, то снова начиная рыдать, то пытаясь заплетать косу.

А Олинн сидела и думала, что в этом есть и её вина. Это она научила Фэду незаметно для матери ускользать из замка через хозяйственный двор, так что никто и не знал. Вот и пожалуйста! А Хельд... Он просто мужчина, а мужчинам нет дела до женских проблем. Они думают одним мгновением и берут то, что хотят здесь и сейчас. А что будет завтра, им всё равно. Но в одном Фэда права – отец собственноручно убьёт её за такое.

После всех поражений, после унижений и такого опустошительного выкупа ярл Римонд не вынесет ещё одного позора. А ведь Фэда – его любимая дочь. И таким всегда достаётся самая суровая кара за предательство.

– Что мне делать, Линна?!

– Ты говорила кому-нибудь? – спросила Олинн, устало посмотрев на сестру.

– Нет, что ты! Это же такой позор! Нет, Линна, я никому не скажу, и ты не говори! Когда меня поведут к королю, я просто прыгну со стены, – прошептала Фэда, безвольно беря в руки щётку и пытаясь расчесать волосы. – Вон моё окно, оно как раз выходит на реку. Пусть все думают, что я не хотела предавать Север.

И, глядя на то, в каком отчаянии находится её сестра, Олинн подумала, что Фэда, и правда, может так сделать. Ведь умереть от руки собственного отца, опозорив себя, семью и весь род, это то ещё наказание. А так, все будут думать, что она просто не захотела стать женой захватчика. И северяне будут гордиться своей смелой дочерью.

– А Хельд знает? – спросила Олинн, вставая и подходя к сестре. – Он бы тебя защитил?

– Конечно! Это он предложил бежать, сказал, что если присягнёт королю Гидеону, то в его замке мне нечего будет бояться, – ответила Фэда и горько вздохнула.

– Ну, тогда ещё не всё потеряно, – Олинн подошла вплотную к сестре и прошептала: – Я знаю, что можно сделать. Садись и слушай. Только рыдать перестань.

– Побег?!

– Т-с-с-с! – Олинн приложила палец к губам и добавила шёпотом: – Ну, это же лучше, чем прыгать в Эшмол. Утопиться ты всегда успеешь.

Лицо у Фэды сначала вытянулось от удивления, когда она выслушала то, что придумала Олинн. А потом она снова вскочила и принялась ходить по комнате, шёпотом озвучивая вслух детали побега.

– Если вечером... да... Я скажу, что мне надо искупаться... Служанок позовём... Пусть таскают воду... Все будут ходить туда-сюда... И платья... Скажу, чтобы наряды приносили и украшения... Всё-таки невеста короля! – она посмотрела на Олинн, и лицо её повеселело. – А потом...

– ... а потом ты наденешь вот это, – Олинн указала пальцем на платок и провела ладонями по фартуку, – и выйдешь с ворохом платьев или с бадейкой, будто служанка. Главное, чтобы мимо стражника мельтешило побольше народу. Только вот для начала ты должна перестать рыдать. Пусть все думают, что новость тебя порадовала. Стать женой короля – это лучшее, что ты могла себе представить! Ты должна сильно радоваться. Вели служанкам достать все самые лучшие наряды и будь весёлой. Спроси стражника, красивый ли его король и какой у него замок. А я сейчас принесу ромашки, клюквенного морса и капустного листа. Надо привести в порядок твоё лицо. Невеста короля не должна быть такой заплаканной и опухшей. Гости придут уже завтра, так что всё надо сделать сегодня.

Фэда бросилась Олинн на шею, едва не взвизгнув от радости.

– Только смотри, не попадись страже. Они теперь повсюду. И никому не проболтайся, у Бруны слух, как у совы.

– Я знаю, знаю! Я ускользну так, что никто и не заметит. Не в первый раз!

А Олинн подумала, что зря она когда-то научила Фэду убегать из замка незамеченной. Знала бы, что она и Хельд... Но теперь уж чего сожалеть!

И хотя крепость сейчас охраняется с удвоенной силой, но от врагов, от мужчин с оружием. А дворовой девушке с корзиной капусты или очистками прошмыгнуть мимо стражей будет легко, никто её не спросит. Главное – пробраться на хозяйственный двор, где сейчас полно беженцев из окрестных деревень. Там сейчас проповедники рассказывают всем об истинном боге, а обозы собираются возвращаться обратно. Оттуда уйти будет проще простого.

– А в кровать уложим подушки, чтобы было похоже на то, что человек спит, только вот волосы...

Олинн окинула взглядом растрёпанную сестру и вспомнила, как они делали кукол для маленькой Брунгильды.

– ...я сейчас принесу лён от пряжи, заплетём в косу с лентами и уложим на подушку, а сверху чепец, в него тоже лён напихаем, чтобы казалось, будто это голова. Будто ты спишь. Ленту только вплести в косу сейчас, чтобы видели, – добавила Олинн, отойдя к двери и разглядывая кровать.

– Конечно, конечно! Линна! Что бы я без тебя делала! – воскликнула Фэда и снова бросилась обниматься. – А если не получится?

– Получится, – твёрдо ответила Олинн. А теперь я пойду, нам надо всё успеть. Как выберешься, я спрячу тебя в кладовых, а на рассвете ты должна уже покинуть крепость, пока служанки не придут тебя будить.

Но в душе Олинн даже не надеялась, что всё получится так складно. Не думала, что окажется так просто обвести стражника вокруг пальца. И особенно удивилась тому, с каким вооду-

шевлением Фэда бросилась гонять туда-сюда служанок. Никогда не видела, чтобы её сестра так умела приказывать. Ну просто вылитая эйлин Гутхильда!

Ей притащили огромную лохань и нагрели воды, принесли мяту, и мёд, и овсяную муку, чтобы тело оттереть, как следует. А ещё сока от квашеной капусты для белизны кожи и отвар ромашки, чтобы придать волосам золотого сияния. А Фэда, сидя в лохани, только раздавала указания, то принести, это унести, позвать то одну служанку, то другую. И всем говорила, что теперь она – невеста короля! Велела одной из служанок принести тальхарпу и играть, пока она нежится в лохани. Потом девушки принялись бегать с нарядами и украшениями, а Фэда только и успевала покрикивать на них за бестолковость, да так, чтобы стражник за дверью слышал и видел, с каким воодушевлением невеста готовится к встрече с будущим женихом. Видя такую суету, стражник даже отошёл подальше от своего поста и уселся в нише, чтобы не мешать беготне. И хотя поначалу проверял всё, что приносят, но, когда услышал, как на радостях Фэда поёт, совсем успокоился и перестал заглядывать в каждое ведро. Фэда потом ещё выглянула, специально перебросив косу с лентами на грудь, и поманила стражника пальцем. Он сперва взялся за меч, но она спросила его о том, красивый ли король Гидеон и какой у него замок, и стражник даже как-то растерялся. Что-то буркнул и ушёл назад на свой пост.

А в это время Олинн под ворохом платьев принесла в комнату сестры свою одежду, и платок, и ещё один огромный фартук. И когда час настал, Фэда, нарочито громко заявив, что собирается выспаться, как следует, чтобы завтра у неё был свежий цвет лица, велела всем убираться. Олинн быстро спрятала под одеяло ворох платьев, чтобы было похоже на спящего человека, приладила чепец, набитый паклей, и льняную косу, пока Фэда переоделась в её платье. А потом намотала ей на голову огромный платок и надела поверх бесформенный фартук. И, уже стоя перед дверью, Фэда испугалась и беспомощно взглянула на Олинн. Но та сунула ей в руки бадью, повесила на плечо мокрые простыни и подтолкнула к двери, шепнув:

– Голову опусти и смотри в бадью! Да торопись.

А сама подхватила несколько платьев и ведро, выскользнула за дверь следом, не забыв задуть свечи и громко сказать на пороге:

– Добрых снов, эйлин Фэда! Мы все будем молиться о благополучии вашего брака!

Стражнику она сказала, что эйлин Фэда легла спать и просила, чтобы никто её не будил – ей нужно завтра выглядеть хорошо перед будущим женихом. К тому моменту, как стражник запер дверь в покои, настоящую Фэду Олинн спрятала в той самой кладовой, где ещё позавчера её саму держали взаперти. А на рассвете Фэда ускользнула из замка вместе с обозами, которые отправились обратно по деревням, развозя беженцев после новостей о мире.

Глава 13.

Когда в замок пожаловали гости, все сразу же высыпали на стены, всем хотелось увидеть самого короля Гидеона. И Олинн из-за своего маленького роста только и могла, что подсмотреть кусочек процессии, втиснувшись между чьими-то локтями. Стража отогнала всех рабов и слуг подальше от внутреннего двора, вот и пришлось им лезть на стены, и сидеть там, будто воронам, наблюдая за происходившим.

Сверху было видно, как движется большой отряд южан, растянувшись длинной зелёной гусеницей. Кольчуги поблёскивали на солнце, и на древках копий лениво повисли штандарты короля Гидеона.

Олинн глянула на небо – впервые за сколько дней оно затуманилось, выцвело. Дымка поползла с востока, затягивая далёкий горизонт и сгущаясь, а жара только усилилась, и это говорило о том, что гроза уже близко. Наконец-то Луноликая Моор-Бар услышала их молитвы! И Олинн подумала, что стихия придёт нешуточная, после такой-то жары. Но, конечно, уже поздно для Олруда.

Брендан Нье'Риган очистил и хозяйственный двор замка, отправив всех оставшихся беженцев за пределы крепости, а сам ходил вдоль своих воинов, построенных в ряд. Ни дать, ни взять журавль, что бродит по болоту в поисках лягушек – прямой, как шест, и важный, он то и дело клал руку на рукоять меча, будто проверяя, на месте ли тот. Видимо, волновался, готовясь к встрече с королём. Сегодня на башнях стояло вдвое больше лучников, и у ворот охрану тоже усилили. И едва процессия въехала в замок, мост сразу подняли, а ворота заперли.

Олинн пыталась рассмотреть короля, но не могла понять, кто он. Впереди процессии ехали несколько воинов и ярл Римонд – Олинн узнала его по белым волосам и одежде. С ним не было никого из его хирдманов, а остальные воины-южане были все одинаковые, как горошины в стручке: в кольчугах и зелёных плащах с гербом. И среди них Олинн не увидела никого, хотя бы отдалённо напоминающего короля. Король, он ведь должен быть в красной мантии и в золотой короне, а рядом с ним должна ехать его сестра – колдунья с алыми волосами. Именно таким, по рассказам тех, кто вернулся с Перешейка, короля представляли все обитатели замка.

Брендан Нье'Риган поклонился одному из воинов, ехавшему впереди процессии рядом с ярлом. Но это был точно не король, а, скорее всего, командор Грир, потому что никакой красной мантии на нём не было, а лишь такой же, как у остальных, плащ, да кольчужный капюшон на голове. Рядом с ним на коне восседал какой-то коротышка в красной рубашке. Он был без кольчуги, только в лёгком нагруднике, беспокойно ёрзал в седле и озирался по сторонам, разглядывая замок и почёсывая макушку. И он спрыгнул на землю первым, принял ковш с мёдом из рук служанки и, бросив конюшему поводья, жадно выпил напиток до дна. А Олинн подумала, что этот коротышка, хоть важная птица, уж больно нагло себя ведёт, но всё равно это не король. Король никак не может быть таким маленьким и кривоногим.

Слуги громко перешёптывались, пытались угадать, где же Гидеон, но вскоре снизу прибежал сын кухарки и рассказал, что к чему. Оказалось, что король не приехал, а на смотрины прибыл только его эмиссар, который и заберёт с собой эйлин Фэду. А король соизволил остановиться у Бодваров, потому что они присягнули ему на верность раньше и пригласили посетить замок. Так что пира никакого не будет, но отряд надо накормить и разместить на постой. В замке Олруд теперь встанет гарнизон южан для охраны торгового пути в Серебряную бухту. Так что всем велено отправляться на кухню, а не глазеть тут без дела.

Но слуги лишь отмахнулись и продолжили разглядывать действо во дворе. Процессию южан замыкали три всадника в коричневых рясах: монахи-проповедники. И едва они спешили, как Брендан Нье'Риган вышел на середину двора, развернул какую-то бумагу и зычным голосом зачитал, что именем короля Гидеона, все трэлы, кто присягнёт на верность королю и

примет истинного бога, будут освобождены от рабских ошейников, и все их долги ярлу будут прощены. А ещё, что каждый из мужчин получит пять десятков эртугов серебра и надел земли, если вступит под знамёна короля для охраны нового гарнизона и прослужит в нём пять лет.

Началась радостная суматоха, люди бросились обниматься. А Олинн, оглянувшись, увидела, как кто-то из дворовых уже побежал к проповедникам, и вспомнила рассказ Игвара о том, как король освободил его от рабства. У ярла Римонда было много рабов, а теперь они свободны и сами станут охраной замка. Как всё причудливо обернулось.

На стене появилась Ульре, держась за поясницу и потрясая связкой ключей, грозно прикрикнула:

– От же, бездельники! Чего вытаращились?! Сказано же было, живо на кухню! Тащиться пришлось аж куда за вами! Ну-ка быстро давайте вниз – накрыть стол в Медовом зале! Нарвите рябины да мяты, украсить всё надо – смотрины у нас сегодня! Ярл будет Фэду отдавать за короля! А вы тут застыли, точно идола каменные! А ты, Олинн, давай беги вниз, командор разрешил выпустить нашего стиварда, Торвальда и ещё кое-кого из мужчин в помощь. В зал надо откатить бочки с элем! Пить сегодня будет много!

Ульре разогнала слуг своими криками, а Олинн помчалась быстрее всех встречать Торвальда, на ходу думая о том, что, видимо, пропажу Фэды пока ещё никто не обнаружил. А то, что король не приехал, так это даже хорошо! Может, и скандала-то никакого не выйдет. Плохо только, что он решил остановиться у Бодваров, как бы не встретиться ему там с Фэдой!

Она надеялась лишь, что Фэда благополучно доберётся до замка Бодвар раньше, чем туда прибудет король. И хоть бы у Хельда ума хватило спрятать её понадежнее.

Но до подвалов, где держали пленников, Олинн добраться так и не успела. Наперерез ей выскочила Бруна и схватила за руку.

– Ох, идёте быстрее, эйлин Гутхильда вас ищет! Велела привести в её покои!

У Олинн сердце ушло в пятки. И, кажется, впервые с момента бегства Фэды она подумала, а ведь её непременно спросят об этом. И придётся соврать. А врать она не любила, да и не очень это у неё получалось.

Поэтому, когда Бруна притащила её в покои эйлин Гутхильды, увидев мачеху, она уже по её лицу поняла, что той всё известно. И ещё даже не войдя в комнату, почувствовала, как краснеют уши.

Ох, попалась ты, лягушка глупая!

Не то, чтобы ей было стыдно за свой поступок, скорее, стало по-настоящему страшно за последствия. Потому что из-за полога, висящего над кроватью мачехи, вышел ярл Римонд, держа в руках ту самую льняную косу, которую они с Фэдой приладили на подушку в её комнате. И лицо ярла было таким суровым, что стало понятно – добра ждать не стоит. Бруна захлопнула дверь, спешно удрав в коридор, и, хотя Олинн видела трёх стражников, стоявших напротив покоев мачехи, но всё равно, это мало успокаивало. Ведь когда Белый Волк смотрел на кого-нибудь так, как на неё сейчас, ничем хорошим это закончиться не могло.

Отец быстро пересёк комнату и подошёл к Олинн вплотную, а она отступила и прижалась к стене, с ужасом думая, что надо было просто убежать. И хотя никакого оружия у ярла с собой не было, даже маленького кинжала, но это ничего не значило. Он и руками мог раздавить её голову, как пустой орех.

– Так значит, это ты помогла моей дочери сбежать? И не вздумай мне врать – Бруна всё рассказала, – произнёс ярл Римонд тихо и спокойно, и это только усилило зловещие ноты в его голосе. – Убить тебя прямо тут? Выбросить в окно? Открутить твою дурную голову? В другое время я отдал бы тебя на потеху своим хирдманам! – это он почти прохрипел. – Ты украла то, что могло бы спасти замок. И ты помогла сбежать будущей королеве! А от этого брака сейчас зависят наши жизни... Я чем-то прогневал богов, что они сделали тебя враз такой скудоумной? В твоей голове есть хоть самая малая капля ума?!

Ярл отшвырнул льняную косу и с усилием прижал кулак к виску Олинн. И, кажется, впечатал бы её голову в стену, но его остановила эйлин Гутхильда.

– Римонд! Тише! – она подошла и встала рядом, осторожно дотронувшись до плеча мужа. – Не нужно, чтобы нас услышали!

– Куда ты дела Звезду Севера? – спросил ярл, глядя Олинн в глаза.

От прищура татуировка на его щеке собралась складками, сделав лицо ещё более злое.

– Звезду Севера? Н-никуда... я не брала её! – пробормотала Олинн. – Я не брала её из сокровищницы! Это правда! Я никуда её не девала!

– Зачем ты её взяла?

– Это не я! Я её не брала!

– О, Нидхётг! – прорычал ярл и прижал ладони к её вискам. – Эрль видел знак у тебя на руке! И я видел! Все видели! Я раздавлю сейчас твою дурную голову и глазом не моргну, если не скажешь!

И, глядя в разлитое в его взгляде бешенство, она подумала, что сейчас он ударит её затылком о камень, и всё, прощай Олинн.

– погоди, мой волк. Я должна узнать правду, – тихо спросила эйлин Гутхильда, кладя мужу руку на запястье и пытаясь его удержать от яростного порыва. – Скажи, куда побежала Фэда? Где она прячется?

– Она убежала к Бодварам, – ответила Олинн, понимая, что теперь бесполезно что-то скрывать, да и Фэда уже должна быть далеко – не догонят. – Хельд хотел на ней жениться. А она вчера едва не бросилась в реку из окна, сказала, что лучше смерть, чем стать женой короля. И если бы я ей не помогла, вы бы нашли её сегодня утром на камнях у реки. Мёртвую.

Олинн закрыла глаза, чувствуя, как дрожат от страха руки.

– Ты должна была мне сказать! Никуда бы она не прыгнула! Вот же глупая девчонка! А ты погубила этим не только её, но и всех нас! – воскликнула мачеха злобным полушёпотом. – Король посчитает это оскорблением! Он и так благоволит Бодварам, а нас после такого сотрут с лица земли! И если мы не отдадим за короля свою дочь... Ты хочешь нас уничтожить, болотное отродье?!

– М-можно отдать другую дочь... Селию, – пробормотала Олинн срывающимся голосом, сама не понимая, что говорит.

– Я обещал королю красавицу-северянку, а подсуну дебелую дурочку с лошадиным лицом?! За это он отрубит голову Харальду, посчитав насмешкой такую невесту! И мой род на этом прервётся! – рыкнул ярл.

Но голову Олинн отпустил, развернулся и принялся ходить по комнате широкими шагами.

– Римонд! – зашипела эйлин Гутхильда. – Не говори так! Она же и твоя дочь! И она ещё мала! Ей всего шестнадцать!

– Я в шестнадцать уже рубился с врагами, а ты родила Харальда! А знаешь, ты права, – ярл вдруг снова подошёл к Олинн, схватил за подбородок и повернул её голову сначала влево, потом вправо, а потом сдёрнул с неё платок. – А что, и другую дочь тоже можно... Ты вполне себе во вкусе проклятого южанина, вон какие глаза! И ты вроде как считаешься моей дочерью. Но теперь ты мне больше не нужна, проклятье исполнилось. Всё и так сбылось, и в тебе больше нет надобности!

Он резко повернулся к эйлин Гутхильде и скомандовал:

– Вели тащить перья и свиток. А ещё принаряди её так, чтобы можно было вручить этому Гриру как королевскую невесту. Жемчугов и янтаря навесь на неё, и платье побогаче. Где не хватит красоты, заменим золотом. Пусть забирают! А потом... Так даже лучше, – он схватил

снова Олинн за подбородок и, наклонившись к её лицу, произнёс тихо: – Ты станешь невестой короля. И раз уж предала нас, то сделаешь всё, чтобы вернуть Северу свободу. Ты поняла?

– Что?! – хрипло спросила Олинн.

– Что?! – эхом отозвалась мачеха. – Но... мой волк... её... королю?

– Скажи, что поняла, или я выброшу тебя в окно прямо сейчас!

– П–поняла, – прохрипела Олинн.

– Послушай, Римонд, – эйлин Гутхильда снова тронула мужа за плечо. – Ты же не можешь...

– Я не могу?! Я могу! А ты оглохла что ли? Вели тащить клятые перья! – рявкнул ярл таким тоном, что спорить мачеха не стала.

Она только бросила на падчерицу тяжёлый взгляд и молча вышла. А ярл снова схватил Олинн за подбородок, и его голубые глаза оказались совсем близко. Он произнёс тихо, отделяя одно слово от другого, но так жёстко, что возражать ему Олинн и в голову не пришло:

– Я сейчас подпишу бумагу – признаю тебя своей законной дочерью. И по времени рождения ты станешь старшей из моих дочерей. Я обещал королю старшую дочь – он её и получит. И не вздумай хоть словом, хоть взглядом, хоть мизинцем заставить короля усомниться в том, что это не так. Ты сделаешь то, что я скажу, и так, как я скажу. Ты станешь женой Гидеона и выкрадешь у королевской ведьмы красный камень. Она носит его то в перстне, то в ожерелье. И ты отправишь его сюда, и сделаешь это до праздника Йоль. Или я назначу за твою голову награду в десять сотен эртугов золота. И за такую цену, поверь мне, найдётся какая-нибудь болотная гадюка, которая проползёт в королевские покои и прикончит тебя даже под самим Гидеоном! Кивни, что поняла!

– П–поняла, – в ужасе прошептала Олинн, чувствуя, как стальные пальцы отца готовы сломать ей челюсть. – Но, как же я его выкраду?!

– Выкрадешь, выкрадешь! Ты же додумалась залезть в мою сокровищницу и стащить Звезду Севера. Так что, я уверен, сможешь украсть и камень. В нём сила этой ведьмы и сила короля, он помогает ей сушить и жечь нашу землю. Не будет его, и Гидеон зачахнет, а Север снова возродится. Так мне вёльва сказала. Успела сказать, пока красная ведьма её не прикончила.

– Красная ведьма? Но... это же были волки...

– А кто, ты думаешь, послал этих волков? Вёльва знала, что всё так будет. Она предупреждала! За это её и убили. Так что, уж ты подумай об этом. Кто ещё отомстит за твою старуху, если не ты? Может, так будет и лучше, вряд ли Фэда смогла бы сделать такое. А ты сможешь.

Никогда ещё бумаги не подписывались так быстро. Не успела Олинн и глазом моргнуть, и вот она уже больше не Олинн Суонн. Она законнорожденная дочь ярла Римонда с богатым приданым, в которое входят земли от Олруда до Серебряной бухты, и которые унаследуют её дети.

– А если ведьма узнает? Или король догадается? И убьёт меня за этот обман? – в отчаянии спросила она у отца.

– Так сделай так, чтобы не догадался. Или не убил, – только и ответил ярл.

Бумаги не только подписали, но и скрепили кровью, и даже привели эрля, чтобы он их удостоверил. Эрль принёс с собой маленькую бутылку, в которой Олинн увидела что-то похожее на жидкое серебро, и он тончайшим пером нанёс на бумагу руны, которые, высохнув, исчезли. А затем Олинн заставили поднести руку к бумаге, и эрль сделал надрез у неё на пальце. Капля крови упала поверх невидимых рун, и на мгновение они вспыхнули, засветились и погасли, пока эрль монотонно бубнил гальдр, вода над бумагой дымящейся веткой болотного мирта.

– А теперь поклянись, что сделаешь то, что обещала, – произнёс ярл, нависнув над столом, словно ястреб.

И Олинн поклялась. Эрль поставил на стол серебряную чашу, бросил в неё кусочки красной смолы и зажёл, а потом взял Олинн за руку, развернул ладонью вверх и нанёс руны и на неё, продолжая бормотать заклинание. Руны тут же высохли и исчезли, оставив на ладони лишь ощущение холода.

– Эти руны не сойдут с руки, пока ты не выполнишь то, что пообещала, – произнёс ярл жёстко, и вдруг добавил, глядя на тонкие язычки пламени в чаше: – Она сказала, что если ты умрёшь, то я потеряю всё, что люблю. И поэтому я берёг твою жизнь. Но теперь... Раз ты взяла Звезду Севера, то я верну ей всё сполна её же монетой. Если ты не принесёшь мне перстень, то, как только наступит Йоль, теперь уже ты будешь терять всех, кого любишь. Тех, кто рядом с тобой. Как она прокляла меня, так вот теперь я возвращаю ей это проклятье и отпускаю тебя. Именем Севера...

Ярл провёл кинжалом по своей ладони, сжал руку в кулак, и капли крови упали в серебряную чашку.

– Кто «она»? Какое ещё проклятье? – хриплым шёпотом спросила Олинн, глядя на то, как капли крови зашипели и свернулись чёрными змеями на дне чашки.

– Твоя мать, – коротко бросил ярл и ушёл, забрав все бумаги с собой.

А Олинн осталась стоять, ощущая лишь дурноту от услышанного, да ещё от дыма болотного мирта. И ей казалось, что её заклеямили. Ладони жгло, с одной стороны огнём, а с другой – холодом.

– Чего застыла? – шикнула мачеха. – Сказано же: собирайся!

Глава 14.

Внизу, в Медовом зале, гости уже расположились, как у себя дома: обедали и пили эль. И ярл Римонд должен был присутствовать на этом обеде. На пир позвали скальда, и он затянул какую-то песню о великом Севере. Весь двор замка охраняла стража, так, что и мышь не проскочит, а со двора доносился стук молота. Это проповедники привели кузнеца и занимались рабами – снимали ошейники. Как и предположила Олинн, вспомнив рассказ Игвара, никто по доброй воле в рабстве остаться не захотел. Все присягнули новому королю и приняли истинного бога, даже если в него и не верили. На хозяйственном дворе запылал большой костёр, там проводили ритуал очищения огнём для вновь обрётённых божьих детей. А когда им выкачали ещё и бочку эля, то и вовсе начался праздник во славу нового короля и заодно командора Грира, который отдал эти распоряжения. Олинн слышала радостные возгласы сквозь открытое окно, но была как будто в другом месте, для неё всё случившееся было слишком неожиданным и стремительным. Всё изменилось в одно мгновение.

Пока служанки спешно одевали будущую невесту для смотрин, эйлин Гутхильда, словно ворон, кружила вокруг. Мачеха сама перерыла все сундуки Фэды и принесла одно из тех платьев, которые её старшая дочь не любила. Светло-зелёное, подбитое золотым кружевом. Эту ткань и кружево отец привез с юга, когда вернулся с очередной добычей. Платье сшили для Фэды, но оно ей не понравилось. Не к лицу той оказался травянистый цвет ткани, слишком жёлтой выглядела от него кожа. Платье сложили в сундук до поры до времени – подрастёт Селия, той всё сгодится. А вот Олинн платье подошло в самый раз, и цвет, и фасон, только оказалось длинновато, ведь Фэда куда выше ростом. И служанки, упав на колени, отпарывали кружево и споро работали костяными иглами, подбирая юбку. К платью мачеха принесла прозрачную накидку для головы и с тоской посмотрела на украшения, которые ярл Римонд вывалил из ларца на кровать, приказав служанкам, чтобы на невесту надели всё.

И служанки старались. Искусно заплели волосы витиеватыми косами и уложили, перевив жемчугом и янтарём. Покрыли голову накидкой и приколотили к плечам драгоценными фибулами, а на грудь повесили многослойное ожерелье. Браслеты и кольца, и даже пояс, всё было украшено камнями так обильно, что Олинн казалось, ей на плечи положили по мешку ячменя, такое всё тяжёлое! Мачеха хотела забрать её серебряный кулон, но Олинн вцепилась в него мёртвой хваткой – не отдам! И спрятала под остальными драгоценностями.

Как ни странно, мачеха даже позволила ей посмотреться в своё зеркало. Олинн глянула и не узнала себя.

И вовсе не красивое платье и все те украшения, что так непривычно смотрелись на ней, вызвали у неё недоумение, а глаза...

Ох, Лунолика, а что это у неё с глазами?

Вот теперь она поняла, о чём это последнее время все у неё спрашивают. Ей казалось, что сейчас из зеркала на неё смотрела не Олинн Суонн, вернее, теперь уже Олинн Олруд. Какими –то особенно яркими стали её глаза. И совсем зелёными. Как будто ушла из них половина других оттенков, и лишь совсем немного осталось карего с желтизной. И Олинн невольно посмотрела на свои ладони, подумав о том, что, может, это всё из-за звезды? Но последний раз знак проступил на ладони в тот вечер, когда эрль провёл по нему гусиным пером. С тех пор звезда молчала, и Олинн сжала руку в кулак. На всякий случай. Привыкла уже невольно прятать руку, как будто на ней стояло клеймо. А вот теперь придётся прятать и вторую, хоть на ней и не видно ничего. Но ощущение того, что она проклята, легло на душу тяжёлым грузом.

Прибежала Бруна, сказала, что объявили смотрины и ярл требует привести дочь. Эйлин Гутхильда набросила ей накидку на лицо, схватила падчерицу за руку и потащила за собой, решительно направившись вниз по лестнице. Олинн путалась в слишком длинной юбке и едва

успела подхватить её другой рукой, а то бы точно наступила и упала. И пока шли, она судорожно вспоминала всё, что знала о короле Гидеоне.

Только сейчас она осознала то, на что обрѣк её отец: ей придётся уехать из Олруда?! Она вспомнила о кострах, на которых сжигали таких, как она и Тильда, и подумала, что вот она опять попала, из огня да в полымя. Неизвестно, что ожидает её за стенами крепости. Может, король, женившись и получив так нужные ему земли, бросит её где-нибудь в болоте по дороге на юг, а всем скажет, что она умерла в пути от лихорадки. А может, её поймают на воровстве перстня и повесят. А может, она ещё не понравится королю... А может, его сестра-ведьма всё поймёт...

Так много было этих «может»!

Но если бы люди короля не взяли замок, то за пропавшую звезду её прибил бы отец. Как ни крути – всё плохо! А начались все её несчастья с появления Игвара. Она только успела прочитать короткую молитву Луноликой Моор-Бар, как эйлин Гутхильда втащила её в Медовый зал, украшенный цветами и гроздьями красной рябины.

Зал был полон. Олинн увидела сидящих за столом мужчин, которые ели и пили, даже не сняв кольчуг. Их оружие стояло рядом с ними или лежало на лавках, и появление Олинн они встретили громкими возгласами и стуком кружек по столу.

– Скёлль! Скёлль!* – кричали они, и Олинн в испуге попятилась.

Но эйлин Гутхильда сжала её руку почти до боли и вышла вперёд, закрывая падчерицу собой. Во главе стола сидел, очевидно, командор Грир, рядом с ним – Бреннан Нье'Риган, и ещё по левую руку – коротышка в красной рубахе, что приехал с отрядом. А по правую понуро сидел ярл Римонд с унылым видом проигравшего. В зале было сумрачно, и накидка мешала смотреть, так что Олинн не успела разглядеть всех лиц.

Эйлин Гутхильда медовым голосом поприветствовала воинов, пожелала им здоровья и не стесняться в еде и напитках, и даже поклонилась, стукнув Олинн по спине и заставив сделать такой же поклон. Когда нужно, мачеха умела сглаживать острые углы.

– Ну, так води невесту, ярл, – произнёс командор Грир, откинувшись на спинку большого резного стула, на котором раньше восседал хозяин замка.

Услышав этот голос, Олинн вздрогнула и схватилась пальцами за прозрачное покрывало, наброшенное на лицо.

Не может этого быть!

Ноги налились тяжестью, и она бы с места не двинулась, но эйлин Гутхильда снова схватила её за руку, потащила навстречу мужу и вручила ему, как трофей.

– Так ли она хороша, как поют скалды? – добавил командор, вставая и с шумом отодвигая тяжёлый стул.

Все воины одобрительно загудели, и кружки снова грохнули о стол, а у Олинн сомнений больше не осталось.

Игвар!

Это был его голос. Она не могла ошибиться.

И, когда командор распрямился в полный рост, последние остатки сомнений развеялись. Эту огромную фигуру она бы не спутала больше ни с чьей. Только сегодня Игвар выглядел совсем иначе: кольчуга и кожаные наручи, покрытые металлическими шипами, широкий ремень, украшенный посеребренными бляхами, подпоясывал его могучее тело. А рядом с ним, прислоненный к столу, стоял огромный меч, совсем ему под стать. И вот в этом облике он был похож на того, кого Олинн всё пыталась разглядеть под ветхими лохмотьями монаха. Всё встало на свои места – она спасла, вылечила и привела в их дом врага. Да не просто врага, а самого главного человека после короля Гидеона. Того, кто воспользовался тайным ходом в сердце скалы, чтобы войти в крепость и захватить её.

Нет, он не утонул в водах Эшмола и не погиб от клыков призрачных гончих. Он стоял сейчас, живой и невредимый, здоровый и вполне весёлый, держа в одной руке кружку с элем, а другой небрежно опираясь о спинку стула. Шрамы на лице стали почти незаметны, и он собрал свои космы в хвост на затылке, а бороду остриг, так что стал почти похож на человека, а не на лесное чудище. На его губах даже застыла довольная ухмылка. Но держалась она ровно до тех пор, пока ярл Римонд не откинул полупрозрачную накидку с лица Олинн со словами:

– Моя дочь – Олинн Олруд.

Несколько оглушительно тихих мгновений они смотрели друг другу в глаза. А может, Олинн просто показалось, что в зале повисла мёртвая тишина? И в этом взгляде они одновременно и узнавали друг друга, и отдалялись так, как будто увиделись впервые, потому что в один миг оказались по разные стороны правды.

Ухмылка стояла с лица Игвара, и он медленно, даже слишком медленно, опустил кружку на стол. А потом посмотрел на своих людей и скомандовал коротко:

– Все вышли из зала! Мне надо перемолвиться словечком с ярлом Римондом... наедине.

Последние слова он произнёс с такой зловещей интонацией, что воины без возражений вскочили с лавок и, бряцая оружием, спешно стали покидать зал. И только коротышка в красной рубахе хотел, было, возразить и подойти поближе, чтобы рассмотреть королевскую невесту, но Игвар одним коротким движением набросил Олинн накидку на лицо и, обернувшись к своему спутнику, рыкнул:

– И тебя это тоже касается, Хейвуд! Или зубы во рту лишние?

– Я всего лишь хотел... Но, как скажешь, командор, как скажешь... Ничего такого... Уже ухожу.

Коротышка попятился к двери, продолжая любопытно вглядываться в скрытую под покрывалом невесту. И пока он шёл, его преследовал тяжёлый, мрачный взгляд командора. А, когда дверь за Хейвудом захлопнулась, Игвар схватил кружку и с такой силой ударил ею о стол, что она разлетелась на куски.

– У тебя что, Римонд, голова лишняя? Ты собрался подsunуть королю экономку вместо собственной дочери?! Не знаю даже, то ли отрубить тебе голову сразу, то ли сначала посадить на цепь во дворе, на потеху моим воинам? Чтобы остальные не думали, что со мной можно шутить!

– Она не экономка, – попыталась возразить эйлин Гутхильда мягко, – вернее, да, экономка, но она, и правда, дочь ярла Римонда!

– «И правда, дочь ярла»? Это как понимать, женщина?! – грозно спросил Игвар, поворачиваясь к Римонду.

– Она моя дочь, – ответил тот глухо.

– Незаконнорожденная, очевидно?

– Почему же, вот бумаги, они подтверждают всё, – ярл протянул командору свитки. – Я дал ей имя своего рода.

– Что-то, я чувствую, чернила даже не просохли, – произнёс Игвар, поднеся свиток к носу и не сводя с противника глаз, – сильно торопился, ярл? А куда же ты свою-то законную дочь подевал, раз тебе пришлось принарядить в невесты этого воробья?! Припрятал, чтобы сосватать за кого-то из северян-мятежников?

– Я обещал королю старшую законную дочь и земли, – ответил ярл, с прищуром ненависти глядя на своего врага, – и вот она пред тобой. По бумагам она законная дочь, и земли идут ей в приданое. Чего же ещё ты от меня хочешь? Я обещал – держу слово. И ты клялся королю – так тоже держи слово. Забирай её и уезжай. Чем ты недоволен?

– Ты, видимо, думаешь, что наш король такой дурак, что поверит в это? В то, что всё это – правда. А может, он подумает, что ты решил по глупости его перехитрить и взял первую попавшуюся девку со двора, выписал на неё бумагу, чтобы потом объявить договор вне закона?! Она

на тебя даже не похожа! – Игвар схватил Олинн за локоть и развернул к ярлу лицом, а потом откинул накидку. – Как думаешь, что скажет наш король, когда посмотрит в эти глаза? А, ярл? Не держи и меня за дурака, она тебя такая же дочь, как я монах!

Игвар отошёл, взял меч и пристегнул его к ремню, а потом сказал, уже тише, без ярости в голосе:

– За этот обман, ярл, твой сын лишится головы...

Но он не успел договорить, эйлин Гутхильда шагнула ему навстречу, рухнула на колени и обхватила его ноги руками.

– Молю вас, командор! Не убивайте его! Он же не со зла! Так вышло! Возьмите, что хотите! Все богатства замка! Драгоценности, меха! Только оставьте его в живых! У меня есть ещё дочь, возьмите её! Но она... не слишком красива, а другая ещё мала! Мы сделаем всё, что скажете! Только не губите Харальда!

Никогда Олинн не видела, чтобы эйлин Гутхильда так унижалась. И в какой-то момент ей даже стало жалко мачеху. Она представила, как Игвар отрубил голову Харальду прямо здесь, в замке, во внутреннем дворе, где они когда-то все вместе играли с деревянными мечами и плетёными из лозы щитами, и ужаснулась этому видению. И мысль, что на руках Игвара будет эта кровь, иглами прошла вены.

Это безумие какое-то! Игвар – это тот самый командор Грир, что стоял на Перешейке рядом с красноволосой ведьмой и руководил битвой? Это о нём ей рассказывал Свен. И получается...

А ведь это она виновата во всём! Если бы она не помогла бежать Фэде, а рассказала всё мачехе, Харальду бы не грозила сейчас смерть. Если бы она не привела Игвара в замок, кто знает, как бы оно всё вышло. Олруд мог выстоять, а болотный мор – погубить войско короля Гидеона. Если бы она послушала Торвальда, то их командор сгинул бы в болоте, и Север мог победить. А теперь Игвар стоит здесь, как хозяин, и говорит о ней, будто о вещи! Разумеется, такая, как она, без надобности его королю. И что ещё хуже, таких, как она, его король с лёгкостью отправляет на костёр!

И если бы только это! Но Игвар солгал ей. Он с самого начала её обманул! Как же, не помнил он, как сюда попал! Помнил! Знал! Знал о гончих, знал, что это дело рук их колдуньи, а они ведь погубили Тильду! А он ещё и утешал её там, у воды, сочувствовал. Подлец! Она-то думала, что он погиб, а он... Эти гончие его бы и не тронули. И, скорее всего, он видел, куда она ушла, там, у реки. Сидел, наверное, в зарослях и наблюдал, и обнаружил тайный ход. Так его воины и попали в замок. А она была такой наивной и доверчивой! Глупая, глупая Олинн!

И осознание всего этого перевернуло её мир и заставило посмотреть на Игвара с ненавистью. В этот момент она готова была стать женой короля, украсть то, что просил отец, чтобы отомстить за Тильду, а потом бежать с этим камнем обратно на север.

«Кто ещё отомстит за твою старуху, если не ты?»

– Так куда делась настоящая дочь? – спросил командор жёстко.

– Она сбежала. А я ей помогла, – ответила Олинн с вызовом, глядя Игвару прямо в глаза, и, содрав с головы накидку, швырнула её на пол. – А теперь она уже далеко. В Эгельстайне. Я помогла ей добыть лодку и нашла воина, чтобы её сопровождал.

– Ты? – Игвар посмотрел на Олинн, и снова пронизывающая зелень его глаз будто пригвоздила её к полу.

Наверное, она только что подписала себе смертный приговор, ведь отец тоже смотрел на неё, и в его глазах она легко прочла, как к нему постепенно приходит понимание... Он понял, что она видит Игвара не впервые и что как-то причастна к тому, что он стоит хозяином посреди Медового зала.

Но теперь и она осознала очевидную правду: Игвар – враг. Лживый, коварный и подлый враг. И во всём этом её вина. Она рассказала ему о том, чем дорожит Белый Волк, и он всё это использовал против него. Она своими руками сделала всё это!

– Да, я. Я и тебе помогла, или ты забыл? Я тебе жизнь спасла, а следовало сбросить тебя в болото! – произнесла она со злостью, что ей теперь терять! – И ты сам сказал, что у меня в долгу, Игвар. Так сдержи своё слово – верни долг.

– И что же ты хочешь в уплату этого долга? – он прищурился, усмехнулся зло и сделал шаг назад, освободившись от цепких рук эйлин Гутхильды.

– Пообещай, что не тронешь никого в замке. Ни Харальда, никого, – ответила Олинн. – Оставь их всех в живых. Я дочь ярла Олруда, любой в замке это подтвердит, да и вон, бумага у тебя в руках, а раз есть уговор с королём, то и будь добр его исполнять.

– Ты не можешь мне приказывать, пичужка. А просишь очень многого, – ответил Игвар, бросив на ярла короткий взгляд. – Но раз я дал слово...

Он стоял и смотрел на Олинн тяжёлым взглядом, в котором почти не осталось зелени. Смотрел так, словно она только что вонзила нож ему в сердце, и думал о чём-то, и молчал. Как будто не знал, что делать дальше. И все застыли, не понимая, что происходит и что за этим последует.

Игвар положил пальцы на рукоять кинжала и сжал её, а потом продолжил негромко, но в голосе звучала скрытая угроза:

– ...раз я дал слово... Будь по-твоему. Я не трону никого. Но будем считать, что твоя дочь, Римонд, твоя настоящая дочь и невеста короля, умерла от болотной лихорадки, пока мы дрались у Перешейка. И ты об этом не знал. Именно так я и скажу королю. Цени это. Потому что только обещание, данное ей, – он кивнул в сторону Олинн, – не позволяет мне укоротить тебя на голову! Но на этом моя милость заканчивается. А теперь живо тащи сюда другую свою дочь, ту, что некрасива, и надень на неё это платье. Надо, чтобы мои люди видели, от какого «богатства» я спасаю своего короля. Пусть Гидеон подумает, так ли нужен ему этот брак. Только это сохранит жизнь тебе и твоему сыну, ярл.

– Благодарю вас, господин! – эйлин Гутхильда вскочила и с небывалой прытью бросилась к двери.

Махнула служанкам, и вот уже Олинн спешно увели в другую комнату, стащили с неё платье и украшения и надели на Селию. А её заперли на замок.

И от всего пережитого за этот день Олинн почувствовала себя опустошённой и такой усталой, будто из неё душу вынули. Встреча с Игваром, то, что он оказался врагом, то, что он и его король с колдунами виновны в гибели Тильды, проклятье отца и руны на её руке, всё это отняло последние силы. Она даже заплакать не смогла, всё внутри высохло. А в голове засела только одна мысль: что бы ни случилось дальше, в Олруде ей не жить. Весть о том, что она виновна в падении крепости, быстро разнесётся среди людей, уж эйлин Гутхильда постарается. А в замке, когда все узнают... а узнают обязательно, что это она привела врагов в их дом, её убьют. Отравят или в реке утопят. Или отец в сердцах зашибёт. Или мачеха. Или кто-то из воинов, оставшихся в живых...

«...ты потеряешь всех, кого любишь...»

И раз королю она не нужна как невеста, то теперь у неё выход только один – бежать.

Но куда бежать? Тильды больше нет... Может, в её избушку? А если её и там найдут? А ведь найдут. И бежать-то некуда...

... если только к Фэде в Бодвар?

Эта мысль блеснула спасательным лучом.

А ведь и правда! Спрятаться там у неё, она ведь предлагала когда-то найти ей в Бодваре жениха. Главное – выбраться отсюда. А Фэда её обязательно спрячет. Она поймёт, ведь сама беглянка. Если, конечно, Фэда добралась благополучно и в безопасности. Но выбора у

Олинн всё равно нет, ни одна семья на Севере, узнав, кто она такая и что сделала, не даст ей убежища. А Хельд Бодвар сам присягнул королю, так что, получается, и он предатель. Только там на Олинн никто не укажет пальцем.

Но большее всего было осознавать, что предателем оказался Игвар. И то, что вот так она поплатилась за свою доброту и заботу.

Эх, знала ведь! Не хочешь зла – не делай добра.

Но теперь нечего сожалеть, нужно думать о бегстве.

***Скёль!** (*«ваши здоровье!»*) – скандинавский тост за здоровье, произносимый перед употреблением горячительных напитков.

Глава 15.

Смотрины Селии закончились быстро. Не успела Олинн погоревать, как за ней прислали Бруну в сопровождении двух воинов-южан.

– Командор велел тебя привести, – пробормотала служанка, не глядя ей в глаза.

Олинн подумала, что, видимо, всё совсем плохо, и пора попрощаться с жизнью. Её снова привели всё в тот же зал, и теперь за столом было больше людей, но из всех, кроме Игвара, она узнала лишь Хейвуда, коротышку в красном, и командора Брендана Нье'Ригана.

Отец и мачеха стояли у стола, словно рабы, ожидающие наказания. Лицо ярла Римонда было похоже на застывшую маску. Вряд ли он когда-нибудь думал, что однажды ему придётся терпеть такое унижение.

Олинн остановилась рядом с ещё двумя служанками у входа и прислушалась, уловив обрывок разговора.

– Что угодно возьмите! – восклицала эйлин Гутхильда. – В благодарность!

– Что угодно? Да что мне брать в вашем краю болот? – хмыкнул Игвар.

– Драгоценности, меха...

– Это собственность короля, – оборвал мачеху командор.

– Всё, что скажете...

Он окинул взглядом комнату, словно заклеил её стены и окна позором, а затем поправил ремень и хотел уже сесть на стул во главе стола, но увидел у двери Олинн.

– Хотя... – и ей снова показалось, что его тяжёлый взгляд придавил её к каменному полу.

Игвар медленно подошёл и остановился напротив Олинн. Какое-то мгновение они опять смотрели друг на друга, как в первый момент встречи. Но потом прозрачная зелень его глаз потемнела, словно озёрная вода от набежавшей на солнце тучи, и он бросил коротко:

– А вот в благодарность я возьму... её. Мне как раз нужна экономка, – он кивнул на Олинн. – Поедет со мной на юг.

– Незамужняя девица? – эйлин Гутхильда посмотрела на неё так презрительно, как если бы она уже стала продажной девкой.

– Отсутствие мужа вроде не мешает ей быть экономкой здесь? – с насмешкой спросил Игвар, посмотрев на мачеху. – Считать муку, ячмень и делать мази?

– И греть тебе постель? Давно уже, наверное, бегают к тебе? – спросил ярл едко, а у Олинн даже уши вспыхнули, будто их факелом подожгли, до того стыдно стало.

Отец, вероятно, думает, что так всё и было до этой встречи. Что она бегала к Игвару и встречалась с ним тайно.

Но ведь бегала...

Да как же это всё несправедливо!

– Не зли меня, ярл. Я сегодня и так милостив сверх всякой меры. И ты даже не представляешь всю глубину моей милости. А милостью ты обязан ей, – он ткнул в Олинн пальцем. – Но раз уж сегодня такой день, раз уж ты переживаешь о добром имени своей экономки – будь по-твоему. Я найду ей мужа в своём замке, у меня как раз есть свободный стивард. А пока, до свадьбы, – он сорвал со стены рябиновый венок и нахлобучил Олинн на голову, – будешь «рябиновой невестой», пичужка. А я – твоим посажённым отцом, чтобы никто не думал, что ты греешь мою постель, – он приложил руку к груди и добавил: – Именем клана Дуба, я обещаю тебе свою защиту и покровительство.

А затем обернулся к ярлу и спросил:

– Ну что, ты не забыл ещё древний обычай? Сегодня же вроде Рябиновый день? Так ты отдаёшь мне свою дочь?

– Забирай, – ответил ярл, словно выплюнул. – Всё одно, гадюке не жить здесь.

Рябиновый день... А она и забыла! День всех свадеб. И стать «рябиновой невестой» можно только в такой день. Уйти из дома отца к тому, кто согласится взять на себя покровительство над незамужней девицей. Этот человек обязуется найти девице жениха и дать приданое.

Но после всего, что произошло, признать покровительство Игвара для Олинн было всё равно, что лягушку живьём проглотить. Она видела, как смотрят на неё служанки, и в их глазах легко читалось всё, что они думают о таком «покровительстве». К вечеру вся крепость будет знать, что она спуталась с врагом, привела его в замок, предала всех и опозорила себя окончательно. А теперь вместе с ним уезжает на юг.

Она в сердцах сорвала с головы венок, швырнула под ноги Игвару и даже плюнула от злости. Хотела крикнуть, как ненавидит его, и его короля, и всех южан, но не стала. Задавила в себе обиду и ярость холодной рукой и подумала, что лучше сейчас промолчать. Не должна она кричать и оправдываться. Не сейчас. Не здесь. Хочет Игвар увезти её с собой? Пусть. Он ведь ещё в прошлый раз сказал, что закинул бы её на плечо, да не недосуг было, видно, торопился, готовил нападение. Но теперь точно сделает то, что задумал. А зачем она ему, и так понятно. «Греть постель». После того поцелуя у реки в его намерениях она могла не сомневаться.

Но пусть не думает, что она совсем уж дура. Не станет она ему сейчас перечить и артачиться. Ничего, проглотит эту обиду и позор. Перетерпит. А потом сбежит. Пичужки, они вёрткие. Главное, чтобы он не догадался, что именно она задумала и куда собирается бежать. Фэда её спрячет. Ведь обе они теперь, каждая со своим позором, и им надо держаться друг друга.

И такой сильной была её злость, что она даже не расслышала, что приказал Игвар. Увидела только, что дверь отворилась, и в зал стали входить люди. Они собирались у противоположной стены, жались друг к другу в страхе, не зная, чего ожидать: казни или милости.

Игвар взял свиток из рук Брендана Нье'Ригана, развернул одним коротким движением и зачитал:

– Именем короля Гидеона Смелого, владельца всех южных земель Балейры, освободителя и старшего найта всех кланов: Дуба, Орешника, Ивы, Рябин, Остролиста, Ясеня.... осеннего пламенем истинного бога... объявляю все земли от Перешейка и до Серебряной бухты, что принадлежали ранее ярлу Олруду, перешедшими во владение истинного короля Гидеона Смелого... Все трэлы, принадлежавшие ярлу Олруду и принявшие истинного бога, освобождаются от рабских ошейников и всех долгов. Все, кто пожелают, могут перейти на службу к истинному королю и остаться в Олруде, получив за службу надел земли и по десять эртугов серебра в год на содержание. В Олруде остаётся гарнизон короля. Командором гарнизона назначается найт Брендан Нье'Риган из клана Орешника, которому король дарует право казнить и миловать от его имени, защищать эти земли именем короля, собирать подати от его имени, нести знамёна во славу короля и...

Он зачитывал указ, возвышаясь над столом, словно огромная гора, и его голос отражался эхом где-то под сводами зала. О невесте и браке не прозвучало больше ни слова. Видимо, Селия оказалась недостаточно красивой для командора, а уж тем более, короля. Ярлу и его семье полагалась лодка и столько вещей, сколько они смогут унести с собой, кроме оружия и драгоценностей. Король был милосерден и отпустил их на все четыре стороны. Им надлежало покинуть замок завтра до заката, и, если желали, они могли взять с собой пять слуг.

И хотя оставить жизнь злейшему врагу – это была неслыханная щедрость, но Олинн понимала, что за такой щедростью короля скрывается тонкий расчёт. Риг-ярл предал Белого Волка, и к нему он не поплывёт, а куда ещё ему деваться? Зато слава об этой милосердии прокатится по всему Северу, и рабы, которыми владеют другие ярлы, будут спать и видеть, как сбежать к Перешейку и перейти под знамёна короля Гидеона.

Бывшие слуги ярла могли остаться в замке, и им надлежало подойти к командору завтра, чтобы получить своё назначение в гарнизоне. Игвар протянул свиток Брендану Нье'Ригану и жестом велел всем уходить.

Олинн выскользнула вместе со слугами, стараясь не смотреть никому в глаза. У неё было только одно желание – закрыться в своей комнатухе и дожидаться ночи. Ей нужно было обдумать план побега и как можно скорее убраться из замка, пока весть о её предательстве не дошла до каждого жителя. Но едва она пересекла галерею, чтобы подняться по лестнице, ведущей в южную башню, как позади неё раздались гулкие шаги. Олинн обернулась и увидела, что за ней следом по галерее широкими шагами идёт Игвар, почти догоняя её.

– Стой, Линна! Стой!

Она остановилась и оглянулась, взмолившись Луноликой, чтобы никто не увидел её здесь, с ним. И прислонилась спиной к каменной стене, потому что ноги её едва держали. Игвар подошёл, встал совсем близко, опёрся ладонью о стену поверх её головы и наклонился к Олинн. Какое-то время он смотрел на неё молча, а потом спросил, чуть улыбнувшись:

– Скучала по мне, пичужка?

Олинн взглянула на него со всем презрением, на какое вообще была способна, и ответила зло:

– Скучать по лживому предателю? Даже в голову такое не приходило! Ты воспользовался мной. Ты меня обманул. Ты только что меня опозорил, выставив перед всеми, кого я знаю, продажной девкой и предательницей. И это твоя благодарность за спасение? За мою доброту? Знаешь, о чём я жалею больше всего? Что не проехала мимо тебя на болотах!

Улыбка растаяла, и лицо Игвара вмиг стало мрачным и угрюмым.

– Значит, ты и в самом деле дочь Белого Волка? – спросил он с такой интонацией, с какой ярл обычно допрашивал своих врагов.

– А ты, значит, сам командор Грир, злобное чудовище? – ответила Олинн едко.

– Ты умолчала о себе первой. Если бы я знал...

– А ты притворился беспамятным! Если бы я знала! Жаль, что проклятые твари не сожрали тебя там, на болотах! Хотя... что это я?! – она хлопнула себя по лбу. – Как они могли сожрать того, кому повинуются?!

Может, ей и не стоило ему грубить, но в этот момент злость была сильнее рассудка. Ведь всё, что у неё было – всё она потеряла. Даже единственное, что оставалось – её доброе имя, и того она только что лишилась.

– Так-то ты благодаришь меня за спасение? – Игвар чуть наклонился. – Твои родственники готовы были отдать тебя королю, как мешок ячменя. А, узнав о том, что ярлу Олруды ты не совсем законная дочь, а законная сбежала в Эгельстайн, король отдал бы тебя аловласой Риган, так что я спас тебя, пичужка. Но если ты останешься здесь, они разорвут тебя на куски за то, что ты мне помогла. Так что я спас тебя и второй раз, предоставив свою защиту. Где же твоя благодарность?

– Благодарность?! Да если бы не твоя ложь, подлость и обман, не надо было бы меня спасать! – выпалила Олинн. – А теперь пропусти меня! Видеть тебя не могу! Подлое, лживое чудовище! Из-за тебя... из-за ваших колдунов, из-за ваших гончих погибла Тильда! Ты знал! Ты всё знал, и ты врал мне! Утешал меня там, у реки! А сам пробрался по моим следам! Как ты мог? Ненавижу тебя! Ненавижу! Хоть бы ты сгинул в болоте! Я буду молиться о том, чтобы тебя забрала Великая Эль! И тебя, и твоего короля вместе с вашими тварями! Чтобы дождь шёл месяц, и вас утащило в трясину!

Она изо всех сил толкнула его ладонями в грудь, но он даже не шелохнулся, и тогда она выскользнула из-под его руки и отступила к лестнице, тяжело дыша. Ладонь жгло огнём, и она привычным жестом спрятала её за спину.

Игвар смотрел на неё, и в этом взгляде Олинн увиделось что-то странное: досада и злость, и какое-то разочарование. Так бывает, когда хочешь что-то сказать, а не можешь. Или нельзя. Игвар резко выдохнул, криво усмехнулся и ударил кулаком по стене, вымещая на ней свою злость. А потом оттолкнулся рывком и, скрестив руки на груди, произнёс бесстрастно, будто распорядился:

– Что же, пичужка, иди. Завтра в полдень мы уезжаем, а ты поедешь со мной, как мы и решили с твоим отцом. Так что будь готова к полудню. Если кто-то в замке станет тебе угрожать – найдёшь меня, поняла?

Он смотрел мимо неё, и от этого стало ещё горче.

– Обойдусь без твоего покровительства! – отмахнулась Олинн.

– Я обещал ярлу за тобой присматривать, – ответил Игвар как-то двусмысленно. – Ты же всё-таки теперь «рябиновая невеста».

– Я тебя об этом не просила. Или ты забыл обычай? Я сама должна была просить тебя о защите. А я твой венок не приняла, так что, сказала же, обойдусь! – отмахнулась она, развернулась и зашагала по галерее, едва сдерживая бушевавшую внутри ярость.

Он ещё и думает, что спас её! Облаготельствовал! Покровитель нашёлся! Посажённый отец! Не нужен ей никакой отец! Ни настоящий, ни этот, «рябиновый»! Ох, Лунолика! Дай ей сил! Дай ей сил!

– Будь готова завтра, – донеслось ей в след. – И не вздумай сбежать! Найду тебя всё равно!

– Куда мне бежать?! Куда?! – Олинн развернулась и всплеснула руками. – По твоей милости весь Север теперь меня ненавидит!

Она спряталась в своей комнате, заперлась и сидела на кровати, обдумывая всё, что случилось. Ярость бушевала долго и всё никак не хотела утихать. Никогда в жизни Олинн не испытывала ничего похожего на то, что полыхало у неё сейчас внутри. Как будто в венах тёк огонь, и пальцы жгло от желания схватить что-нибудь и разбить. Но вместе с этим огнём внутри неё росла какая-то несвойственная ей раньше решимость. Она посмотрела на свою ладонь и увидела, как сквозь кожу проступают контуры проклятой звезды и светятся. И чем сильнее она злилась, тем сильнее сияла звезда на её ладони.

– Что тебе нужно?! Что ты хочешь от меня?! Всё это из-за тебя! – воскликнула Олинн, вскочила и сунула руку в большой кувшин с водой.

А сама прислонилась к стене и закрыла глаза, мысленно взмолившись Луноликой, чтобы та подсказала ей, что делать дальше. Ярость постепенно утихла, и звезда перестала сиять, а Олинн, наконец, смогла мыслить как никогда здраво.

Выглянула за дверь. Её пока не заперли и не приставили к ней охрану. Это хорошо. Но даже не явно, за ней всё равно будут наблюдать, а значит, нужно вести себя, как ни в чём не бывало. Крепость полна воинов короля, они стоят на всех стенах, на воротах и во дворах, и сверху всё прекрасно просматривается. И если она придумает, как ускользнуть из Олруда, то вот как ей добраться до замка Бодвар? Можно было бы на лодке, но они все под охраной воинов-южан. А чтобы ехать вокруг через мост, нужна лошадь. А как ей вывести лошадь за ворота? С побегом Фэды было проще, тогда ещё имя Олинн что-то значило для обитателей замка. Если эйда Олинн говорила, что нужна лошадь, ей повиновались даже крестьяне с обозов, собиравшихся домой из крепости. Но сегодня уже всё иначе.

Что же, ниже по течению Эшмола есть деревня, нужно дойти до неё, а там она купит лошадь. Фэда оставила ей одно из своих украшений в порыве благодарности. Оно сгодится для оплаты.

И, хорошенько всё обдумав, Олинн вскочила и начала собираться. Взять с собой можно немного, иначе ей не донести мешок с вещами до деревни. Да и выглядеть подозрительно ей

нельзя. И надо прихватить на кухне немного еды, вдруг придётся прятаться или пережить где-то по дороге...

Но мысль о том, что нужно спуститься в кухню, всколыхнула у неё внутри волну мало-душного страха. Ведь придётся видаться со всеми, кто теперь считает её опозорившей себя девкой и предательницей. Разве что рабам отца всё равно, для них захват замка – это праздник, а она спасительница.

Олинн глубоко вдохнула, намотала на голову платок, привычным жестом пристегнула малую связку ключей к поясу и, опустив голову, быстро вышла за дверь. Позор позором, но вечно прятаться нельзя. А если она не сбежит, то всё будет ещё хуже. Да и не такая уж она трусиха... Вытерпит пару плевков. Но она всё равно решила идти дальним путём, по верхним этажам замка, где нет привычной суеты слуг. Олинн поднялась на стену, чтобы не идти через двор, а уже по стене дошла до восточной башни, той, где когда-то её держали в кладовой заперти, и стала спускаться по лестнице. На стене стояли в карауле воины-южане, но они не обратили на Олинн особого внимания. Она прошмыгнула мимо них, как мышь, и пошла дальше к саду эрля, чтобы оттуда уже спуститься вдоль стены и попасть на кухню к заднему входу, куда привозят мясо и рыбу для разделки.

Проходя мимо верхней галереи, на которой находились покои дочерей ярла, она услышала голоса мужчин и невольно остановилась, потому что в одном из них узнала голос Игвара. Он говорил с командором Бренданом Нье'Риганом. Олинн не поняла, что они обсуждали, но голоса их звучали если не рассерженно, то как-то раздражённо и озабоченно. Она замерла, прислушалась, но слов было не разобрать. И тогда Олинн на носочках подкралась ближе и прижалась к стене, прислушиваясь. Игвар, видимо, разместился в покоях Фэды, потому что голоса доносились именно из её комнаты.

– ...ты думаешь, это поможет? – спрашивал Брендан.

– Не знаю... сегодня ещё подождём, – ответил Игвар устало и глухо, и что-то звякнуло, упав на каменный пол. – А я пока поеду и переверну на том болоте каждую кочку! Не могла же она исчезнуть бесследно? Если понадобится, разберу всю избушку по брёвнам. Столько времени, и всё зря! А ты следи за клятым Хейвудом, он рыскает тут, как лиса, и суёт во всё свой нос.

– Ты поедешь прямо сейчас?

– Да. Надо вернуться засветло. А завтра хотелось бы убраться отсюда, меня ждёт Гидеон. Да и времени осталось мало. Но если вдруг не успею, то заночую там. Не в первый раз.

– Скажи... А эта девчонка... Экономка... Зачем она тебе? – спросил Брендан, чуть понизив голос.

– Зачем? Ну должен же я привезти с севера какой-нибудь трофей, – ответил Игвар насмешливо. – Она меня выходила, дам ей приданое в благодарность. Будет присматривать за хозяйством.

– Для простой благодарности как-то многовато хлопот, особенно от тебя. Мог бы просто заплатить. А мог бы и не платить...

– Брендан, ты будто забыл для чего нужны женщины? – с каким-то раздражением в голосе ответил Игвар. – Её подарил мне ярл. И раз я не могу отрубить ему голову, то пусть хоть это будет для него достаточным унижением. Ты доволен?

– Ладно! Ладно! Не злись, – в голосе Брендана тоже послышалась насмешка, – хотя меня и удивил твой выбор. Кстати, Хейвуд сказал, что не прочь рассмотреть дочку ярла поближе.

– Какую ещё дочку? – спросил Игвар грозно.

– Ту, страшную. Селию. Говорит, готов жениться на ней.

– Жениться? Это с какой ещё дури?!

– Видимо, хочет править севером, – снова усмехнулся Брендан.

– В который раз он хочет чем-нибудь править?! – хмыкнул Игвар в ответ и снова что-то упало на пол. – Когда уже боги вразумят этого дурачка! Присматривай за ним и держи подальше от дочерей ярла. И вообще от всего. А ярл пусть быстрее отплывает, пока я не передумал. Идём. Надо спешить.

Олинн завернула за колонну на галерее, влезла на её основание и спряталась за уступом. Ещё в детстве они частенько прятались здесь с Харальдом и Фэдой, когда играли. И едва она проникла в своё убежище, как дверь отворилась и тут же захлопнулась. Гроыхнул замок, раздались удаляющиеся шаги и голоса, и Олинн поняла, что командор и его спутник ушли. Она прыгнула вниз и осторожно прокралась к двери. Медленно взялась за ручку и налегла плечом, но дверь была заперта. И, сама не зная зачем, движимая каким-то злорадным любопытством, Олинн отстегнула ключ от малой связки, которая была у неё с собой.

Ключи от покоев дочерей эйлин Гутхильды у неё никто не отобрал за ненадобностью. А может, никто о них просто не подумал. Видимо, командора Брендана интересовали, в первую очередь, кладовые, оружейные и входы в замок, а не спальни девочек на верхних этажах. А сам Игвар, запирая комнату, воспользовался ключами эйлин Гутхильды.

Олинн оглянулась. Здесь галерею никто не охранял. Стража стояла внизу на лестницах и вверху на стене, откуда она только что спустилась. Момент был удачный, и Олинн, будто во сне, вложила ключ в замочную скважину, повернула, толкнула дверь и медленно вошла.

Комната после бегства Фэды осталась всё в том же состоянии, разве что постель командору перестелили да убрали платья. А так, тот же столик и сундуки, и балдахин из плотной синей ткани над кроватью. Только теперь на том столике, где раньше лежали шкатулки Фэды, заколки-фибулы и гребни, сейчас были разложены свитки, стояла походная чернильница в изящной серебряной оплётке, а подле неё – связка гусиных перьев в кружке из оленьего рога. На кровати лежала чистая мужская рубаха, а рядом наручи, плащ, перемётная сума из войлока и ещё одна походная сумка, кожаная, скатанная широким валиком. А на полу валялся шлем и кольчужная сетка – какая-то часть доспеха.

Олинн подошла, с любопытством разглядывая вещи Игвара. И даже сама понять не могла, почему делает это. От них пахло приятно: лесом, можжевельными ягодами и сосновой живицей, и чем-то горьким, и немного дымом. И вот так ярко чувствовать запах другого человека для Олинн было странно и непривычно. Она замерла у кровати и прислушалась к себе. И, что ей тоже показалось странным, сейчас она совершенно не чувствовала никакой опасности. И даже разозлилась на себя за это.

Почему? Ведь Игвар – враг...

Но её предчувствие в этот раз молчало.

Она подумала, что, будь её воля, плеснула бы сюда горячего масла и подожгла его вещи. Хотя, конечно, вреда особого это Игвару не принесёт. Но ей просто необходимо было хоть как-то, хоть в какой-то мелочи сделать ему больно.

От услышанного разговора всё у неё внутри просто кипело.

Она – трофей?! Она нужна ему, чтобы унижить ярла?! «Для чего ещё нужны женщины?» Ну, ясно же, для чего. О, Лунолика! Да хоть бы ты обрушила на голову этого мерзавца всю свою немилость! Хоть бы Великая Эль утащила его в трясину вместе с его наглостью и южной спесью! Никогда она не будет его трофеем!

А ещё она понимала, куда и зачем уехал Игвар, и какую избушку он собрался разобрать по брёвнам. Избушку Тильды, конечно же! Он думает найти там Звезду Севера. Видимо, она очень ему нужна, раз ради этого он, переодевшись монахом, пришёл в эти болота, а когда не вышло, то и сам замок захватил. И, может быть, Олруд королю вообще без надобности, раз он сюда даже не приехал. Может, всё это нужно самому командору Гриру? Что такого в этой звезде? Может, стоит расспросить об этом Торвальда?

Но одно ясно, чтобы не стать «трофеем», ей нужно срочно бежать. В этой мысли она утвердилась окончательно. Ведь звезда на её руке, как клеймо, и если Игвар её увидит, то тогда уж он точно поймёт, что она ему соврала. И что помешает ему закинуть её на плечо и увезти, как и обещал. А там...

«Для чего ещё нужны женщины?!»

– Поищи себе других женщин, подлое чудище! – пробормотала Олинн в сердцах.

Она осторожно подошла к столику и стала рассматривать бумаги. Рядом с чернильницей лежал кофр, тот самый, в который ярл положил свитки для передачи королю. В одном он признавал Олинн своей законной дочерью, а в другом обещал ей в приданое земли от Олруда до Серебряной бухты. Она осторожно открыла кофр, развернула бумаги и убедилась, что это они и есть. И, не колеблясь ни одного мгновенья, вытащила их и сунула за пазуху, а в кофр положила другой, чистый свиток и закрыла крышку.

В конце концов, это её бумаги. Её новое имя. Она вынесла из-за него достаточно унижений. И пусть эта бумага останется у неё напоминанием о том, что ей пришлось пережить. Игвару она всё равно не нужна, раз уж он не признал в ней королевскую невесту. А вот отец признал её своей законной дочерью. В будущем это может пригодиться, ведь мало ли, как всё обернётся в Бодваре. И законная дочь ярла Олруда с приданым, пусть и только на бумаге, не то же самое, что Олинн Суонн.

Глава 16.

Олинн выскользнула из комнаты, оглянулась и быстро заперла дверь. Пристегнула ключ к связке и торопливо направилась к лестнице, прижимая руку к груди, где под рубашкой были спрятаны бумаги. К счастью, на галерее по-прежнему никого не было, и Олинн надеялась, что и до самой кухни никто не попадётся, но...

...не повезло.

Из арки лестничного прохода ей навстречу шагнул Хейвуд, тот самый коротышка в красной рубахе, разговор о котором она только что подслушала. Он неторопливо откусывал от большого яблока и, завидев Олинн, остановился, перекрывая ей проход вниз.

– Куда спешишь, красавица? – спросил он, закладывая два пальца за расшитый серебряными бляхами пояс.

– Никуда, – ответила Олинн, чуть отступая, – на кухню.

– Милорд. Называй меня, милорд, северянка, – поправил он её с важным видом.

– Иду на кухню... милорд, – эхом отозвалась Олинн.

Лицо Хейвуда вблизи показалось ей неприятным. Круглое, точно лепёшка. Маленькие глазки и нос картошкой, а верхняя губа чуть больше нижней, отчего оно выглядело надменным. Шнуровка на красной шёлковой рубахе была распущена, и в покрывавших грудь коротышки завитках чёрных волос поблёскивал висевший на цепи массивный хольмгрег. Большое золотое солнце с рубином посередине. Рубаху подпоясывал широкий ремень, но даже множество шёлковых складок не скрывало наметившийся живот, хотя Хейвуд был достаточно молод. И Олинн заметила, что руки у него светлые и не загрубевшие, как у бывалых воинов. Видимо, он не утруждал себя упражнениями с мечом и битвами. Но, помня разговор Игвара и Брендана НьеРигана, она подумала, что дерзить ему уж точно не стоит. Кто бы он ни был, но раз командор Грир вынужден его терпеть, хоть и называет за глаза дурачком, то это точно какой-нибудь королевский прихвостень. А от таких людей не стоит ждать ничего хорошего.

– Какие глаза! – он причмокнул и облизнулся. – А-а-а, так я тебя знаю! Это же ты – «рябинушка»? Ты – новая игрушка нашего командора, да? Любопытно! С чего это наш суровый Грир взял себе трофеем не новую лошадь или меч, а тебя? Да ещё и обещал ярлу одарить тебя приданым! – Хейвуд смачно откусил от яблока и, махнув огрызком, приказал: – Сними платок, я на тебя посмотрю.

И Олинн застыла, не зная, что делать дальше. Осадить его? Но мало ли... Ведь, если его не послушать, если нагрубить или убежать, вдруг он вздумает приставить к ней охрану? А может, и ударит. Кто знает, какой властью он наделён. А Игвар уехал из крепости. Но даже если бы он был здесь, бежать к нему и просить защиты для неё было унизительно.

– Ну, чего застыла? – спросил Хейвуд и шагнул ей навстречу. – Не глухая же. Видел, как ты венок швырнула. Видно, что горячая.

Олинн невольно попятилась, но, тем не менее, стянула платок с головы. Не стоит ему перечить, как-нибудь она отделается от этого дурачка.

Косы упали на плечи, и Хейвуд прищурился, замерев с огрызком в руке. А в её ладони огнём запульсировала звезда, будто предупреждая об опасности.

– А ты совсем недурна, – процедил Хейвуд сквозь зубы, протянул руку и двумя пальцами провёл по её волосам, ловко расплетая косу. – Даже очень недурна. И, должно быть, очень хороша в постели, раз приворожила аж самого каменного Грира? Может, и мне перепадёт немного твоей горячей ласки, а, красавица?

Он улыбнулся, обнажая мелкие, как у хорька, зубы, отшвырнул огрызок и дотронулся до локтя Олинн. А другой рукой коснулся её щеки и провёл ладонью, спускаясь на шею, а оттуда чуть ниже, желая, видимо, схватить за грудь.

И не столько это оскорбило Олинн, ведь что взять с дурачка, сколько напугало, потому что на груди под рубашкой у неё были спрятаны украденные бумаги. Мысль о том, что их могут найти и обвинить её в воровстве, мелькнула в голове вспышкой молнии. Один раз её уже обвиняли несправедливо и держали в кладовой, ну уж нет, теперь она не попадётся! Звезда на ладони кольнула, будто подталкивая, и прежде, чем рука Хейвуда успела достигнуть своей цели, Олинн подалась ему навстречу и изо всех сил ударила коленом в пах, как когда-то учил её Торвальд. Старый вояка всегда говорил, что особо горячих это быстро остужает.

Она не успела подумать ни о последствиях, ни о чём другом, и в порыве злости не сдержалась и произнесла над согнувшимся от боли Хейвудом:

– Ничего тебе не перепадёт... милорд!

А затем бросилась к лестнице и едва не скатилась по ней кубарем. Бежала, не чувствуя ног и думая, что он сейчас её догонит, и всё, пропала Олинн!

Ох, опять она вляпалась, лягушка глупая! Теперь ей точно нужно бежать из замка! И как можно скорее!

Она свернула к саду эрля и спряталась там, за большим серебряным дубом, затаившись в зарослях болотного плюща, чтобы выждать время. Если её ищут, то сейчас побегут на кухню. Может, пошлют стражу. Кто знает, на что способен этот мелкий поганец!

Но, видимо, удар был сильным, а может, Хейвуду было стыдно, но криков Олинн не слышала, и стражу никто не позвал. Она посидела некоторое время и уже собралась осторожно выбраться из укрытия, как заметила странные знаки, вырезанные на стволе старого дуба. Это были руны, но какие-то совершенно ей незнакомые. Олинн подошла, коснулась их пальцами и ощутила липкий сок – надрезы оказались совсем свежими. Подняла взгляд и чуть выше на стволе увидела ещё такие же руны, но те уже успели потемнеть и немного затянуться.

И она вспомнила, как в тот день, когда её заперли в кладовой, эрль нашёл руны на стволе дуба...

В тот день она виделась здесь с Игваром...

Может, это сделал он? Но... зачем?! И, вообще, что они означают?

Но времени искать ответы у неё не было. Олинн снова намотала на голову платок, прислушалась к звукам в замке и осторожно пробралась по лестнице вниз.

В этот раз ей повезло – на кухне оказались только бывшие рабыни ярла, которые вовсю обсуждали так неожиданно свалившуюся на них свободу. И, пока до неё никому не было дела, Олинн прихватила хлеба и мяса, несколько пирожков с ягодой, сунула всё в котомку и быстро ушла. Спустилась к конюшням и кликнула младшего конюшего. Мальчишка был немного блаженным и сторонился людей, но с лошадьми отлично ладил, и Олинн знала, что он не станет смотреть на неё осуждающе. Она дала ему сладкий пирожок, попросила разыскать Торвальда и позвать его на конюшню. А в ожидании спряталась пока между стойлами, совсем как воровка.

Ей было так стыдно... стыдно, кажется, вообще за всё. За то, что боги обделили её умом и хитростью, и что теперь все смотрят на неё, как на врага. И что именно сострадание, которого ей щедро отсыпала Луноликая при рождении, превратило её теперь в изгнанницу и беглянку в собственном доме. Хотя и дом ли это? Отец её только что проклял, а мать...

Матери она совсем не помнила.

Когда-то Олинн пыталась выяснить, откуда же она родом. Отец об этом не распространялся, а Ульре говорила, что привезли её в Олруд с юга, из очередного похода. Сам ярл как-то сказал под хмелем, что где-то за Перешейком была деревня, в которой жили вьёли, и что там была одна женщина... Сказал, красивая. А слуги болтали, будто зачаровала она ярла так, что он и жены своей не помнил. И когда шёл походом на юг, то всегда останавливался в той деревне и жил там по полгода. Но, возвращаясь однажды домой, обнаружил, что деревню сожгли южане и всех убили. Как при этом Олинн осталась жива – неизвестно. Расспрашивать об этом у воинов, которые были с ярлом в тех походах и могли знать подробности, она боялась. Ярл и сам не

любил об этом говорить, и другим запретил. И никто не смел ослушаться, зная, какой тяжёлый кулак у Белого Волка.

Олинн вздохнула и обернулась, услышав шаги.

– Что же ты наделала, пичужка? – устало спросил Торвальд, когда конюший отошёл подальше.

– Ох, Торвальд! – выдохнула Олинн и закрыла лицо руками. – Лучше бы я послушала тебя там, на болотах!

В этот момент ей как никогда захотелось разрыдаться, но она лишь потёрла щёки ладонями так, будто можно было стереть стыд и неловкость, и, как могла, рассказала Торвальду свою историю. Умолчала, конечно, о многом. Например, о том, что произошло у реки, как Игвар поцеловал её и звал с собой. Но зато рассказала о звезде. Поверит Торвальд или нет, это его дело, но молчать и чувствовать вину у неё больше не было сил.

– И что, она вот просто так взяла и исчезла? – с недоверием спросил старый вояка.

– Да, вспыхнула и рассыпалась. Даже пыли не осталось. Скажи, откуда могла быть эта звезда? – спросила Олинн, закончив свой рассказ. – И как она оказалась у монаха... ну, то есть у их командора? Я видела у Фэды браслет, там такой же узор, а браслет этот был откуда-то с юга. Может, это какое-то колдовство? Была бы жива Тильда, я бы спросила у неё! А теперь не знаю, что и делать.

Торвальд поправил повязку, закрывавшую один глаз, и задумчиво погладил по шее лошадь, стоявшую рядом.

– Знаешь, я в тот год не был в походе. Лежал с раной в боку в лихорадке, а ярл ушёл без меня, – ответил он неторопливо, с трудом вспоминая давние события. – Ходили они далеко на юг, но перед этим приснился ему нехороший сон, и ярл пошёл к вельве. Она зарезала оленя и жгла костёр, и он долго у неё пробыл. Сказал потом, что она видела в оленьих кишках и в пламени плохое предзнаменование. Что-то он говорил под хмелем: «Будет гореть вода, как сухая трава, а земля трескаться, как лёд. Но если люди попросят богов, то пошлют они им Звезду Севера. Она защитит людей и спасёт. Тот, у кого будет звезда, тот и спасётся». И вроде как вельва подсказала ему, куда идти за этой звездой и где просить богов. В горы, по ту сторону болот. В Ир-нар-Рун. Но, может, оно и не так было, потому что у вельвы ярл пил тот дурной напиток из грибов, а с него ещё и не такое померещится. Уж не знаю, был ли он в горах, или нет, и кого просил... Белый Волк и просить-то не умеет, ты же знаешь. Но в тот год он в походе пробыл очень долго, а вернулся оттуда с тобой и сказал, что о звезде можно больше не беспокоиться – Север под защитой. Может, тогда он её и привёз. Но больше я про это ничего не слышал, и если та звезда и была, то ярл её никому не показывал.

– А куда они ходили? Откуда её привезли? – спросила Олинн. – Как называется это место?

– Да мне все те названия, как одно, не помню уже. Давно ведь было, – отмахнулся Торвальд. – Ты лучше сама ярла спроси.

– Мне сейчас нельзя ему попадаться на глаза, – ответила Олинн, вздохнув. – Да и вообще, лучше никому не попадаться. Меня в Олруде теперь считают предательницей, а отец меня проклял. Послушай, ну хоть что-то ты знаешь о том месте?

– Могу сказать только, что это дальше на юг, за болотами и за горами Ир-нар-Руна.

Но для Олинн это ничего не значило. Она бывала только в Олруде и в Бодваре, да ещё в окрестностях замков, на болотах и в ситтах. А что находится за Перешейком, она знала только из рассказов Ульре, которая пересказывала всё, о чём слышала от хирдманов, приукрашивая на ходу собственными выдуманными подробностями.

– А моя мать? О ней ты что-нибудь знаешь? В какой деревне она жила? Сколько лет мне было, когда отец меня привёз?

– Нет, не знаю. А ты... Да мелкая ты была, но уже ходила, – ответил Торвальд. – Хотя ты всегда была невеличка.

– Ходила? – удивилась Олинн. – Почему же я ничего не помню, что было до Олруда?

– Ну кто же знает! – пожал плечами Торвальд. – Я уже стар, всё в памяти перепуталось.

Первое, что Олинн помнила из детства – комнату под крышей да немую няньку, которая поначалу за ней ухаживала. Та могла только мычать и указывать рукой, что делать. И может, и сама бы Олинн не научилась говорить при таком воспитании, но как-то в замок пришла Тильда и увидела её во дворе. Вот с того дня всё и изменилось. Олинн отдали другой няньке, той, что присматривала за детьми ярла, и комнату выделили получше каморки под крышей. Она стала играть с Харальдом и Фэдой на равных, почти как настоящая дочь ярла. И разве что Эйлин Гутхильда иногда покрикивала на Олинн, но отец как-то осадил её за это. С тех пор мачеха никогда не ругала падчерицу в его присутствии. А однажды вёльва снова пришла в замок, позвала Олинн с собой и стала учить её понемногу разным премудростям: травам, знакам и голосу Великой Эль.

И вот теперь Олинн подумала, что ничего не помнить о своём раннем детстве – это странно. Как будто её прошлое кто-то отсёк, словно нить перерезал. Почему она раньше не задавалась этим вопросом? Почему подумала об этом только сейчас? Может, всё из-за тех слов, что сказал отец?

«...Она сказала, что если ты умрёшь, то я потеряю всё, что люблю. И поэтому я берёгу твою жизнь. Но теперь... Раз ты взяла Звезду Севера, то я верну ей всё сполна её же монетой. Если ты не принесёшь мне перстень, то, как только наступит Йоль, теперь уже ты будешь терять всех, кого любишь. Тех, кто рядом с тобой. Как она прокляла меня, так вот теперь я возвращаю ей это проклятье и отпускаю тебя. Именем Севера...»

Её мать прокляла её отца? Но что же тогда получается? Может, и не было никаких южан, которые сожгли деревню? Может, это сделали хирдманы Белого Волка? Иначе зачем матери его проклинать?

Торвальд на её вопросы лишь плечами пожал. Может быть, и так. Белый Волк забирал, что хотел, а кто противился ему, того ждала незавидная участь. Но Олинн выслушала его рассказ и подумала, что, может, и Торвальд ей соврал обо всём. Очень уже часто ссылался на плохую память, а память у него была преотличная. Это Олинн знала точно.

– Куда же ты пойдёшь? – спросил Торвальд, узнав, что она планирует бежать из замка.

– В Бодвар, к Фэде, – ответила Олинн. – Она меня укроет, только нужно где-то взять лошадь.

– А ты не боишься бежать?

– Чего мне теперь бояться? – усмехнулась Олинн. – Всё худшее уже случилось.

– Я их видел на болотах...

– Кого?

– Гончих, – Торвальд прищурил единственный глаз.

– Гончих?! Ох, Лунолика! И какие они? – жадно спросила Олинн.

– О, Нидхёгг! Даже на смертном ложе я не забуду их чёрные пасти и зелёные глаза! – хрипло произнёс Торвальд. – Топор и меч не возьмут этих тварей, и даже твоя вёльва не смогла ничего сделать с ними!

– И они тебя не тронули?! – Олинн даже голос понизила.

– Они промчались мимо меня. Огромные, чёрные, чернее самой ночи, и сквозь шкуру у них зелёным светом просвечивали рёбра. И глаза светились в темноте, и слюна капала из пасти тоже зелёная. Храни нас всех боги от таких тварей! Я их видел вот так близко, – он протянул вперёд руку и растопырил пальцы. – И они бы меня разорвали! Но где-то на болотах затрубил рог. Они его услышали и помчались на зов.

– Рог? И кто их мог позвать?

– Да ясно, что красноволосая ведьма Гидеона. Я, пока сидел в подвале, наслушался про неё всякого. Говорили, что она пьёт кровь убитых и что во славу своего бога сжигает людей, а угли потом собирает и складывает в шкатулку.

– И ты думаешь, эти твари всё ещё там? – Олинн внутренне поёжилась. – Война же закончилась...

– Не знаю. Но клянусь всеми богами, я бы не хотел встретить их снова.

А Олинн подумала, что до замка Бодвар за день она доберётся, если на лошади. Главное, успеть до заката, ведь твари Нидельхайма боятся солнца.

– Мне нужна лошадь, – тихо произнесла Олинн. – Помогите мне выбраться из замка.

– Ладно, пичужка, помогу, – ответил Торвальд и кривовато усмехнулся. – Меня теперь приставили к кухне отвечать за выпивку. Так что завтра я погоню подводы за элем и повезу из замка пустые бочки. Воинам короля понадобится много эля, – он провёл пальцами по усам, – переоденься в мужское, посажу тебя на одну из подвод, сойдёшь за мальчишку.

Глава 17.

Олинн и подумать не могла, что не пройдёт и дня, как ей самой придётся повторить судьбу Фэды – бежать из собственного дома. Только вот в отличие от сестры, её никто особенно не сторожил. То ли Игвар понадеялся на её благоразумие, то ли был уверен, что бежать ей, и правда, некуда. Она вернулась в свою комнату и собрала котомку. Вечером заглянула служанка, сказала, что пришла от командора справиться, не нужно ли чего. Олинн велела передать командору, что вещи она собрала и к полудню готова уезжать. Пусть поспит спокойно, а то ещё и к её комнате приставят стражу. Хотя зачем? Она не Фэда, не ценная заложница. А в замке стража сейчас везде: на стенах, на галереях, во дворе, у ворот. Тут и мышь не проскочит.

Мышь не мышь, а пичужка сумеет...

Так и вышло. Ранним утром, когда из крепости собрались уезжать подводы с пустыми бочками, Олинн надела мужскую одежду, натянула шапку и выбралась через заднюю дверь кухни, туда, где её ожидал Торвальд. В сером рассвете сумраке она вполне сойдёт за мальчишку. Стражник на воротах осмотрел подводы, мечом потыкал в солому, которую проложили между бочками, чтобы не гремели и не бились, и в каждую заглянул – не прячется ли там кто. Торвальд вёл вторую подводу, и хоть он был ещё крепок, но специально горбился и прихрамывал, и волосы растрепал, чтобы совсем походить на старика, от которого не жди никакой беды.

Олинн думала только о том, чтобы побыстрее выбраться из замка. Но, когда они проезжали через ворота, у неё внутри что-то дрогнуло и начало скручиваться в клубок нехорошего предчувствия. И она не знала, что это. Ожидание беды? Или грусть расставания с домом?

Казалось, это Олруд не хочет её отпускать. Словно с каждым шагом между ней и тем, что осталось в замке, натягивается невидимая нить, которая отдаётся тревогой в сердце, и тянет, и болит. И ей бы хотелось отмахнуться от этого предчувствия, да не получалось. Она оглянулась на тёмную громаду замка и вздохнула.

Прощай, Олруд!

Торвальд доехал с ней до моста через реку, чтобы убедиться, нет ли там стражи короля. Но стражи не было. Видимо, все воины Гидеона отправились дальше на север, к Серебряной бухте. А здесь королю стало уже нечего опасаться.

У моста Торвальд достал седло, спрятанное под бочками, и, оседлав лошадь для верховой езды, протянул Олинн поводья.

– Ну вот, пичужка, лети. Да возьми кинжал, – он вложил ей в руку оружие. – Мало ли, кто в дороге попадётся – бей, не раздумывая, целясь в горло. Если лихие люди, то бросай лошадь и беги в лес. А если попадутся воины короля, то поклонись и скажи, что тебя в Бодвар отправил замковый стивард, договориться насчёт ячменя. Скажи, что воинам командора понадобится много эля, а запасы на исходе, – он похлопал Олинн по плечу и добавил: – Какие у тебя глаза стали, будто чистый хризолит! Или я раньше не замечал? Ладно, торопись! И если уж совсем худо станет в Бодваре, то возвращайся или дай весточку, я спрячу тебя в дальней ситте... а там видно будет.

– Прощай, Торвальд! – она ловко спрятала кинжал, обняла старого вояку и, прихватив котомку, быстро взобралась на лошадь.

Не нужны ей долгие прощания! А то и так плакать хочется. И, если верить тому, что сказал отец, пока она не добудет камень красновлосой колдуньи, ей стоит подальше держаться от тех, кого она любит. А как она его добудет? Да никак. Но у неё пока есть время, до Йоля ещё целая осень. А значит, надо найти другую вёльву и узнать, как снять проклятье и вывести с её ладони оставленные эрлем руны.

В рассветной дымке она махнула Торвальду на прощанье, переехала мост и отправилась в сторону Бодвара.

В дороге её мысли снова вернулись к Игвару, и Олинн не знала, как назвать то, что она ощущает внутри. Это было одно болезненное жгучее чувство, в котором спелось в клубок всё: ненависть, обида, злость, сожаление, воспоминания о том, как они шли от избушки Тильды в замок и разговаривали, и даже поцелуй на берегу реки. И Олинн думала о том, что, если бы она всё это знала заранее, а стала бы она ему помогать? Стала бы, наверное... Только в замок бы не привела... Ведь он враг. И украл звезду, что могла бы спасти Олруд. Но он звал её за собой, предлагал бежать... А если бы она с ним ушла?

И всё было так сложно, но главное, чего она не могла простить Игвару, это даже не захват замка и то, что он выставил её перед всеми предательницей и продажной девкой. Главное, чего она не могла ему простить – обмана. Он обманул её доверие, он ей врал. И почему-то именно это ранило так сильно, как будто он был не просто незнакомцем, найденным на болотах, а близким, родным человеком. Это жгло где-то в груди так сильно, что хотелось вернуться обратно и ударить его, накричать, выплеснуть ему в лицо всю свою обиду. Но это было глупо.

Ей стоит его забыть. Вряд ли она ещё раз его увидит. А обиды проходят, и раны зарастают, и однажды наступит день, когда она сможет забыть колдовскую зелень его глаз.

Когда совсем рассвело, Олинн уже была далеко от крепости. За ночь небо затянуло плотной пеленой облаков, духота сгустилась, а воздух наполнился влагой. И всё вокруг замерло в ожидании дождя. Тишина стояла такая, будто в один миг птицы перестали летать, звери попрятались в чаще, а листья на деревьях застыли недвижимо. И только лягушки по-прежнему выводили свои трели на болотах, но как-то глухо и прерывисто, как бывает только перед дождём. И Олинн погоняла лошадь, надеясь, что до грозы успеет добраться до замка.

В Бодваре она была всего однажды, когда Тармол взял её с собой насчёт продажи зерна и обмена на дёготь и масло. Надо было кому-то пересчитать всё и записать. Но в тот раз они путешествовали на лодке по реке, и путь ей показался близким. А вот на лошади по дороге оказалось, куда как дальше, приходилось всё время огибать скалистые выступы, которых было много по ту сторону Эшмола. Река отдалилась, и её шум затих, и, оказавшись на развилке дороги, Олинн растерялась: куда же ей теперь ехать? Она потеряла все ориентиры, ведь эти места были для неё совсем незнакомыми. Она спрыгнула с лошади и принялась изучать следы. Смотрела, в какую сторону проехали телеги, и решила, что, видимо, там и будет замок, раз дорога такая раскатанная. Она повернула налево, но вскоре услышала шум ручья и стук деревянного колеса – оказалось, это дорога на мельницу, что стояла на ручье – притоке Эшмола. Пришлось возвращаться обратно. Потом она снова попала на развилку и опять потеряла время, а тревожное чувство в груди с каждым шагом лишь нарастало.

А если она не доберётся до Бодвара засветло? В темноте её могут в замок и не пустить. И ночью на болотах оставаться ой как небезопасно!

Она вспомнила рассказа Торвальда о гончих и подстегнула лошадь. Небо начало темнеть, и на смену плотным облакам поползли иссиня-лиловые тучи. Олинн подумала, что если непогода застигнет её в дороге, то лучше бы загодя найти какое-то укрытие. Но по обе стороны виднелись лишь ольховники да осинники на пригорках, в которых не спрячешься от дождя и ветра.

И если бы хоть примерно знать, сколько ещё ехать до замка! Хоть бы попалась какая-нибудь подвода или всадник! Но напуганные войной жители окрестных деревень попрятались, кто где мог, и дорога была совершенно пустынна.

Непогода началась внезапно. Сначала затрепетали листья осин, зашептались, предупреждая, и задрожали от первого лёгкого дуновения. Затем ветер пронёсся по верхушкам деревьев, закрутил их, обломал ветви и швырнул на дорогу. Почуввав приближение стихии, лошадь прибавила шаг, и, словно подгоняя несчастную всадницу, небо над деревьями с сухим треском рассекла молния. Гром гремел где-то далеко, но долго и протяжно, и разнёсся над болотами

глухими отголосками. Всё снова замерло на мгновение, а потом ветер сорвался в настоящую бурю.

Деревья по обе стороны дороги гнулись и стонали, ветер рвал листья и хлестал ветвями по лицу. Дождь ударил крупными каплями, а потом припустил сильнее и сильнее, и следом посыпался град. Он сёк по лицу, по плечам и по кистям рук, и, чтобы хоть как-то укрыться, Олинн отвязала от седла плащ и накинула сверху, но он тут же промок, отяжелел и прилип к телу. И если первые капли дождя поначалу принесли облегчение от духоты, то вместе с градом сильно похолодало. А когда град и ветер немного стихли, дождь полил сплошной стеной, и вскоре за его пеленой скрылось всё вокруг. Стало стремительно смеркаться, и по раскисшей дороге лошадь шла всё медленнее, понуро опустив голову. Косые струи дождя били Олинн прямо в лицо, она уже промокла до нитки, и единственное, что чувствовала в этот момент – отчаяние.

И мысль о том, что с Фэдой в дороге могло случиться что-то такое же, впервые закралась в её голову. А если Фэда не добралась до Бодвара?

Становилось всё холоднее, и дождь, поначалу показавшийся тёплым, теперь проник под плащ, за воротник, промочил и куртку, и рубашку, и штаны, и, кажется, даже в сапогах было полно воды.

Ох, Лунолика! Помоги! Спаси свою глупую дочь! Великая Эль, услышь меня, не дай мне пропасть на этой дороге!

Олинн молилась всем богам, и кто-то из них, видимо, её услышал. Позади раздались топот и чавканье, и она догадалась – лошади! Сзади её нагоняют всадники. Олинн обернулась, но даже понять ничего не успела. Кони вынырнули из пелены дождя и чуть не сшибли её с дороги. Послышались брань и ржание, и лошадь всадника, ехавшего впереди, взвилась на дыбы, едва не выбросив наездника из седла. Перед лицом мелькнули копыта, Олинн отпрянула, не смогла удержаться и полетела напрямиком в грязь.

Она шлёпнулась в лужу, но от страха не ощутила ни боли, ни самого падения, только увидела, как в пелене дождя вокруг неё заплясали всадники на лошадях, объезжая по кругу, а потом снова слышала брань. От падения с головы слетела мужская шапка, плащ развязался, а мокрые волосы разметались и прилипли к лицу. Теперь уж точно никто не поверит в то, что она – мальчишка. Сквозь сплошную стену дождя она разглядела на всадниках кольчуги, точно такие, как на воинах-южанах в Олруде, и увидела знаменосца с обвисшим от воды флагом, и догадалась, что её нагнал один из отрядов короля, ехавший, видимо, в Бодвар. И, наверное, это было плохо. Потому что если сейчас её не затопчут их кони, то, наверное, всадники прибьют за то, что так некстати попала под ноги.

Но она не успела даже подумать о побеге – чья-то крепкая рука схватила её за шиворот и дёрнула вверх одним резким движением. И едва её ноги коснулись земли, как тут же у самого подбородка замер кончик меча, заставляя поднять голову на всадника, того самого, который едва не вылетел из седла по её милости.

Олинн краем глаза успела увидеть, что и другие всадники обнажили оружие и оглядывались, видимо, ожидая засады или нападения, а потом с ужасом уставилась на меч. Но от страха не смогла даже слова произнести, только чувствовала, как бежит по лицу вода и колени наливаются противной слабостью.

Она отклонилась назад и посмотрела на мужчину, который разглядывал её с высоты огромного гнедого коня. Мужчина чуть опустил меч, и взгляд его тёмных глаз охватил Олинн всю, от макушки до увязших в грязи сапог, но на его лице при этом ничего не отразилось: ни удивления, ни досады. Мужчина молчал, пока остальные воины вокруг осматривались, и лишь конь под ним перетаптывался с ноги на ногу, исходя паром.

– Девчонка? Это девчонка! – переключались голоса. – С ней кто-то есть?

– Никого!

– Держать оборону!

– Сомкнуть ряды!

– Ты кто такая? – наконец спросил мужчина, ещё немного опуская своё грозное оружие. – И что делаешь здесь в грозу?

– Я... я младшая экономка из Олруда! – торопливо воскликнула Олинн, вспоминая напутствия Торвальда и понимая, что нужно убедить этих людей в том, что она не опасна. – Меня в Бодвар послал наш стивард! Договориться насчёт ячменя! А я заблудилась, и начался дождь!

– Ты одна поехала в Бодвар? У вас в Олруде что, нет мужчин? – немного удивился всадник. – Или с тобой есть ещё кто-то?

– Я одна, милорд! Одна! – Олинн судорожно вытерла лицо руками, отбрасывая назад мокрые волосы. – Я просто не успела до непогоды! Мужчины у нас все под замком, командор распорядился! А Ульре, наша экономка – она старая совсем, и на лошадь даже не заберётся! Вот меня и послали.

– Ближе подойди, – коротко скомандовал всадник, чуть поманив рукой.

Он медленно опустил меч и теперь разглядывал её уже с явным любопытством, а Олинн сделала шаг вперёд и тоже принялась его разглядывать. Чуть впалые щёки, высокий лоб... Тонкий нос с небольшой горбинкой придавал лицу мужчины оттенок какого-то скорбного благородства. И глубоко посаженные тёмные глаза смотрели из-под бровей настороженно, будто пытались разглядеть в незнакомке таящуюся угрозу. Его волосы скрывал кольчужный капюшон, а по лицу стекала вода, и определить возраст мужчины Олинн так сразу не смогла. Не стар, но и не молод. Суров.

На нём была такая же, как и на других, кольчуга, и только седло его лошади отличалось богатым убранством, да на ногах Олинн заметила хорошие сапоги. Он спрятал меч и вытер ладонью мокрое лицо, устало стряхивая капли. На его пальце мелькнул массивный перстень с красным камнем, и Олинн подумала, что этот мужчина явно командор отряда. И он даже показался ей чем-то отдалённо похожим на Брендана Нье'Ригана, который остался в Олруде. Наверное, профилем лица или тонким носом.

– Младшая экономка, значит... – произнёс он задумчиво. – Как тебя зовут?

– Олин-н-н...

Она едва не добавила «Суонн», но успела остановиться. Подумала – не надо никому знать, что она вообще была на этой дороге. А ещё подумала, что и своё настоящее имя зря назвала, но сказанного не воротишь.

– Ну что же, Олинн из Олруда, – мужчина вскинул руку вверх и скомандовал: – Посадите её на лошадь, она едет с нами. Да не мешкайте, скоро ночь.

Он стегнул коня, сорвался с места, и весь отряд помчался следом. И Олинн едва успела понять, что происходит, как её уже подхватили чьи-то руки и почти зашвырнули в седло. А дальше лошадь несла её сама, следуя за предводителем отряда, и дорогу можно было больше не разглядывать. Олинн только видела впереди чью-то кольчужную спину и слышала равномерное чавканье копыт по грязи, и подумала, что всё не так уж и плохо, если она приедет в Бодвар под охраной целого отряда южан.

Когда они подъехали к замку, ночь стала совсем уж непроглядной. Ветер немного утих, но дождь не прекратился, а так и лил стеной. Казалось, Лунолика, наконец-то услышав все молитвы северян о дождях и туманах, решила отдать им всё и сразу. К тому моменту, как отряд спешил во дворе, Олинн так заоченела, что совсем ничего не чувствовала. Ноги и руки занемели от долгой скачки, мокрая одежда липла к телу, и от холода зуб на зуб не попадал. Она не увидела, куда делись воины, и кто их встречал. Услышала только, что их командор распорядился насчёт неё, велел дать ночлег и накормить. Ей помогли спуститься с лошади какие-то люди, и всё, на что хватило у Олинн сил – это пройти за служанкой в кухню и упасть

на лавку. С неё тут же натекла на пол лужа грязной воды, и только сейчас она увидела, что и вся её одежда тоже в грязи. Но она даже сапоги не смогла снять сама – руки не слушались.

К ней пришла с расспросами старшая экономка замка, и, хотя они никогда раньше не виделись, но она слышала про Олинн, помощницу Ульре, и поэтому не удивилась. Удивилась тому, что её отправили сюда одну, без охраны, но потом, пробормотав что-то про войну и женщин, скорбно покачала головой и распорядилась выделить ей комнату и дать чистую одежду. Одна из служанок помогла ей раздеться, и то, что сняли с Олинн, унесли стирать. Содержимое котомки развесили у огня, а ей налили миску горячей похлёбки и кружку мёда с огонь-травой. И, когда тёплая еда и мёд попали в желудок, Олинн ощутила себя совсем пьяной. Экономка выглянула в окно, снова покачала головой и сказала, что посылать в такую погоду девчонку аж за реку – это смертоубийство, и велела Олинн идти спать. Все дела подождут до завтра, всё одно уже ночь.

Олинн поблагодарила её, но попросила узнать, можно ли ей сегодня увидеть ярла Хельда Бодвара.

– Сегодня? – удивилась экономка.

– Да, сегодня. У меня срочное дело. И... чтобы никто не знал, что это срочно, – попросила Олинн.

Дом полон воинов короля, и о том, здесь ли Фэда, нужно спрашивать только у её жениха с глазу на глаз. Экономка поправила чепец на голове, оглянулась на дверь и ответила тихо:

– Я спрошу. Но он с гостями, не знаю, примет ли.

– Скажи: это важно.

Глава 18.

Экономка ушла, а Олинн опустила голову на скрещенные руки. От усталости, тепла и мёда слипались глаза, и она не заметила, как провалилась в глубокий сон. Очнувшись она от того, что кто-то тронул её за плечо, и даже не сразу поняла, где находится. Большой очаг, в котором горит огонь, длинный стол, на стене вертела, ножи и сковородки...

Шум дождя за окном вернул воспоминания. Она в Бодваре.

Экономка растолкала её, прихватила фонарь и велела следовать за ней. Они шли тёмными коридорами, поднимались по узким лестницам...

И, проходя по одной из внутренних галерей, где-то внизу Олинн увидела огни горящих жаровен, услышала музыку и смех – в Медовом зале замка Бодвар воины-южане, видимо, продолжали праздновать победу над Севером.

Экономка отвела Олинн в самое дальнее крыло, в одну из комнат, где её ждали ярл Бодвар и Фэда. Шагнув внутрь и увидев сестру живой и здоровой, Олинн едва сама не упала без чувств, ощутив, что наконец-то она в безопасности.

Узнав, что у ночной гостьи нет к нему никаких дел, ярл Бодвар ушёл и оставил сестёр вдвоём. Фэда сразу же набросилась на Олинн с расспросами о том, почему она здесь, и что произошло в замке после её побега. И Олинн решила рассказать всё, без утайки.

Хотя нет, не всё.

Она умолчала о главном. О том, что знала Игвара и в какой-то степени виновна в падении Олруда. Гостеприимство Фэды для неё сейчас единственная надежда на убежище, а, если сестра узнает, что лишилась привычной жизни из-за Олинн, кто знает, как она поступит. После того, как поступил с ней Игвар, что-то внутри будто надорвалось, и исчезло безоговорочное доверие к близким.

– А мы сегодня поженились! – радостно воскликнула Фэда, едва Олинн начала свой рассказ. – Вот, смотри. Это Хельд подарил.

Она перебрала через плечо белокурые волосы и показала серьги, похожие на тот браслет, который Олинн уже видела на её руке. Длинные серьги, украшенные синими камнями – эту искусную работу нельзя было не узнать. А ещё кольцо. Массивное золотое кольцо с таким же бирюзовым камнем.

– Так что я теперь эйлин Фэда Бодвар, – довольно произнесла сестра. – Король был милостив к Хельду за то, что он присягнул ему первым и сдал замок без боя, так что теперь мой ярл станет здесь наместником. Ну, так что там было дальше...

Её сестра так гордилась своим замужеством, что Олинн даже растерялась. Ведь с её побега прошло всего-то два дня! Как только она всё успела?! Фэду было просто не узнать – она будто совсем забыла об Олруде, о своём доме и, казалось, совсем не переживала по поводу того, что его захватили. А ведь всё могло пройти куда кровавее, чем получилось. Но Фэду не интересовали убитые или раненые. Она слушала Олинн рассеянно, то и дело перебивая и рассказывая о том, как устроилась на новом месте, какая у неё постель и сколько служанок, и что она тут всё поменяет, как только воины короля уйдут из замка. Она даже не спросила, как мать восприняла весть о её побеге.

И лишь когда Олинн дошла до подписания бумаг, Фэда восторгалась и спросила удивлённо:

– Тебя? Отец признал тебя своей дочерью и хотел выдать за короля?!

Она посмотрела на Олинн так, будто только сейчас её увидела.

– Да. Он сказал, что король воспримет твой побег как оскорбление. И нужно было что-то срочно придумать. Он и бумагу написал. Вот.

Олинн достала из потайного кармана в широком поясе бумагу, спрятанную в непромокаемый кожаный чехол, какой есть у всякого путешествующего по Илла-Марейне.

Фэда прочитала бумагу, и её лицо изменилось. Она снова посмотрела на Олинн удивлённо и спросила растерянно, будто задумавшись о чём-то:

– Он сделал тебя наследницей всех земель? Вот так легко?!

– Ну... да. Он же собирался выдать меня за короля, а тому нужна не столько невеста, сколько земли. Так что отцу было без разницы, кого отдавать королю.

Олинн показалось, что Фэда обиделась. Хотя... она понимала, почему. Ведь Фэда всегда была любимицей отца, с неё в замке пылинки сдували, а Олинн так внезапно и легко заняла её место. Вот только Фэда не понимает, что это место – плаха. Не понимает, как ей самой несказанно повезло оказаться в Бодваре живой и невредимой, и что Хельд сдержал своё слово и взял её в жены, несмотря на возможную немилость короля. А вот Олинн совсем не повезло...

– А дальше?

Олинн рассказала о рунах и эрле, о проклятии отца и о том, что ей нужно будет принести камень к дню Йоля. И что теперь ей нужно срочно найти вёльву, чтобы снять это проклятье. Фэда слушала и молчала, и её лицо постепенно мрачнело.

– А почему их командор не поверил отцу? Вот так посмотрел на тебя и не поверил, что ты его дочь? Ну, непохожа, и что? Это странно, – произнесла она задумчиво, теребя пальцами расшитый узорный пояс.

– Кто-то сказал командору, что я незаконнорожденная, и он... видимо... побоялся везти королю такую невесту. Хотя бумаги он прочитал, – ответила Олинн, чувствуя, как от этого вранья у неё снова краснеют уши.

– И король не женится на Селии?

– Нет.

– Потому что она страшная?

– Видимо, да.

– А почему же ты тогда сбежала? Зачем? Если командор от тебя отказался, если ты не нужна королю, а отца отправили прочь из Олруда, зачем тебе было бежать сюда? – Фэда внимательно посмотрела на Олинн, и та растерлась, не зная, что же соврать.

– Ну... потому что... их командор решил увезти меня с собой, – ответила она, запнувшись.

– С собой?! – удивлённо переспросила Фэда и впиалась взглядом в лицо Олинн. – Видно, ты ему понравилась, раз он решился забрать у короля его невесту.

И Олинн снова ощутила, как заливается краской, и принялась заплетать косу, чтобы спрятать свою неловкость. Ведь что-то было в этих словах такое, что отозвалось в сердце Олинн теплом. Как будто мысль, что она нравится Игвару, согрела её изнутри. Он ведь не отдал её королю... Об этом она раньше не думала, но слова Фэды заставили взглянуть на всё по-другому. И это было приятное чувство, хотя и неправильное. За него ей стало стыдно вдвойне, потому что Игвар – враг, и она не должна испытывать к нему никаких чувств.

– Понравилась?! Вот ещё! Видела бы ты, какой он страшный! Настоящее чудовище! – отмахнулась Олинн.

– Вот это и странно, – ответила Фэда, глядя внимательно на Олинн. – Так значит, если ты принесёшь этот камень, проклятье исчезнет?

– Да. Так сказал отец. Но я не собираюсь выходить за короля, а уж красть что-то у его колдуньи, тем более! Она же меня убьёт! Мне нужно просто спрятаться где-то, а потом я найду вёльву, и она снимет проклятье.

– А если нет? Если не снимет? То все, кого ты любишь, умрут? – спросила Фэда, продолжая пытливно вглядываться Олинн в лицо.

– Все, кто будут рядом... Как-то так. Но ты не думай, я знаю, что его можно снять! – воскликнула Олинн. – Просто нужна вельва. Ты можешь спросить у Хельда? У Бодваров ведь тоже есть своя вельва... И... я могу пожить пока здесь? Пока не найду её и...

Слова почему-то застряли в горле. Она видела, что Фэда, кажется, совсем не рада тому, что она хочет у неё спрятаться.

– Я должна поговорить с мужем, – ответила Фэда, вставая. – Ты же знаешь, здесь кругом воины короля. И сам король должен приехать с Перешейка. Тебе нельзя просто так здесь оставаться. Не хватало ещё, чтобы на нас подумали, будто мы укрываем беглянку! Слуги же могут разболтать, и вообще...

– Но куда же я пойду? – устало спросила Олинн. – Неужели ты меня выгонишь?

А что будет, если Фэда, и правда, её выгонит? Судя по всему, она и сама всего боится, и может стать так, что откажет ей в гостеприимстве. И такого поворота от судьбы Олинн никак не ожидала.

– Ладно, ладно! Я поговорю с мужем. Оставайся на ночь здесь. Утром что-то придумаем, – ответила Фэда, направляясь к двери. – Ложись спать, я приду завтра.

Фэда ушла, а Олинн так и осталась сидеть на кровати. Нехорошее предчувствие шевельнулось в груди, и, будто вторя ему, ветер ударил в окно и завыл где-то в дымоходе. Но у Олинн больше не осталось сил на переживания. Завтра утром она убедит Фэду в том, что никому не помешает в замке. Узнает, где найти вельву, и сразу поедет к ней...

Если она избавится от проклятья, а воины короля покинут Бодвар, то опасаться будет нечего.

А сейчас всё, что она может – спать.

Утром Олинн проснулась непривычно поздно. И первое мгновение удивилась – где это она? Балдахин над широкой кроватью, большой камин и много подушек. За окном всё ещё шумит дождь... И почему-то болит нога.

А потом вспомнилось всё и сразу, и Олинн рывком села на кровати.

Она в Бодваре. У Фэды. А нога болит потому, что она вчера шлёпнулась с лошади.

Ночь, дождь, всадники в кольчугах и страх... Всё это было вчера. И в то же время, всё, произошедшее за последние два дня, показалось сейчас каким-то далёким и нереальным. Будто и не с ней произошло. Может, потому, что слишком много всего случилось. Олинн потёрла лицо ладонями, прогоняя остатки сна и окончательно осознавая, где она.

В чужом доме.

Сердце сжалось от тоски. И ей вдруг отчаянно захотелось оказаться не здесь, не в этой чужой комнате и пышной постели, а где-нибудь в знакомом месте, в избушке Тильды, например. Чтобы там привычно горел огонь в очаге, и пахло травами, и впереди ждали простые повседневные дела. Ни войны, ни побега, ни предательства, ни проклятий...

Кто-то осторожно постучал, и следом отворилась дверь. Вошла служанка, держа в руках ворох одежды: платье, туфли, какие-то ленты и гребень. Она поклонилась, пожелала доброго утра, быстро повесила наряд на высокую спинку стула и исчезла за дверью, чтобы снова появиться уже с кувшином воды для умывания.

– Эйлин Фэда меня прислала, – ответила она на вопрос Олинн, для кого всё это. – Велела помочь вам одеться.

– Да не нужно мне помогать, – усмехнулась Олинн.

Кто ей помогал одеваться в Олруде? У неё никогда не было служанок, так что справится сама. А Фэда слишком быстро взяла на себя роль хозяйки Бодвара.

Но платье, которое прислала ей сестра, было таким, что самой тут не справиться. Глубокий зелёный цвет, золотая вышивка вокруг выреза и по краю широких рукавов, а сзади шнуровка, руками не дотянешься. К платью прилагалась тончайшая льняная рубашка и пояс, тоже расшитый золотом, и туфли из тонкой оленьей кожи. Это был слишком дорогой наряд, и

слишком для неё непривычный. Да и ни к чему ей сейчас в нём щеголять, только привлекать лишнее внимание. И Олинн, осмотрев его, спросила у служанки:

– Чьё это платье?

– Эйлин Фэда сказала, что ваше.

– Как тебя зовут? – спросила Олинн служанку, продолжая разглядывать шелковистую ткань.

– Ислид, госпожа.

– Послушай, Ислид, а где моя одежда? – спросила она, откладывая платье. – В которой я приехала?

– Так вот же, – махнула служанка рукой на сундук, – да тут только рубаха и пояс, а остальное ещё не высохло, сыро-то вон как! Все веревки и так тряпьем завешаны, одних плащей наташили королевские вояки целую гору!

– А где сама Эйлин Фэда? Ты можешь её позвать?

– Не могу, госпожа. Король прибыл в замок, так что она не может сейчас прийти.

– Король?!

У Олинн всё внутри сжалось от страха. Вот только встречи королём ей сейчас не хватало!

– Ну да. А к вечеру ждём ещё гостей. Чуть ли не всё войско короля соберётся здесь. Так наша экономка говорит. Вон, даже за стеной крепости шатры поставили. А я сейчас завтрак принесу и справлюсь у госпожи, когда она освободится, – Ислид присела в коротком поклоне и исчезла за дверью.

Вернулась она быстро, неся в руках деревянный поднос, уставленный едой. И Олинн посмотрела на него с удивлением, не привыкла она так плотно завтракать. В Олруде встаёшь с рассветом, быстро перехватишь, что будет на кухне, и пора бежать по делам. А тут...

Она посмотрела на мёд и сливки, и пышные овсяные блины с голубикой. А ещё тонкие ломтики холодной оленины с брусничным соусом, свежий хлеб и рыбу, запечённую с мёдом и мятой. Служанка поставила поднос на столик у окна и приоткрыла ставень, впуская свет пасмурного дня.

– Эйлин Фэда просила вас никуда не выходить, она сама к вам придёт, когда сможет. А то в замке суматоха, и полно воинов короля, к вечеру будет пир, – добавила Ислид. – Я сейчас ещё дров принесу, а то зябко стало, растоплю камин. Ветер-то как вчера лютовал! Всё тепло из покоев выдул! После духоты-то совсем сыро, дождь, видно, надолго зашёл. Я сейчас кликну остальных – принесём горячей воды и лохань. Вас надо пропарить после вчерашнего и волосы отмыть.

Волосы отмыть, и правда, не мешало бы. Олинн вчера упала спать, даже не просушив их как следует, и на голове теперь был настоящий колтун, даже гребень его не взял.

Пока две другие служанки таскали воду в лохань, Ислид помогла ей примерить платье, покачала головой, видя, что оно длинновато, и послала за рукодельницей, а Олинн взялась за завтрак, почувствовав, как разыгрался аппетит. Ещё бы! Вчера в дороге она и не ела ничего толком, а вечером кружка мёда да миска похлёбки свалили её в сон.

Олинн завтракала и смотрела, как девушки таскают воду. И раздумывала...

Наверное, так даже лучше, что ей не надо никуда выходить. Пересидит здесь, король же не навсегда в Бодваре. Пару дней будет пировать, а потом уедет либо на север, завоевывать новые земли, либо на юг, до весны. А что такое два дня! Зато она пока расспросит служанок о том, есть ли тут поблизости какая-то вёльва. Должна быть. А как только король уедет, так она сразу к ней и отправится. Главное, никому не попасться на глаза.

Она почему-то подумала об Игваре. А что, если он будет её искать? Но тут же себя успокоила. Во-первых, вряд ли он подумает, что она уехала в Бодвар. Он же не знает про Фэду. Во-вторых, здесь, как говорят служанки, замок полон народу, тут легко затеряться. Единственный, кто может о ней рассказать, это тот командор, который подобрал её вчера. Но, скорее всего,

он уже давно и думать о ней забыл, и имя её тоже вряд ли запомнил. Не великого она полёта птица, чтобы её помнить. Да и не станет Игвар у каждого командора о ней расспрашивать. С чего бы? Он, конечно, пообещал её найти, если она сбежит, но у главного командора короля должны быть дела и поважнее, чем искать сбежавшую экономку.

И правда, чего она так волнуется? Здесь никто её не найдёт и не увидит. Нечего и переживать.

Она вздохнула, посмотрела на свою ладонь, где пряталась невидимая звезда, и почему-то ощутила покалывание. Как будто звезда была с ней не согласна.

– Тебя забыла спросить, – буркнула Олинн и быстро сжала руку в кулак, видя, что служанки непонимающе на неё смотрят.

Низ платья подшили быстро, в остальном же оно оказалось ей как раз. И пока была занята шитьём, рукодельница рассказала, что наряд принадлежал одной из сестёр нынешнего ярла. У Хельда Бодвара две младших сестры, и, хотя они ровесницы Селии, но видно, что ростом уже куда больше Олинн. А ещё рукодельница сокрушалась, что теперь они остались совсем без женихов. Придётся девушкам выходить замуж за черноволосых южан. И дети у них станут тоже черноволосыми, а что может быть хуже?

И правда, что может быть хуже? Олинн только усмехнулась. Вот уж цвет волос – это меньшее, за что стоит переживать. Бодвар избежал куда более худшей участи благодаря предательству Хельда. Так что цвет волос его будущих племянников – это всего лишь малая плата за мирный договор. Да и тёмные волосы не так уж и страшны. Она и сама такая, не золотоволосая, как Фэда.

Ей почему-то вдруг вспомнились чёрные космы Игвара. На смотринах, когда она увидела его в Медовом зале, в одежде командора и с мечом, когда он не был лохмат и постриг бороду, Игвар выглядел так, что...

Вот же, глупая лягушатина! Нашла, о ком думать! Тьфу!

Олинн прогнала предательские мысли о зелёных глазах Игвара и полезла в лохань.

Долго нежилась в тёплой воде, потом высушила у камина волосы, а Ислид уложила их витиеватыми косами на затылке и переплела лентами. И пока она возилась с причёской, Олинн выяснила, что вёльва у них и в самом деле есть, но живёт она не в замке, а по дороге на юг, у озера, почти у самого Перешейка. И рассказала, как туда можно доехать.

Олинн подумала, что если выехать на рассвете, то за день на лошади туда доберёшься. А у вёльвы можно и переночевать, главное, захватить ей даров побольше. Потом Ислид ушла, девушки унесли лохань и тоже удалились, а Олинн осталась одна – маяться бездельем.

И как только Фэда может весь день ничего не делать?

Ну, вышивать, ну, поиграть на тальхарпе, поесть, поспать, пособирать бисер, а... дальше-то что? Да если бы она была дочкой эйлин Гутхильды, точно бы с ума сошла от такой скучной жизни!

И Олинн впервые затосковала по тому, что окружало её в Олруде. Суэта на кухне, где вечно красная Искерд гоняет своих помощниц. Ульре, раздающая задания. Конюшие, кузнец, оружейник, подводы, что привозят всякую снедь, и охотники с добычей: гусями и утками. Суэта и беготня. Дворовые девчонки с корзинами ягод... В это время жизнь в Олруде бурлит и кипит, и некогда даже присесть. И даже когда закончится время заготовки, появятся другие дела. Женщины будут белить лён и ткать, соберутся пряжи и займутся шерстью, кожевник привезёт выделанные олени шкуры. Швеи будут стегать утиным пухом куртки и плащи, шить подушки и одеяла, чинить одежду. В это время варят эль из мёда и ягод и готовятся к празднику. Столько всего происходит в замке! А тут... тишина и четыре стены.

Она села у окна, но из этих покоев было видно только скалы, покрытые редколесьем деревьев, на которых сегодня Олинн впервые увидела жёлтые листья. Дождь шёл неторопливо и нудно, тучи обложили небо со всех сторон, и стало холодно. Настоящая осень. В этот год

лето и так задержалось у них необычайно долго. Но сегодня показалось, что осень как никогда стремительно ворвалась в Илла-Марейну, за одну ночь отвоевав всё у лета. Ветра не было, болота утонули в белёсой дымке, а вершины скал скрыли низкие облака, и тоска по дому и прошлой жизни захлестнула Олинн с головой.

Служанка снова появилась, принесла обед и вышивку – может, госпожа захочет рукодельничать? А потом ещё свечей. Олинн помучила вышивку и отложила – рукодельница из неё не очень.

Когда начало смеркаться, она ещё побродила по комнате, заглянула в сундук, обнаружили там какие-то ткани. И от нечего делать решила ещё раз перечитать бумаги, что подписал на неё отец, и попробовать увидеть руны, нанесённые эрлем. Может, погреть их над огнём? Не сильно, чуть-чуть, чтобы они проступили. И бумаги нужно будет обязательно захватить с собой к вёльве, чтобы она тоже увидела эти руны.

Олинн взяла свой пояс и полезла в потайной карман, куда вчера спрятала бумаги.

Бумаг не было. Они исчезли вместе с непромокаемым чехлом.

Но она точно их туда вчера спрятала, это она запомнила. Забрала у Фэды и спрятала.

Может, выпали?

Олинн осмотрела сундук и за сундуком, и вдоль стены, и у кровати, перерыла всю постель, но бумаг нигде не было. Она устало опустилась на постель. За окном совсем сгустились сумерки, в дверь поскреблась Ислид, заглянула сначала, а потом вошла.

– Идёмте, эйлин Фэда вас ждёт. Вот, накиньте на волосы, – она протянула тонкую накидку, украшенную плетёным кружевом.

– Погоди, – Олинн взяла свой пояс и, подняв вверх, чтобы служанка его рассмотрела, спросила: – Ты этот пояс не брала? В этом поясе бумаги были, ты их не видела?

– Вчера эйлин Фэда велела мне его принести вместе с вашей одеждой да сказала, чтоб я вас ненароком не разбудила. Но вы уж спали как убитая, – ответила служанка, – а потом я его назад принесла, вместе с рубахой-то. А бумаг не видела никаких.

Олинн бросила пояс на сундук и ощутила, как в ладони снова начала пульсировать звезда.

И это был дурной знак.

Глава 19.

Олинн набросила накидку на плечи и поспешила за служанкой, ощущая волну плохого предчувствия, подступившую к горлу удушьем.

Неужели это Фэда взяла бумаги? Видимо, испугалась, что теперь Олинн заняла её место, стала наследницей земель ярла? Да ей ни к чему эти земли! Они теперь всё равно принадлежат королю!

И не столько её расстроило то, что бумаги пропали – ведь сестра, скорее всего, их сожгла – сколько понимание того, что Фэда вообще так поступила.

До этого мгновенья Олинн даже не думала, что это может быть важно для Фэды. Она не воспринимала всерьёз то, что отец написал в этих бумагах в порыве ярости. Как же Фэда не понимает, что это не дар и не благо! Эти бумаги – проклятье!

Разочарование ощущалось привкусом горечи во рту.

Что теперь её ждёт? Фэда её прогонит? Наверное. Теперь понятно, почему она вчера сказала, что ей нельзя просто так здесь оставаться. Сошлётся на мужа, и выставят её за дверь на все четыре стороны. Тогда зачем это платье, зачем всё это мытьё-причёсывание и служанка? Может, так Фэда хочет загладить вину перед ней? Она всегда была равнодушна к нарядам и драгоценностям, думает, наверное, что новое платье поможет забыть обиду.

Она терялась в догадках и не знала, что и думать. Ей хотелось верить в то, что Фэда поступает так потому, что сама здесь никто, что она боится и за свою жизнь. И, может, она права, может, их вообще стоило сжечь, мало ли кому на глаза попадутся эти бумаги?

Но звезда в руке всё сильнее пульсировала болью, будто возражала или предостерегала. Казалось, что она растёт, прорывая кожу острыми гранями, и Олинн привычным жестом сжала руку в кулак.

Да угомонись ты уже!

Разговаривать со звездой, пусть и мысленно, вошло у неё в привычку.

Они шли по нежилой части замка, в коридоре и на галереях было темно. Ислид несла в руках фонарь, держа его высоко над головой и постоянно предупреждая Олинн:

– Тут ступеньки стёрлись... А тут порожек... Здесь скользко, вода протекла с крыши...

Затем они вошли в башню, долго спускались по винтовой лестнице, поворот за поворотом, и Олинн не заметила, как добрались до первого этажа. Ислид распахнула дверь, и из темноты и сырости башни они внезапно вынырнули на ярко освещённую галерею. Повсюду жаровни, фонари, факелы, и... стража!

У дверей стояло двое воинов-южан с алебардами, их не трудно было узнать по гербам на плащах-сюрко* надетых поверх кольчуг.

Она даже не успела попятиться, чтобы юркнуть назад в спасительную темноту башни, как один из стражей захлопнул за ней дверь. Олинн замерла, беспомощно оглядываясь на суету вокруг: слуги бегали с подносами еды, двое мужчин катили бочку с элем, и со стороны распахнутых дверей в большой зал слышались громкие возгласы и смех. В обоих концах галереи тоже виднелись стражи – в их начищенных алебардах отражалось пламя факелов.

Ислид оглянулась нетерпеливо и, видя, что Олинн застыла, как вкопанная, схватила её за руку и потащила за собой со словами:

– Да, идёте же! А то, как бы господин не рассердился!

Господин? Какой ещё господин?!

Но задать свой вопрос она не успела. Большие двустворчатые двери распахнулись, и в мгновение ока она оказалась на пороге Медового зала, в котором было полно гостей. Может, сотня, а может, и больше.

Вдоль стен расположились длинные столы и ряды лавок, а в отдалении, в противоположном конце, их соединял ещё один большой стол, покрытый алой скатертью – для самых важных гостей. Или хозяев...

Олинн успела выхватить взглядом подвешенные на цепях люстры с множеством свечей и светильники на стенах, слева большой камин, в котором на вертелах томились, дожариваясь, гуси и утки, а с другой стороны – бочки с элем и мёдом. Рядом с ними разливающий споро наполнял кружки деревянным ковшом. Столы ломились от множества блюд, и слуги носились как угорелые, принося всё новые и новые угощения.

Дальняя часть зала утопала в сумраке, и кто сидел за столом, укрытым алой скатертью, Олинн не разглядела, но не сомневалась, что там сидит сам король. Позади него стену украшал огромный штандарт с зелёным деревом, а по обе стороны, между головами оленей и лосей, висели штандарты поменьше.

В углу у камина большой грудой были свалены круглые щиты пленённых северян – свидетельство победы. И судя по тому, как одетый в цвета короля Гидеона воин дробил их молотом, именно ими сейчас и топился камин. Каждый удар молота сопровождался радостными возгласами гостей и стуком кружек по столу. А справа от входа на широкой лавке трое скальдов наигрывали какую-то весёлую мелодию, ударяя в бубен всякий раз, когда молот с треском дробил очередной щит.

Всё это в мгновение промелькнуло у Олинн перед глазами, и она даже не успела сразу понять всей нависшей над ней опасности. Но в тот же миг откуда-то из угла с музыкантами вынырнул раскрасневшийся бородатый герольд в праздничном одеянии. Он выудил из-под лавки длинный посох, стукнул им трижды по полу, требуя внимания, и натужно протрубил в рог. А затем крикнул зычно, так, что перекрычал весь многоголосый хор пьяных гостей:

– Славные воины короля! С той стороны реки, где туманы густые и белые, как соболиная шкура, а болота орошает клюквенная кровь, к нам пожаловала красавица Олинн из неприступной крепости Олруд! Так поприветствуем красавицу-северянку и гостью нашего короля, да осенит его милостью истинный бог! И поднимем сегодня наши кружки за славного командора Игвара Нье'Айрха из клана Дуба, который взял неприступную крепость Олруд за одну ночь! Нет на Севере боле неприступных крепостей! Скёлль!

– Скё-ё-ё-л-ль! Скё-ё-ё-л-ль! Скё-ё-ё-л-ль! – проорали десятки пьяных глоток так громко, что под сводами забило пульсом тяжёлое густое эхо.

Олинн даже уши зажала от испуга.

Снова протрубил рог, кружки застучали по столу, и музыканты подхватили веселье, с утроенной силой забренчав радостную мелодию.

Вот ты и попалась, лягушка глупая! Эх, Олинн, Олинн! Пришла сама прямо волку в пасть!

На неё уставились десятки глаз, и за столами в какой-то миг повисла тишина, ничего, кроме музыки. Герольд тронул Олинн за локоть и шепнул:

– Иди, поприветствуй короля.

А у неё ноги пристыли к полу. В Олруде, конечно, она видела пиры, но там было куда меньше народу, и она знала если не всех, то большую его часть. К тому же, во главе стола всегда сидел отец, и ей нечего было опасаться. А здесь...

На неё накатила запоздалая волна страха, и, если бы не осязаемый тычок между лопаток, которым герольд подтолкнул её в сторону зала, она бы так и осталась стоять у двери, как каменный истукан.

– Да иди же!

Олинн шла между столами, как будто во сне. Десятки жадных глаз сопровождали каждый её шаг, разглядывая и ощупывая всю с головы до ног, и ей бы очень хотелось, чтобы накидка

была не такой прозрачной, а лучше вообще плотной, как кольчуга, чтобы защитила её от этих взглядов.

Она слышала сальные шуточки и шепотки, воины клацали языками и одобрительно кричали, и такого унижения ей раньше терпеть не приходилось. Она шла, будто рабыня, которую ведут к продажному столбу для осмотра. Но всё, что она смогла сделать, это стиснуть зубы, сжать руку в кулак, потому что звезда уже нестерпимо жгла ладонь, и смотреть в одну точку впереди – на алую скатерть королевского стола. Она просто должна туда дойти. Только бы не споткнуться!

Олинн прошла больше половины расстояния, и её глаза смогли, наконец, различить человека за королевским столом. Он действительно был в золотой короне, как она себе и представляла раньше. Но её внимание привлекла вовсе не корона. С каждым шагом Олинн всё внимательнее вглядывалась в лицо короля, и, когда уже до стола осталось каких-то десять шагов, остановилась как вкопанная.

Это лицо ей было знакомо. Оно принадлежало тому командору, который её милостью чуть не упал с лошади! Это он подобрал её на дороге в Бодвар.

Так это был сам король Гидеон!

Король сидел расслабленно и, положив правую руку на подлокотник большого кресла с высокой спинкой, постукивал по нему пальцами. Перед ним стояли не кружки с элем, как у остальных, а бокалы с вином и блюда из серебра, а рядом лежали изящные нож и вилка. На блюдах не громоздились горы костей, и алая скатерть не была залита элем. Вид у короля был усталый и бесстрастный, и только взгляд тёмных глаз выдавал, что он рассматривает гостью с таким же интересом, как и она его.

Король смотрел и молчал, и гости вокруг него тоже постепенно замолчали и устали на Олинн. И, опомнившись, она быстро присела в полупоклоне, не зная, что ещё ей нужно делать перед королём.

– Д-добрый день... вечер, – пробормотала она тихо.

– Подойди ближе, – король чуть шевельнул рукой, подзывая её к себе.

Олинн сделала ещё несколько шагов и теперь уже могла хорошо рассмотреть своего неожиданного спасителя, возникшего из дождя по дороге в Бодвар. В этом кресле, без кольчуги и доспехов, он казался моложе и стройнее. Длинные тёмные волосы, перехваченные золотым обручем короны, спускались волнами на плечи. Одежду из зелёного бархата украшала массивная золотая цепь, идущая от плеча до плеча, на которой висел хольмгрег с красным камнем посередине, совсем такой, какой она видела у Хейвуда. Вот только странным контрастом на его молодом лице выделялись тёмные глаза. Олинн не смогла бы объяснить, что в них было. Темнота. Усталость. Печаль. Или всё вместе? Лишь ощутила, как покалывает в ладони звезда и холодит руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.